ISSN 2542-2197

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

12
выпуск (893)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

ISSN 2542-2197

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITIES

12 Issue (893)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 12 (893)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Горожанов Алексей Иванович
доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

Ответственный секретарь
Фурсова Дарья Аветисовна
кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Толкачев Сергей Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Минский государственный лингвистический университет (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 12 (893)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov Alexey Ivanovich
Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

Executive Secretary
Fursova Daria Avetisovna
PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osminina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Tolkachev Sergey Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Minsk State Linguistic University (Minsk)
Cenki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Проявление эмпатии как способ передачи коммуникативной интенции автора
БОГОМОЛОВА А. В. 9

Речевые интродукторы в романе Джорджо Бассани «Il giardino dei Finzi-Contini» и его переводе на русский язык
БОРИСОВА Е. С. 16

Экспрессивно-эмотивные характеристики медийного дискурса США
ГЛАЗКО П. П. 26

Типология переводческих трансформаций в паре «русский – греческий»
ГРИШИН А. Ю. 32

Словосложение и его роль в текстах официально-документального стиля на шведском языке
МАТЫЦИНА И. В. 40

Библейская фразеология английского языка в диахронии
МУХИН С. В., ЕФРЕМОВА Д. А. 47

Конституирующие признаки перевода как вида межъязыковой коммуникации
НЕСТЕРОВА Н. М. 55

А. Д. Швейцер о синхронном переводе как призвании
НИКУЛИЧЕВА Д. Б. 62

О переводе прецедентных текстов Х. К. Андерсена
ОРЛОВА Г. К. 70

Насколько политкорректна политкорректность в африканских странах?
ПОРОХНИЦКАЯ Л. В., МИЩЕНКО Е. Ю. 77

Использование базисной метафоры для характеристики особенностей мировосприятия центральных персонажей (на материале романа «Мой мальчик» Н. Хорнби)
САПОЖНИКОВА Ю. Л. 85

Одновременные конструкции как средство выдвижения на первый план в нарративах на русском жестовом языке
ФИЛИМОНОВА Е. В. 92

Функции *så* в шведском языке – ‘так’ и не только
ЧЕКАЛИНА Е. М. 99

Оценочные параметры немецкой паремии «Ende gut, alles gut» в газетном дискурсе
ШЕВЦОВА В. А. 108

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ранняя рецепция творчества Ф. М. Достоевского в Швеции (1880-е годы). Статья первая
АНДРЕЙЧУК К. Р. 115

Любовная тематика в литературе Китая начала XX века: от развлекательности к социальным проблемам
ЗАХАРОВА Н. В. 122

Рассказы В. А. Никифорова-Волгина об А. С. Пушкине: документальная основа и ее трансформации
ОСЬМИНИНА Е. А. 128

Образ ученого в романах П. Акройда «Журнал Виктора Франкенштейна» и Дж. Уинтерсон «Целую, твой Франкенштейн: История одной любви»
СОМОВА Е. В. 134

Алхимический код в творчестве Новалиса
ЧЕРНЯВСКИЙ И. Б. 141

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Семиотические проблемы интерпретации культурного кода: трансляция и инференция ценностно-мотивационных смыслов
ГУРЕВИЧ Л. С. 148

К концептуализации «культуры отмены»: аксиологическая vs функциональная интерпретации культуры в отечественном и зарубежном социокультурном пространстве
МИКИТИНЕЦ О. И., КОСТЕНКО О. В. 154

«Успех» как категория национальной культуры
РАРЕНКО А. А. 162

LINGUISTICS

Expression of Empathy as a Means of Conveying the Author's Communicative Intention
BOGOMOLOVA A. V. 9

Speech Introducers in Giorgio Bassani's Novel "Il giardino dei Finzi-Contini" and Its Translation into Russian
BORISOVA E. S. 16

Expressive and emotive characteristics of the media discourse of the USA
GLAZKO P. P. 26

Typology of Translation Transformations in the Russian-Greek Pair
GRISHIN A. J. 32

Compounding and Its Role in Official-Documentary Texts in Swedish
MATYTSINA I. V. 40

English Idioms of the Bible in Diachrony
MUKHIN S. V., EFREMOVA D. A. 47

Constitutive Attributes of Translation as Interlingual Communication
NESTEROVA N. M. 55

A. D. Shveitser about Simultaneous Translation as a Vocation
NIKULICHEVA D. B. 62

On Translating Key Cultural Texts: H. Ch. Andersen
ORLOVA G. K. 70

How Politically Correct is Political Correctness in African Countries?
POROKHNITSKAYA L. V., MISCHENKO E. YU. 77

The Use of a Basic Metaphor as a Means to Characterize the Peculiarities of Central Characters' Worldview (as exemplified in the novel "About a Boy" by N. Hornby)
SAPOZHNIKOVA YU. L. 85

Simultaneous Constructions as a Foregrounding Device in Russian Sign Language Narratives
FILIMONOVA E. V. 92

Functions of 'så' in Swedish – 'so' and Much More
CHEKALINA E. M. 99

Evaluative Parameters of the German Proverb "Ende gut, alles gut" in the Newspaper Discourse
SHEVTSOVA V. A. 108

CONTENTS

LITERARY STUDIES

The Early Reception of F. M. Dostoevsky's Works in Sweden (1880s). Part 1
ANDREICHUK K. R. 115

Love Themes in Chinese Literature of the Early Twentieth Century:
from Entertainment to Social Problems
ZAKHAROVA N. V. 122

V. A. Nikiforov-Volgin's Stories about A. S. Pushkin:
the Documentary Basis and Its Transformations
OSMININA E. A. 128

The Image of a Scientist in the Novels by P. Ackroyd "The Casebook of Victor Frankenstein"
and J. Winterson "Frankissstein: A Love Story"
SOMOVA E. V. 134

Alchemical Code in the Works of Novalis
CHERNYAVSKIY I. B. 141

CULTUROLOGY

Semiotic Issues with Cultural Code Interpretation:
Interpreting and Conflating Concepts Driven by Values
GUREVICH L. S. 148

Toward the Conceptualization of "Cancel Culture":
Axiological vs Functional Interpretation of Culture in the Domestic and Foreign Sociocultural Space
MIKITINETS O. I., KOSTENKO O. V. 154

"Success" as a Category of National Culture
RARENKO A. A. 162

Научная статья
УДК 81'25

Проявление эмпатии как способ передачи коммуникативной интенции автора

А. В. Богомолова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
bogomolova_av96@mail.ru

Аннотация. Цель данного исследования – выявление проявления эмпатии как одного из способов передачи коммуникативной интенции автора на примере авторского перевода автобиографического произведения Тюгдюаля де Гувелло «Enfant Fa'a'amu». Используются метод контекстуального анализа, метод сопоставительного анализа и метод сплошной выборки. Делается вывод, что эмпатия позволяет «проникнуть» во внутренний мир автора и, во-первых, должным образом определить коммуникативную интенцию, а, во-вторых, помочь читателю перевода правильно понять скрытые смыслы и уловить переживания автора. Постулируется, что достижение коммуникативно-равноценного перевода требует творческого подхода переводчика.

Ключевые слова: коммуникативная интенция автора, эмпатия переводчика, личный дневник, лирический речевой жанр, креативность переводчика

Для цитирования: Богомолова А. В. Проявление эмпатии как способ передачи коммуникативной интенции автора // Вестник Московского лингвистического университета: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 9–15.

Original article

Expression of Empathy as a Means of Conveying the Author's Communicative Intention

Alexandra V. Bogomolova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
bogomolova_av96@mail.ru

Abstract. The article discusses the use of empathy in conveying the author's communicative intention on the example of the author's translation of Tugdual de Gouvello's autobiographical work "Enfant Fa'a'amu." In order to achieve the aforementioned goal, a number of methods were employed, including the method of contextual analysis, the method of comparative analysis and the method of solid sampling. It can be concluded that empathy allows the translator to gain insight into the author's inner world, thereby enabling the determination of the communicative intention and the facilitation of the reader's comprehension of the hidden meanings and the author's experiences. It can be postulated that in order to achieve a communicatively equivalent translation, the translator needs to be creative.

Keywords: author's communicative intention, translator's empathy, personal diary, lyrical speech genre, translator's creativity

For citation: Bogomolova, A. V. (2024). Expression of empathy as a means of conveying the author's communicative intention. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 9–15. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проводимого исследования обусловлена неослабевающим интересом к языковой личности и к вопросам эмоциональной компетентности переводчиков, в частности, к умению проявлять эмпатию. В исследованиях последних лет данная проблема активно разрабатывается не только в контексте устного перевода, где особое внимание уделяется психологическому портрету [Валиева, 2023] и формированию эмотивно-эмпатийных навыков устных переводчиков [Карпова, 2021; Шемет, Мощанская, 2024], но и в плане проявления эмпатии при переводе художественного текста в целях сохранения эмоциональной составляющей исходного текста и естественности звучания текста перевода [Кушнина, 2022].

Коммуникативная интенция автора – это своего рода *душа* произведения, которую переводчик стремится облечь в новое *тело*. Однако, новое *тело*, представленное переводящим языком и принимающей культурой, не всегда легко *подобрать*, поскольку первоочередной задачей переводчика является раскрытие всех смыслов исходного текста, как эксплицитных, так и имплицитных, что возможно благодаря проявлению переводчиком эмпатии к переводимому тексту. Соответственно, целью данной работы является выявление признаков эмпатии как одного из способов передачи коммуникативной интенции автора. В задачи исследования входит идентификация фрагментов текста, содержащих эмотивно-эмпатийный компонент, определение переводческих приемов, используемых для достижения коммуникативно-равноценного перевода, при котором основным становится проявление эмпатии со стороны переводчика. Материалом исследования служит авторский перевод автобиографического произведения Тюгдюаля де Гувелло (Tugdual de Gouvello) «Enfant Fa'a'amu». В соответствии с поставленными задачами используются следующие методы: метод контекстуального анализа, метод сопоставительного анализа и метод сплошной выборки. Научная новизна проведенного исследования заключается в раскрытии эмпатии, проявляемой переводчиком при работе с оригинальным автобиографическим произведением, ранее не подвергавшимся переводу на русский язык, что подчеркивает важность рассмотрения Я-дискурса автора. Практическая ценность исследования заключается в возможности использования полученных результатов для развития эмоциональной компетентности письменных переводчиков.

ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК КАК ЛИРИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР

Произведение Тюгдюаля де Гувелло (Tugdual de Gouvello) «Enfant Fa'a'amu», выбранное в качестве материала исследования, рассматривается как личный дневник. В терминах В. В. Прозорова личный дневник относится к лирическому речевому жанру, представляющему для автора возможность снять с себя бремя полученных впечатлений, которые оказывают на него определенное влияние. Ведение записей подобно психотерапевтическому саморегулированию – такая рефлексия помогает автору не только зафиксировать пережитые моменты, но также заглянуть в себя и должным образом «прожить» и прочувствовать описываемые события. Дневник становится «наперсником автора», которому известны все тайны авторской души, его тревоги и сомнения [Прозоров, 2019, с. 36].

Личный дневник отличается автокоммуникативной направленностью и интимностью, его основной коммуникативной интенцией является желание выговориться, а также конструирование Я-образа, выступающего скрепой всего текста: неважно, о чем и как пишет автор, полученный текст в любом случае будет выступать отражением его личности [Калинина, 2012].

Рассматриваемое произведение описывает личные, практически неуловимые переживания, отзывающиеся в душе автора в момент написания. Считаем необходимым отметить, что Т. де Гувелло не является профессиональным писателем, а значит не знаком с принципами написания художественного текста. Автор делится личной историей усыновления ребенка во Французской Полинезии и рассказывает о всех сложностях, с которыми пришлось столкнуться на пути к достижению цели. Его повествование искренне и откровенно: он честно и открыто делится своими переживаниями и сомнениями, страхом перед неизвестностью и теплом, наполнявшим новоиспеченных родителей после знакомства с сыном. В данном случае коммуникативная интенция автора – поделиться сокровенным и показать избравшим подобный путь, что нет ничего невозможного, даже несмотря на трудности.

РОЛЬ ЭМПАТИИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Выделяя несколько типов эквивалентности, А. Д. Швейцер утверждает, что экспрессивная эквивалентность достигается за счет сохранения экспрессивно-эмотивной коннотации исходного текста, что невозможно при слепом и бездумном копировании его стилистических средств: степень

экспрессивности может отличаться, что приведет к утрате коммуникативного эффекта [Швейцер, 1988]. Чтобы сохранить коммуникативный эффект, переводчику следует проявить эмпатию, понимаемую как способность поставить себя на место говорящего и прожить все чувства и переживания, описанные автором исходного сообщения.

По мнению Л. В. Козяревич, «эмпатия как умение видеть и оценивать внутренний мир другого «я» является одним из компонентов переводческого переосмысления» [Козяревич, 2013, с. 140]. Такая способность приобретает особую значимость, когда переводчик сталкивается с текстами, наполненными личными переживаниями: ему необходимо буквально «проникнуть» во внутренний мир автора и «прожить» описанные события, то есть, в терминах М. Новотна, «прочувствовать ауру» текста, чтобы «воссоздать атмосферу» в переводе [цит. по: Кушнина, Аликина, 2021, с. 276].

«Проживание» текста в первую очередь зависит от личного опыта переводчика, поскольку последний эксплицирует «собственное эмоциональное состояние как проекцию фрагментов реальной действительности» [Масленникова, 2019, с. 82]. Переводчик выступает проводником читателя во внутренний и внешний мир автора и «принимает на себя функцию квази (со) автора» [там же, с. 85]: от его решений зависит, сможет ли читатель перевода встать на верный путь интерпретации авторского замысла или коммуникативная интенция так и останется нераскрытой. Способность распутать клубок скрытых смыслов с необходимостью обусловлена умением проявлять эмпатию.

В рассматриваемом нами произведении сталкиваются две культуры: культура Франции и культура заморских территорий Франции (бывших колоний), где свято чтут традиции.

Усыновление ребенка для русской культуры явление не чуждое и в целом мало отличается от процедуры усыновления во Франции, представляя собой долгий процесс, сопровождаемый сбором бессчетного количества документов. Однако усыновление во Французской Полинезии имеет определенную специфику. Речь идет о традиции fa'a'mu, согласно которой семья, не обладающая возможностью содержать ребенка, может передать его на попечение ближайших родственников или соседей. Если при классической процедуре усыновления в европейских странах, в большинстве случаев, усыновляют сирот либо детей родителей, лишенных родительских прав, то во Французской Полинезии желающим усыновить приходится в буквальном смысле самим искать беременных женщин, готовых отдать своего ребенка. Этот же принцип действует и в обратную сторону: биологическая мать может выбрать семью, готовую взять на попечение ее ребенка.

Вышесказанное накладывает эмоциональный отпечаток на автора, поскольку ему надлежит выйти из «зоны комфорта», поступиться своими принципами и начать жить по правилам полинезийского общества. В таких случаях переводчику важно осознать, что для самого повествователя это явление незнакомо, что он ощущает некий дискомфорт.

Проявление эмпатии необходимо для установления межличностной связи между автором и потенциальным читателем перевода, чтобы даже в переводе автор смог *достучаться* до души каждого читателя, преодолев культурные и языковые различия. Однако в ряде случаев проявление эмпатии может негативно сказаться на переводческом процессе, поскольку как в устном, так и в письменном переводе переводчики могут оказаться слишком чувствительными к переводимому материалу. Проявление лишних эмоций со стороны переводчика приведет к неверно расставленным акцентам, появлению в тексте перевода смыслов, не заложенных изначально автором, и, как следствие, к искажению коммуникативной интенции автора.

«И ДОЛГО МУЧИЛСЯ НАД СЛОВОМ, КОТОРОЕ НЕ ХОТЕЛО ПРИХОДИТЬ...»: ЭМПАТИЯ И КРЕАТИВНОСТЬ

Несмотря на мнение, что между переводом и креативностью нельзя поставить знак равенства (traduction ne rime pas avec créativité), при работе с художественными текстами переводчик непременно использует творческий подход. По мнению Л. Эйсона (Lance Hewson), при переводе художественных текстов можно выделить два вида переводческих решений: осознанные (le choix de traduction conscient) и неосознанные (le choix de traduction semi-automatique). Последнее предполагает, что переводчик механически перекладывает текст с одного языка на другой с опорой на предыдущий переводческий опыт, используя уже проверенные соответствия и не нарушая при этом нормы принимающего языка и смысл исходного текста. Осознанное переводческое решение, напротив, подразумевает, что переводчик пользуется богатствами языка перевода и, проявляя креативность, перебирает разные варианты перевода в поисках адекватного. Этот этап скрыт от глаз читателя, однако для переводчика это самые настоящие «муки переводческие», поскольку в определенный момент он осознает, что привычное соответствие, не нарушающее смысл исходного текста, не может в полной мере отразить замысел автора и стиль

текста. Поэтому, чтобы передать «внутренний голос» текста, переводчику необходимо проявить креативность и найти такие соответствия, которые смогли бы не просто воспроизвести текст в переводе, но и «окрасить» его теми же красками, что и исходный текст [Hewson, 2017].

При работе с выбранным произведением мы несколько раз констатировали, что дословный перевод не передает чувства и эмоции, скрытые в исходном тексте, и, следовательно, у читателя не создается нужный образ, который помог бы понять, что происходило на душе автора в момент написания текста. Рассмотрим некоторые примеры.

> Corentin a tout juste une heure quand nous lui donnons son premier micro-biberon, encore tout surpris de ce qui nous arrive. Atirina a été emmenée dans sa chambre pour se reposer. ***Nous regardons le bébé comme un Martien tombé du ciel, fragile comme du cristal***[1] (*c. 79*).

В данном фрагменте *начинающие* родители впервые остаются наедине со своим сыном. Их переполняют эмоции: им одновременно и радостно, и страшно. В одном из вариантов перевода мы попытались добиться максимальной близости с текстом оригинала в стремлении сохранить исходные образы, т. е. выбрали необдуманное решение: *Мы рассматриваем малыша* ***как пришельца****, упавшего с небес, такого* ***хрупкого, как хрусталь****.* Однако при таком варианте текст теряет естественность выражения на языке перевода. Сравнение малыша с пришельцем не вызывает у читателя положительных эмоций, скорее, наоборот. На данном этапе переводчику необходимо проявить эмпатию и вспомнить, как именно в принимающей культуре описывают встречу с новорожденным ребенком и какие варианты звучат естественнее в переводящем языке. В финальном варианте, проявив творческий подход, мы обратились к описательному переводу, а также добавили эпитет «маленький», чтобы усилить сравнение «*fragile comme du cristal*» и значение хрупкости:

> Корантену всего лишь час, и вот мы впервые кормим его из мини-бутылочки, сами еще не до конца осознавая, что с нами произошло. Атирину увезли в палату, чтобы она могла отдохнуть. ***А мы рассматриваем малыша: он как будто не с нашей планеты, как будто упал с небес, такой он маленький и хрупкий***.[2]

В следующем примере автор называет сына *une petite crevette*, что является довольно распространенным ласковым обращением к ребенку во франкоговорящих странах. Если сохранить данный образ, то для русскоязычного читателя подобное сравнение будет звучать несколько чужеродно. При переводе нам помогает предыдущий контекст, где автор сравнивает звуки, которые издает Корантен, с мяуканьем котенка. Таким образом нам удается избежать сравнений, чуждых принимающей культуре, а также создать единый образ маленького и хрупкого создания путем добавления уменьшительно-ласкательного суффикса к существительному «котенок».

> C'est vraiment ***une toute petite crevette*** et le revoir dans son landau nous bouleverse (*c. 80*). – А ведь он действительно похож на ***котеночка****,* и каждый раз глядя на то, как он спит в люльке, мы не можем сдержать слезы.

> ***Il est chou*** le petit Corentin, et nous voyons bien qu'il a la cote auprès du personnel médical avec sa petite taille et ***ses couinements de chaton*** (*там же*). – Слишком уж он ***милый***, наш Корантен, и так он нравится всему персоналу клиники, этот маленький комочек, ***попискивающий, как котенок***.

Интересно, что в данном фрагменте используется еще одно довольно распространенное уменьшительно-ласкательное обращение *chou*, что в переводе означает «капуста». Здесь оно используется в значении «очаровательный, хорошенький, милый». В переводе мы учитываем структуру предложения (эмфатическое выделение *le petit Corentin*) и усиливаем значение *chou* с помощью наречия «слишком» и усилительной частицы «уж».

С точки зрения выбора переводческих решений наше внимание привлекает финальная реплика исповеди автора: «Je suis heureux». О смыслах, скрытых за этими тремя словами, мы упоминали в предыдущих исследованиях, однако хотим обратить внимание на то, как излишнее проявление креативности и эмпатии может исказить перевод.

Проникнувшись историей автора, изначально мы перевели данную фразу следующим образом: «*Я наконец-то обрел свое счастье*». И, казалось бы, мы учли нелегкий и долгий путь автора к заветной мечте, постарались воссоздать и пережить вместе с ним момент расслабления и осознания, но излишняя креативность исказила стиль автора и, следовательно, его коммуникативную интенцию. Единственным намерением автора было зафиксировать свои воспоминания, чтобы впоследствии поделиться опытом с другими. Но не следует забывать, что автор не является профессиональным писателем, а данное произведение – это не что иное, как творческий и душевный порыв. Мы смеем предположить, что, записывая

[1]Здесь и далее цитируется «Enfant Fa'a'mu» T. de Gouvello, 2017. – *А.Б.*
[2]Здесь и далее перевод наш. – *А. Б.*

свои мысли, автор не стремился использовать стилистические фигуры и намеренно наполнить текст скрытыми смыслами, его повествование схоже с разговором с другом, который поделится историей и подскажет решение. Переводчику, со своей стороны, следует учитывать стилистическую и экспрессивную сторону исходного текста, поскольку «соотнося их с общим идейно-художественным замыслом автора, он устанавливает экспрессивно-стилистическую тональность подлинника» [Рецкер, 2004, с. 131]. Поэтому в данном случае излишний «пафос» в повествовании представляется неуместным, искажающим стиль автора и нарушающим тональность исходного текста. Принимая во внимание вышесказанное, мы остановили свой выбор на следующем варианте – «*Вот теперь я счастлив*».

При переводе выбранного нами произведения особенно важно «воссоздать атмосферу», поскольку, помимо всех внутренних переживаний и сложной ситуации, супруги находятся в другой стране, вдали от дома и близких, где многое им кажется чуждым, при этом никто не знает, как долго они там пробудут. Эта неопределенность накладывает свой отпечаток и на повествование: бесконечное ожидание утомляет и автора, и его супругу Изабель. Спустя некоторое время супруга возвращается во Францию, чтобы уладить необходимые формальности, автор остается на Таити один. И если первое время он находит, чем себя занять – придумывает новые хобби, встречается с друзьями, посещает новые места – то со временем ожидание приезда супруги и появления на свет ребенка становится невыносимым. И, конечно же, этот момент находит отражение в дневнике:

> Deux autres jours viennent de passer. Deux jours pendant lesquels je n'ai fait que regarder ***le temps passer*** et surtout subir ***le temps qui passe***. Attendre que ***le temps passe***… Il n'y a pas d'autre solution ! Il faut du temps pour que le bébé se fasse et grandisse dans le ventre de Atirina, et ça c'est immuable. Alors j'essaie de m'occuper l'esprit et le corps. Je lis ou je regarde un film. Je m'évade en somme, pour découvrir avec plaisir que ***du temps est passé***, un temps que je n'aurai pas à supporter (*c. 70*).

В приводимом фрагменте несколько раз встречается словосочетание *le temps passe* в разных вариациях, что в определенной степени создает образ чего-то монотонного, повторяющегося и не приносящего никакого удовольствия. К тому же появлению такого образа способствует использование глаголов с явно отрицательной коннотацией – *subir*, *supporter*, *perdre*. При «воссоздании атмосферы» оригинала необходимо учитывать, что русскому слову характерна бóльшая экспрессивно-стилистическая конкретность, нежели французскому: стилистически нейтральное французское слово может иметь эквиваленты с разной стилистической окраской в русском языке. Как отмечает В. Г. Гак, «выбор выразительного слова объясняется нередко выразительностью соседнего слова или более широкого контекста. В русском языке экспрессивно-стилистическое согласование – один из законов словоупотребления» [Гак, 2006, с. 129].

В переводе мы уходим от повтора нейтрального выражения *идет время* и, используя приемы смыслового развития и экспрессивной конкретизации, подбираем в русском языке выражения, которые смогут передать идею, что *время течет слишком медленно для тех, кто ждет*. Также в переводе мы «обыгрываем» использование частичного артикля во французском языке в следующей фразе: *Je m'évade en somme, pour découvrir avec plaisir que* ***du temps est passé***. В данном случае частичный артикль *du* передает идею, что прошло лишь немного времени, но, возможно, по ощущениям автора, прошла вечность. Поэтому нам представляется важным отразить это в переводе, а также акцентировать отрицательную коннотацию глагола *supporter* в следующем предложении:

> Прошло еще два дня. Я только и делал, что наблюдал за тем, как ***медленно идет время***, но скорее страдал от того, что ***время тянется настолько медленно***. Ждать, когда наступит нужный момент… А другого и не остается! Нужно время, чтобы малыш подрос в животе Атирины, по-другому никак. Поэтому я пытаюсь занять и ум, и тело. Читаю книгу. Смотрю фильм. В общем, просто сбегаю от реальности, чтобы потом с удовольствием понять, что ***прошло хоть немного времени***. И мне не придется переживать, как ***тянутся эти минуты***.

Эта личная история может помочь многим желающим усыновить ребенка, понять, что они не одиноки в этих жизненных испытаниях: иногда очень хочется знать и верить, что все трудности на пути временны, что, несмотря ни на что, всё равно будет счастливый конец. По мнению Я. И. Рецкера, переводчик обязан «передать не только то, **что** сказано в оригинале, но и **как** это сказано» [Рецкер, 2004, с. 18], поэтому при первом прочтении текста оригинала переводчику следует уловить настроение автора, которое последний стремится выразить словами, и выделить эмоционально окрашенные элементы, чтобы добиться «гармоничного» (в терминах Л. В. Кушниной) перевода и создать текст с равноценным эмоциональным зарядом. Как правило, выявить такие элементы

не составляет труда, но сложности возникают при «переложении» на другой язык, поскольку описываемые эмоции становятся «пресными», в тексте перевода как будто не хватает легкости. Именно в этот момент переводчику следует проникнуть в мир автора, попытаться прожить этот момент вместе с ним, чтобы вспомнить, как он мог бы отреагировать, какими языковыми средствами мог бы он выразить схожие эмоции на родном языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что проявление эмпатии со стороны переводчика позволяет отследить скрытые смыслы исходного текста, что, в свою очередь, способствует уточнению коммуникативной интенции автора и выбору адекватных переводческих стратегий и приемов для достижения коммуникативно-равноценного перевода. Переводчик становится связующим «мостом» между автором и читателем перевода, поэтому, чтобы пробудить чувства в читателе, переводчику прежде всего необходимо самому прожить историю, описанную в исходном тексте, поставить себя на место автора и взглянуть на мир его глазами. При этом для достижения адекватного перевода переводчику следует проявить творческий подход, чтобы верно передать коммуникативную интенцию автора путем использования широкого спектра ресурсов языка перевода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Валиева Ф. И. Психологический портрет современного переводчика: конструкт стрессоустойчивости // Обучение переводу в многопрофильном вузе: коллективная монография. Санкт-Петербург, 2023. С. 188–204.
2. Карпова Ю. А. Содержание и функции эмотивно-эмпатийного взаимодействия при обучении устных переводчиков иноязычному диалогическому речевому общению // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 1. С. 144–158.
3. Шемет Б. В., Мощанская Е. Ю. Эмоциональная компетентность устного переводчика в сфере административно-социального перевода // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 1.
4. Кушнина Л. В. Лингвопрагматический потенциал эмоциональной культуры языковой личности переводчика // Didactica Translatorica. 2022. № 2. С. 4–8.
5. Прозоров В. В. Дневник как лирический речевой жанр // Жанры речи. 2019. Вып. 1 (21). С. 34–41.
6. Калинина Е. И. Коммуникативная составляющая модели речевого жанра личного дневника в рамках гипержанра «diary» в британской лингвокультуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Вып. 4 (52). Т. 3. С. 229–233.
7. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
8. Козяревич Л. В. Фасцинация и эмпатия в аспекте перевода как категории коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 9(669). С. 136–143.
9. Кушнина Л. В., Аликина Е. В. Объективные и субъективные факторы в семиотическом пространстве перевода // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Вып. 4(37). Т. 10. С. 275–279.
10. Масленникова Е. М. Эмоциональная оценочность в двуязычной текстовой коммуникации // Взаимодействие языков и культур: сборник материалов VII международной научной конференции. 2019. С. 82–90.
11. Hewson L. Les paradoxes de la créativité en traduction littéraire // Meta. 2017. Vol. 62. № 2. P. 501–520.
12. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2004.
13. Гак В. Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: КомКнига, 2006.

REFERENCES

1. Valieva, F. Iv. (2023). Psychological profile of a professional interpreter: the construct of stress coping abilities. Obuchenie perevodu v mnogoprofil'nom vuze = Translation education in a multidisciplinary university (pp. 188–204): The collective monography. (In Russ.)
2. Karpova, Yu. A. (2021). The content and functions of emotive-empathic interaction in teaching foreign-language dialogic speech communication to interpreters. PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin, 1, 144–158. (In Russ.)
3. Shemet, B. V., Moschanskaya, E. Yu. (2024). Emotional competence of interpreters in the field of community interpreting. Modern problems of science and education, 1. (In Russ.)

4. Kushnina, L. V. (2022). Reflection of linguo-pragmatic potential in the emotional culture of the translator's linguistic persona. Didactica Translatorica, 2, 4–8. (In Russ.)
5. Prozorov, V. V. (2019). Diary as a lyrical speech genre. Speech Genres, 1(21), 34–41. (In Russ.)
6. Kalinina, E. I. (2012). Communicative strategies in modeling a private diary as a speech genre in the british linguoculture. Bulletin of Kemerovo State University, 4(52), 229–233. (In Russ.)
7. Shveitser, A. D. (1988). Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty = Translation theory: status, problems, aspects. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Koziarevych, L. V. (2013). Fascination and empathy in translation as categories of communication. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 9(669), 136–143. (In Russ.)
9. Kushnina, L. V., Alikina, E. V. (2021). Objective and subjective factors in the semiotic space of translation. Baltic Humanitarian Journal, 4(37), 275–279. (In Russ.)
10. Maslennikova, E. M. (2019). Emotional evaluation in bilingual textual communication. Vzaimodeistvie yazykov i kul'tur (pp. 82–90): The digest of articles of the VII international scientific conference. (In Russ.)
11. Hewson, L. (2017). Les paradoxes de la créativité en traduction littéraire. Meta, 62(2), 501–520.
12. Retsker, Ya. I. (2004). Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika = Translation theory and translation practice. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
13. Gak, V. G. (2006). Besedy o frantsuzskom slove. Iz sravnitel'noi leksikologii frantsuzskogo i russkogo yazykov = Conversations about the French word. From comparative lexicology of French and Russian languages. Moscow: KomKniga. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богомолова Александра Владимировна
старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения
Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации
Иркутского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bogomolova Alexandra Vladimirovna
Senior lecturer at the Department of Translation and Translation Studies
Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications
Irkutsk State University

Статья поступила в редакцию	12.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.131.1+81'42+81.37

Речевые интродукторы в романе Джорджо Бассани «Il giardino dei Finzi-Contini» и его переводе на русский язык

Е. С. Борисова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
borisova.es@linguanet.ru

Аннотация. В статье на материале одного из ключевых итальянских романов XX века «Il giardino dei Finzi-Contini» Дж. Бассани и его переводе на русский язык рассматриваются предикативные элементы, вводящие «чужую» речь. Цель данной работы – определить роль и степень воздействия интродукторов на читателя в контексте переданной речи в итальянском и русском текстах. Сравнительно-сопоставительный метод позволит выделить лексико-семантические и синтаксические особенности, влияющие на восприятие переданной речи итальянским и русским читателем и определить причины несоответствий интродукторов в оригинале и переводе. Результаты исследования будут отражены в классификации интродукторов, составленной с применением лексико-семантического, синтаксического и прагматического анализа.

Ключевые слова: «чужая» речь, прямая речь, несобственно-прямая речь, интродукторы, итальянский и русский язык, синтаксис, семантика, перевод

Для цитирования: Борисова Е. С. Речевые интродукторы в романе Джорджо Бассани «Il giardino dei Finzi-Contini» и его переводе на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). 16–25.

Original article

Speech Introducers in Giorgio Bassani's Novel "Il giardino dei Finzi-Contini" and Its Translation into Russian

Elena S. Borisova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
borisova.es@linguanet.ru

Abstract In the article, based on the material of one of the key Italian novels of the XX century, *Il giardino dei Finzi-Contini*, J. Bassani and his translation into Russian consider predicative elements introducing reported foreign speech. The purpose of this work is to determine the role and degree of influence of introducers on the reader in the context of the transmitted speech in Italian and Russian texts. The comparative method will allow to identify lexical, semantic and syntactic features that affect the perception of the transmitted speech by the Italian and Russian readers and determine the causes of inconsistencies between the introducers in the original and the translation. The results of the study will be reflected in the classification of introducers, derived on the basis of lexico-semantic, syntactic and pragmatic analysis.

Keywords: reported speech, direct speech, free indirect speech, introducers, Italian and Russian, syntax, semantics, translation

For citation: Borisova, E. S. (2024). Speech introducers in Giorgio Bassani's novel "Il giardino dei Finzi-Contini" and its translation into Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 16–25. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Любой художественный нарратив насыщен разными голосами, которые могут включаться в текст следующими синтаксическими конструкциями[1]: прямой речью (ПР), свободной прямой речью (СПР), несобственно-прямой речью (НПР) и косвенной речью (КР). Для данной работы из романа Дж. Бассани[2] и его перевода[3] было выбрано 333 контекста со всеми указанными видами «чужой» речи (ЧР), кроме СПР, поскольку данная конструкция не характерна для его прозы; не учитывались также высказывания, передающие мысли персонажа.

Актуальность и новизна данного исследования состоят в том, что, несмотря на существующие противоречивые точки зрения по данному вопросу, мы указываем на наличие интродукторов во всех перечисленных выше конструкциях, а также в том, что материал нашего исследования ставит под вопрос положение о большей эксплицитности итальянского текста по сравнению с русским за счет превалирования в нем речевых глаголов. С практической точки зрения данная работа полезна, поскольку ее выводы и материал можно использовать в курсах по лексикологии, теоретической грамматике, теории и практике перевода.

Противоположные точки зрения связаны с вопросом о наличии в конструкции НПР интродукторов. На их отсутствие указывал еще М. М. Бахтин [Бахтин, 1986]; Г. Вердин Диас называл их «ложными» (*los falsos verbos introductores*) [цит. по: Иванова, 1984, с. 14]; Н. С. Валгина полагала, что НПР в отличие от КР «не оформляется как придаточная часть» и «не вводится специальными вводящими словами» в отличие от ПР [Валгина, 2000]. Таким образом, согласно Н. С. Валгиной, НПР включается в авторское повествование, сливается с ним и не отграничивается от него, поскольку не имеет типизированной синтаксической формы. Того же мнения придерживается и М. Н. Кожина[4]. К этой полемике примыкает вопрос о статусе изъяснительного союза в этой конструкции, который впервые поднял Шарль Балли. Он рассматривал НПР как позднюю разновидность косвенной речи, образовавшуюся во французском языке из-за появления бессоюзия на месте гипотаксиса. В связи с этим следует отметить, что многочисленные примеры пограничных случаев в итальянском и в русском текстах доказывают обратное: НПР в отличие от ПР представляет собой зависимое в синтаксическом и в смысловом планах высказывание, предваряется интродукторами и может вводиться после изъяснительного союза:

> Micòl si lamentava: [che il ragazzo la facesse troppo correre, che si dimostrasse così poco «cavaliere», e del buio, anche, «francamente eccessivo»][5] (*с. 103*).

В этом примере помимо интродуктора, свойственного КР, обращает на себя внимание и пунктуация: НПР предваряет двоеточие, невозможное при вводе КР. В русском переводе мы также видим двоеточие, но связь, как это и свойственно русскому тексту, бессоюзная, а личное местоимение субъекта повествования в 3-м лице указывает на то, что это НПР:

> Миколь жаловалась: [мальчишка ее загонял, он совсем не «рыцарь», к тому же темно «чересчур»[6]…] (*с. 77*).

Пунктуация имеет прагматическую функцию, она помогает читателю идентифицировать разные голоса в тексте: ПР выделяется кавычками (в итальянском тексте) или тире (в русском переводе), а НПР маркируется тире, и это специфическая особенность оригинала романа Дж. Бассани. В русском это выделение пропадает, и читателю не столь очевидно вступление голосов персонажей: интродукторы довольно часто превращаются во вставные конструкции, как мы увидим в примерах основного текста статьи.

Не имея возможности подробно рассмотреть различие видов «чужой»[7] речи, укажем на то, что интродукторы в информативном отношении не автономны, поскольку их роль состоит в подготовке последующего высказывания. Причем в языках с развитой системой согласования времен от них будут зависеть изменения в составе высказывания, переданного КР и НПР. Эти изменения касаются личных, временных и пространственных дейктиков.

[1]По поводу типологии «чужой» речи см.: Борисова Е. С. Формальные способы устранения голоса нарратора в итальянской художественной прозе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 1. С. 54–60.

[2]Bassani G. Il giardino dei Finzi-Contini. Torino: Einaudi, 1999. В примерах страницы электронного варианта издания помечены в скобках буквой «э».

[3]Бассани Дж. Сад Финци-Контини / пер. И. А. Соболевой. М.: Текст, 2008.

[4]Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2003.

[5]Здесь и далее квадратными скобками в примерах выделяется переданная речь, за исключением ПР, в которой существуют графические маркеры-выделители.

[6]Помимо анализируемых нами синтаксических конструкций в романе Дж. Бассани встречается еще один вид «чужой» речи – цитация, однако ввиду ограниченного объема данной статьи она рассматриваться не будет.

[7]Прилагательное «чужой» мы ставим в кавычки, поскольку любое слово, любое высказывание в художественном тексте принадлежит автору.

С помощью сравнительно-сопоставильного метода в этой работе решаются следующие задачи: определение формально-синтаксических признаков, влияющих на восприятие текста читателем, составление классификации речевых интродукторов для всех видов ЧР, выявление причины несоответствия итальянского и русского текстов в том, что касается вводящих переданную речь элементов.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИНТРОДУКТОРОВ

При восприятии текста с любой разновидностью переданной речи важную роль играет локализация вводящих ее элементов, так как реципиент (слушатель или читатель) опознает «чужое» в речи отправителя сообщения благодаря текстуальным и контекстуальным маркерам, указывающим на переключение плана высказывания от одного говорящего к другому. В зависимости от места интродукторов слушающий может быть сразу введен в курс дела (препозиция интродукторов), неожиданно понять, что перед ним переданная речь (интерпозиция интродукторов), или же должен догадаться, кому она принадлежит (постпозиция или отсутствие интродукторов) [Calaresu, 2004].

Казалось бы, наиболее естественный и распространенный ввод любого вида переданной речи – это ***препозиция***, так как она заранее настраивает читателя на введение «чужих» слов в нарратив. Н. Д. Арутюнова указывает на то, что интродукторы могут предварять ПР независимо от ее смысла и цели [Арутюнова, 1999]. И такие примеры есть в романе Дж. Бассани, однако вводящие элементы непосредственно не подчиняют пропозицию, а лишь предваряют ее в предыдущем абзаце:

> ...il professor si affrettò a intervenire. <абзац> ПР (с. 97). → Профессор поспешил вмешаться. <абзац> ПР (с. 72).

В подавляющем большинстве рассмотренных нами примеров интродукторы находятся в ***постпозиции***, и прежде всего это касается ПР. Они либо стоят непосредственно за ПР (как мы увидим далее в многочисленных примерах), либо находятся в следующем абзаце:

> ПР <абзац> Era la prima volta che mi rivolgeva la parola (*с. 51*). → ПР <абзац> В тот раз она заговорила со мной впервые (*с. 37*).

В НПР ситуация иная: слова персонажа не выделяются кавычками и, следовательно, задача автора переключить внимание читателя с одного субъекта речи на другой иными способами. Таким образом, интродукторы оказываются либо в **препозиции**, либо в **интерпозиции**. Причем чаще встречается последний вариант, поскольку в НПР интродукторы переходят в разряд вставных, комментирующих и разъясняющих ЧР речь элементов[1].

Отсутствие интродуктивных элементов, как и их дистанцирование, можно рассматривать как своеобразный стилистический прием, включающий читателя в работу по определению принадлежности высказывания голосу персонажа или голосу нарратора. Иллюстративный пример – пространный диалог Миколь с главным героем в ПР на сс. 76–79 оригинала, где реплики персонажей чередуются без указания на субъект повествования. Такое отсутствие вводящих элементов связано с тем, что «позиция глагола речи во вводной клаузе не является обязательной при прямой речи» [Говорухо, 2020, с. 115] и в обоих языках остается незамещенной. На наш взгляд, нельзя говорить о полном отсутствии интродукторов, поскольку указание на субъект высказывания непременно должно существовать в тексте нарратора. И действительно, весь вышеуказанный диалог предваряется предикативными элементами, в составе которых имеются существительные речевой семантики: *conversazione – разговор*, *chiacchierata – болтовня*, они и указывают читателю на включение голосов персонажей в нарратив:

> Ne era venuta fuori una lunga, anzi lunghissima conversazione <...> ironica e divagante chiacchierata di due stagionati studenti universitari... (*с. 76*). → У нас состоялся долгий, очень долгий разговор, тон которому задавала Миколь. Это была обычная, ироничная и пустая болтовня двух студентов университета... (*с. 56*)

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ ИНТРОДУКТОРОВ

Группа интродукторов речи как в итальянском, так и в русском языке самая разнообразная, поскольку, с одной стороны, в толковании множества слов присутствует элемент *говорить*, с другой – словообразование с этим значением необычайной продуктивно из-за непосредственной связи глаголов речи с ситуацией высказывания [Зализняк, 2006]. В случае с переданной речью они устанавливают связь между текстом нарратора и высказыванием персонажа, а также характеризуют ситуацию речевого высказывания.

[1]О различии вводных и вставных конструкций см.: Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: учебник. М.: ВШ, 2003.

Основной единицей этой семантической группы является глагол *говорить* (*dire*). «Действие, выражаемое глаголом *говорить*, многоаспектно <…>. *Говорить* – это, "произносить", "пользоваться устной речью", "словесно выражать что-то", "общаться с кем-то", "сообщать кому-то что-то" и "утверждать"» [Шмелев, 1973, с. 230].

Собственно глаголы речи в интродуктивном высказывании[1]

Сравнительный анализ оригинала и перевода показал, что в написанном в плане прошедшего времени романе Дж. Бассани всего с глаголом *dire* в интродуктивной функции встретилось 137 форм, из них 111 – формы 3-го лица (*disse – 57, diceva – 38, aveva detto – 15*, *dicevano* – 1), а 26 – формы 1-го лица (*dissi – 14, dicevo – 12*). В русском тексте картина несколько иная: с глаголом *говорить* в перфективном и имперфективном вариантах насчитывается 193 формы: *говорил* (*-а, -и*) – *123*, *сказал* (*-а*, *-и*) – 70. Интересно, что эти данные противоречат наблюдению Р. А. Говорухо о большей иерархичности итальянского текста, в том числе и за счет *verba dicendi*, превалирующих над аналогичными формами в русском тексте [Говорухо, 2019]. В связи с этим возникают следующие гипотезы:

1) итальянские речевые интродукторы обладают бóльшим количеством семантических оттенков, чем аналогичные интродукторы в русском тексте, и при переводе эти оттенки нивелируются в форме гиперонима *говорить – сказать*;
2) отрицательные формы глаголов речи в составе интродуторов в итальянском тексте не переводятся ментальными глаголами в русском тексте;
3) в русском тексте глаголы речи имеют компенсаторный характер.

Для подтверждения этих гипотез необходимо провести последовательный анализ речевых интродукторов в оригинале и в переводе[2].

Помимо глагола *dire* собственно речевым интродуктором следует считать глагол *fare*. Он используется в итальянском тексте, чтобы избежать лексических повторов:

> «Anche io so che cosa vuol dire veder morire un figlio di cinque anni», fece a un tratto Elia Corcos (*с. 30*).

В переводе эта проблема снимается за счет перевода фразеологизма *vuol dire* эпистемическим глаголом:

> – Я знаю, что это значит: видеть, как умирает твой пятилетний сын, – сказал Элиа Коркос (*с. 20*).

Кроме этого, сочетание в тексте персонажа и нарратора речевого глагола *dire* и многозначного глагола *fare* в переводе превращается либо в сочетание разных аспектуальных форм, либо в сочетание речевого глагола с акциональным:

> «Ma che cosa dici!» fece lui (*с. 134э*). → – Ну что ты говоришь! – сказал он (*с. 195*); «Ma sì, lasciami dire!» fece lui (*с. 150э*). → – Дай мне сказать! – заторопился Ø он (*с. 221*).

Собственно речевые интродукторы имеют большое количество дополнительных оттенков, например, *сказать неправду* в случае с глаголом *mentire*:

> «No, no» mentii (*с. 60*). → — Нет, нет, — солгал я (*с. 44*).

Эти оттенки реализуются также при вводе в текст стихотворных цитат с помощью глагола *declamare – декламировать*, включающем в себя сему качества и манеры произношения.

Как в случае и с другими глаголами в составе интродукторов, к основному речевому глаголу могут присоединяться обстоятельства образа действия, выраженные прилагательным, наречием, существительным, причастием, герундием, номинативной или предикативной синтагмой. Довольно часто они характеризуют манеру речи и указывают на источник звукоизвлечения и его характеристики, в переводе такая спецификация сохраняется:

> Declamava a mezza voce, nel tono amaro e doloroso… (*с. 143э*) → Он декламировал вполголоса, с горькими и болезненными нотами… (*с. 208*).

Если речевой интродуктор в итальянском тексте входит в состав инфинитивного придаточного и лицо субъекта речи не выражено личной глагольной формой, вполне закономерна экспликация свернутых пропозиций и, соответственно, указание на субъекта речи в русском тексте:

> *Mi ascoltava declamare commosso* Non chiederci la parola che squadri da ogni lato (*с. 138э*). → Он

[1]Следует обратить внимание на то, что глаголы речи в возвратной форме представляют собой интродукторы, указывающие на мысли субъекта высказывания, и поэтому речь о них пойдет в следующих наших работах.

[2]При классификации интродуктивных предикатов учитывалась спецификация способов произнесения, разработанная Анной А. Зализняк [Зализняк, 2006].

внимательно слушал, как я читаю «Не проси слов, которые можешь найти» Монтале (*с. 200*).

В следующем примере мы видим два интродуктора: первый *si risolse a dar notizia* подготавливает читателя к последующим словам персонажа, второй – *premise* уточняет характер высказывания НПР. В переводе первый интродуктор передается собственно речевым глаголом, а второй, указывающий на неполноту знания, замещается собственно речевым глаголом:

...si risolse a dar notizia di due fatti curiosi: fra loro magari senza rapporto – premise –, ma non per questo meno significativi (*с. 28*). → ...отец <...> вдруг решился сообщить два любопытных факта. Может быть, между ними и нет прямой связи, сказал он, но это не умаляет их значения (*с. 19*).

Утрата характеристики речевого акта в русском тексте наблюдается и в следующем примере: опущен глагол *smentire – отрицать, не соглашаться*, стирается каузативная семантика глагола *assicurare*, направленная на адресата высказывания, таким образом глагол *сказать* в переводе выполняет исключительно интродуктивную функцию:

E a noi non era rimasto altro da fare che smentire, assicurare in coro che tutto, campo compreso, andava invece più che bene (*с. 49*). → И нам ничего другого не оставалось, как вместе, хором, сказать, что все прекрасно, что корт не имеет значения и для нас совсем не плох (*с. 68*).

Интродукторы, указывающие на акустические особенности высказывания персонажа

Эта группа самая многочисленная, поскольку в ее состав мы включаем «интенсивные» речевые глаголы, указывающие в первую очередь на силу звука, на некоторые физиологические особенности субъекта речи, прежде всего, его артикуляцию, и глаголы звукоподражания. При этом интенсивы могут ***превосходить норму*** или не доходить до нормы:

«Sta' attento», gridò <...> di Micòl... (*с. 60*) → «Повнимательнее там, – крикнула Миколь Ø... (*с. 44*).

На первый взгляд, при использовании глагола *gridare* спецификация способа произнесения касается только акустической характеристики высказывания. Однако в большинстве случаев этот глагол осложняется эмотивной семантикой, поскольку причиной увеличения или уменьшения силы звука является эмоциональное состояние персонажа, о котором читатель узнает либо из вводящей ЧР предикативной конструкции, либо из более широкого контекста. Речевые интродукторы могут совмещать в себе акустические признаки, актуализацию внутреннего состояния субъекта речи и его отношение к адресату: *esclamò, con enfasi ironica → пошутила*; *esclamò sgranando gli occhi per lo stupore → воскликнул он, широко раскрыв глаза от удивления*; *chiesi*, *alzando la voce → спросил я погромче*.

«***Не доходящие до нормы***» речевые глаголы, могут указывать только на силу звука: *bisbigliò → прошептала она*, *sussurrò lei di rimando → шепнула она в ответ*. Или же могут дополнительно к интенсивности силы звука указывать на эмоциональное состояние говорящего: *brontolò → проворчала она*. На психофизическое состояние персонажа во многих случаях указывают обстоятельства образа действия: *mormorai incerto → сказал я неуверенно*; *borbottai, sentendo che il viso mi si copriva di rossore → пробормотал я, чувствуя, что лицо мое заливается краской*. Кроме этого, акустические особенности высказывания персонажа могут передаваться обстоятельствами образа действия в связке с собственно речевыми глаголами: *chiese, sempre sottovoce → спросила она вполголоса*.

В группу интродукторов, характеризующих акустические особенности высказывания персонажа входят и глаголы звукоподражания, которые роднят высказывание персонажа с неречевыми звуками: *sbuffò calma → фыркнула она*, *sibilava fra i denti → шипел он сквозь зубы*, *cantilenò ironico → почти пропел он иронично*. Их рассматривают как метафорические глаголы речевого поведения [Булыгина, Гарбуйо, Трипольская, 2019].

В итальянском тексте встретились примеры с опущением речевых интродукторов, но их функция компенсировалась наличием акциональных глаголов и их актантов, указывающих на акустическую характеристику высказывания персонажа, в переводе этот интродуктор отсутствовал: *mi chinai all'orecchio di Micòl → Ø*.

Интродукторы, указывающие на мимику и жестикуляцию субъекта высказывания

Поскольку речь произнесенная в большинстве своем эмоционально окрашена, а эмоции передаются не только акустически, но и визуально, мы выделяем отдельную группу интродукторов, указывающих на внешние проявления внутреннего состояния субъекта высказывания или его поведения. Очень часто оно связано с мимикой

и жестами, на которые указывают обстоятельства образа действия после глагола речи: *disse, con una graziosa smorfia della bocca → сказала она с изящной гримаской*. Эти обстоятельства могут быть выражены герундием, который указывает на активное действие и «имеет статус сопутствующей информации, тогда как в роли основной предикации выступает глагол речи» [Говорухо, 2020, с. 115]: *disse, deformando il viso in un'espressione di intenso fastidio → сказала она, поморщившись от досады*.

В следующим примере мы видим обратную ситуацию: основным является акциональный глагол, а речевой глагол в сравнительном инфинитивном придаточном указывает на речь не произнесенную:

> Gonfiò le guance come a dire «Uffa! Finalmente!» (*с. 63–64*) → Надула щеки, будто говоря: «Уф, наконец-то!» (*с. 47*).

Взаимосвязь речи и мимики позволяет использовать соответствующие глаголы в функции интродукторов ЧР: *ammiccava divertita → весело подмигивала она*, «*Ah sì?*» *sogghignò lei* (*с. 28*). → *– Да? – хмыкнула она* (*с. 38*).

Причем в переводе встречается как смягчение интенсивности проявления чувств, например, *rise → он усмехнулся* вместо *засмеялся*, так и перевод акциональных глаголов интерактивными[1], выступающими в функции речевых: *ridacchiò Micòl → подхватила Миколь*.

В следующем примере в роли интродуктора выступает описание неречевой ситуации, которая в оригинале указывает на мимику или жесты субъекта высказывания. В переводе эта конкретизация заменяется другой неречевой ситуацией с интерактивным глаголом *вмешаться* и речевым глаголом *спросил* в составе интродукторов:

> Il professor Ermanno tossì. Puntò un dito verso Malnate. <абзац> ПР indicò gentilmente (*с. 53э*). → Испугавшись, что насмешки дочери могут обидеть незнакомого химика, профессор поспешил вмешаться. <абзац> ПР спросил он, обращаясь к Малнате (*с. 72*).

ЧР может быть реакцией персонажа на поведение другого персонажа, и в этом случае в составе интродуктивного высказывания будут предикативные элементы, связанные с мимикой или жестами. Речевые интродукторы и в итальянском, и в русском тексте в этом случае излишни:

> ПР *piagnucolò* (*с. 69э*) → ПР *с тоской сказала она* (*с. 97*);
>
> *Si era messa a ridere*. <абзац> ПР (*с. 116э*) → *Она рассмеялась*: <абзац> ПР (*с. 94*);
>
> *I piccoli occhi* <…> *ridevano bonari* <…>. НПР (*с. 47э*) → *Его маленькие серые глаза* <…> добродушно смеялись <…>. НПР (*с. 94*).

Р. А. Говорухо отмечает, что в русской письменной речи чаще, чем в итальянской, наблюдается компрессия предикатов речи: «ПР может непосредственно следовать за глаголами акциональной семантики или предшествовать им, что не характерно для итальянского текста» [Говорухо, 2020, с. 115], однако вышеприведенные примеры указывают, что и в итальянском тексте акциональные глаголы довольно часто вводять ЧР. Представляется, что набор способов невербального выражения чувств через мимику или жесты позволяет опускать речевые глаголы перед высказыванием персонажа и в русском, и в итальянском языках.

Интродукторы, выражающие оценку

В большинстве случаев интродукторы, представленные выше, помимо основного значения *передача чужой речи* включают в себя и другие значения, прежде всего связанные с эмоциями говорящего, которые пронизывают всю речевую деятельность человека и закрепляются в семантике слова. Очевидно, что указания на акустические особенности переданной речи, на мимику и жесты субъекта высказывания также связаны и с его эмоциями. В плане перевода важно различать вектор направленности этих эмоций, поскольку в них может актуализироваться внутреннее состояния субъекта речи: *sospirai → вздохнул я*, *si lagnò → захныкала она*; или передаваться отношение субъекта ЧР к адресату речевого действия:

> Lei mi rimproverava → Она упрекала меня;
>
> conveniva a questo punto Micòl, posandomi una mano sulla mano (*с. 74*) → соглашалась при этих словах Миколь, с состраданием гладя мою руку своей (*с. 104*).

Обращают на себя внимание случаи, когда в переводе интродукторы исчезают, превращаясь в описание внутреннего состояния персонажа:

> soggiungevo, con un nodo alla gola (*с. 74*) → Ø Но она даже представить не может, какое страдание причинили мне эти слова (*с. 104*).

[1]См. раздел «Интерактивные интродукторы» данной статьи.

Возможен и обратный вариант: в переводе добавляется эмотивная характеристика высказывания персонажа:

> Si fa così, santa pace? Ø (*с. 45э*) → Разве так делают? — возмущалась она (*с. 62*).

Интерактивные интродукторы

Этим термином мы обозначаем предикативные элементы (прежде всего глаголы), указывающие на взаимодействие реплик персонажей в диалогических единствах, которые могут быть оформлены разными конструкциями ЧР и указывать «на одну из трех логически возможных временн*ы*х фаз ситуации – начало (*инхоатив*), продолжение (*континуатив*) и конец (*терминатив*)» [Плунгян, 2011, с. 216].

В начале диалога в итальянском тексте часто используются фазовые глаголы в связке с глагольными спецификаторами речевой пропозиции, а в русском тексте естественной заменой фазового глагола выступают временные наречия: *cominciò col chiedermi* → *сначала он спросил меня*.

В следующем примере схожая итальянская конструкция переводится эллиптической конструкцией с инхоативным глаголом, в которой опущен глагол речи. Однако на начало действия и его незавершенность, а также на неуверенность персонажа указывает модальная частицы *было*:

> «Ma… non so…» cominciai a dire, accennando al muro (*с. 54*). → – Ну… не знаю… — начал было я Ø, поглядывая на стену (*с. 39*).

В фазе **продолжения** диалога встречается множество вариаций. Интродукторы могут быть выражены самостоятельными глаголами-континуативами *continuare, proseguire, seguitare, aggiungere* при этом в переводе мы не наблюдали никаких семантических изменений.

Как и в случае с инхоативной фазой, ЧР могут вводить предикативные группы, состоящие из фазового и речевого глагола, в них основной глагол переводится несовершенным видом: *continuava a ripetere sommessamente mio padre* → *обычно повторял мой отец*.

Ответ на реплику собеседника вводится либо отдельным речевым глаголом *rispondere – отвечать*, способным комментировать любые виды переданной речи, либо предикатом, указывающим на поведение персонажа:

> «Beh, in un certo senso» rispose l'altro, assentendo con un cenno del capo (*с. 53э*). → – В общем-то да, – подтвердил тот Ø (*с. 72*).

Причем в переводе спецификация речевого глагола в оригинале включается в глагольную форму *подтвердил*, при этом утрачивается указание на внешнее проявление согласия-одобрения в поведении персонажа кивком.

ЧР, в которой выражается **согласие с собеседником**, в итальянском тексте вводится при помощи глаголов *approvare*, *confermare*, *ammettere*. Последний из перечисленных глаголов в значении *riconoscere*, *consentire* в переводе представлен либо собственно речевым интродуктором НПР, в котором нейтрализуется значения согласия и одобрение (*ammise* → *сказал он*), либо интерактивным глаголом, утратившим логическую связь с предыдущими высказываниями собеседника (*ammetteva* → *добавлял он*).

Несогласие с предыдущей репликой собеседника передается при помощи глагола-интродуктора *smentire – опровергать*, *отрицать*, и НПР персонажа в этом случае включается в текст нарратора без изъяснительного союза *che – что*:

> Smentii in tono reciso: [non era vero] <…> (*с. 67*). → Я решительно все опроверг: [нет, это неправда] <…> (*с. 48*).

Передача **повтора** слов одного и того же персонажа в континуативной фазе осуществляется либо при помощи глагола *ripetere* в имперфекте, либо при помощи глагольного спецификатора *solere*: *soleva ripetere mio padre* → *обычно повторял мой отец*.

Интермедиальные интродукторы также могут указывать на **продолжение субъектом высказывания своей же прерванной речи**, например, при помощи фазового глагола *riprendere – возобновлять, продолжать начатое*, который в оригинале романа Дж. Бассани в пяти случаях из семи комментирует ПР, только в одном – НПР, а в двух (в сочетании с речевым глаголом) предваряет ПР и НПР в сочетании с глаголами речи:

> Micòl riprese a parlare. <*абзац*> ПР (*с. 64э*) → Миколь снова заговорила: <*абзац*> ПР (*с. 92*).

С этим же глаголом-интродуктором встретилось и двойное указание на вступление ЧР:

> riprese a parlarmi: ma seria, adesso, grave. <*абзац*> Disse che НПР (*с. 119*) → …заговорила снова, серьезно, с особым значением. <*абзац*> Она сказала, что НПР (*с. 172*).

Первый инродуктор сигнализирует о возобновлении речевого действия, второй непосредственно вводит пропозицию в НПР.

Интродукторы, указывающие на **продолжение только что сказанного**, представлены в романе глаголами *aggiungere*, *seguitare*, *attaccare*. В переводе, однако, это значение исчезает (*attaccava solennemente il rabbino* → *торжественно читал раввин*), хотя из предыдущего контекста очевидно, что раввин именно продолжал (*attaccava*) свое речевое действие во время богослужения, произнося благословение на иврите, а не просто зачитывал слова *Да прибудет с тобой Бог и защитит тебя*.

С противоречием положения о том, что «элементы модуса получают в итальянском тексте более развернутое выражение по сравнению с русским текстом, где наблюдается тенденция к их полной или частичной редукции» [Говорухо, 2019, с. 157], мы столкнулись и в следующем примере, где речевой глагол-интродуктор, ясный из контекста, элиминируется в континуативной фазе, но компенсируется в переводе:

> ПР disse, con una graziosa smorfia delle labbra. E poi Ø: ПР (*с. 51*). → ПР сказала она с изящной гримаской. И добавила ПР (*с. 37*).

Характеристика ЧР, связанная с **отстаиванием своей точки зрения или давлением на собеседника**, передается при помощи глаголов *insistere*, *incalzare*, *sostenere*. В переводе встретились как нейтрализация этого значения за счет использования речевого глагола *insistei* → *сказал я*, так и опущение:

> «Allora vuoi, o non vuoi?» incalzò Micòl (*с. 54*). → – Так ты хочешь или нет? Ø (*с. 39*).

Указание на **включение в монолог субъекта повествования слов другого персонажа** происходит за счет речевого глагола *interloquire*, не имеющего прямого аналога в русском языке, в связи с чем в переводе появляется акциональный предикат с актантами, обозначающими речевое действие:

> anche Bruno ogni tanto interloquiva, aggiungendo particolari (*с. 84–85*) → Бруно тоже вставлял в разговор некоторые замечания (*с. 62–63*).

Указание на **перебивание или прерывание** речи собеседника и вступление ЧР осуществляется с помощью акциональных глаголов, использованных в функции речевых: *ribattere* (ср. *r. un tasto del computer*), *interrompere* (ср. *i. una festa*, *il cammino*), *prorompere* (ср. *i soldati proruppero dalle trincee; c. in pianto*)[1]. Причем в русском языке эквиваленты этих глаголов в первом своем значении относятся именно к речевым: *ribattei seccamente* → *сухо ответил я*, *proruppe l'Adriana con l'abituale sventatezza* → *вмешалась Адриана с обычной напористостью*, *mi interruppe*, *scoppiando a ridere* → *Она со смехом перебила меня*.

В случае **прерывания или завершения** диалога или монолога в итальянском тексте используются либо глаголы логического вывода *concludere – завершать, заканчивать, заключать, делать вывод* либо акциональные глаголы в переносном значении *tagliare – пресекать, прерывать, прекращать*:

> «Giacché non esiste situazione, per triste e noiosa che sia» concluse, «la quale non offra in fondo qualche compenso, e spesso sostanzioso» (*с. 69э*). → Ведь вообще не существует ничего такого, что, принося скуку, Ø не предлагало бы хоть что-нибудь в дополнение к ней (*с. 97*).

Как мы видим, в этом примере в переводе речевой глагол логического вывода опущен. А в следующем примере образное значение терминатива в переводе утрачивается: *tagliai corto* → *остановил его я*...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ примеров на материале романа Дж. Бассани «Il giardino dei Finzi-Contini» и его перевода на русский язык позволил сделать выводы о том, что на восприятие художественного текста, на выделение из него субъекта повествования оказывают влияние интродукторы ЧР. При этом важны их пунктуационное оформление, локализация и лексико-семантическое наполнение.

В том, что касается графического и пространственного маркирования ЧР, потенциал воздействия интродукторов в итальянском и русском текстах практически одинаков, за исключением случаев, когда вводящие НПР элементы, выделенные тире в оригинале, превращаются во вставные конструкции, выделенные запятыми в переводе.

В том, что касается лексико-семантического оформления, анализ примеров оригинала и перевода показал: вводить ЧР в итальянский и в русский текст могут интродукторы, включающие и речевые, и акциональные глаголы. Отсутствие вводящих элементов исключено: даже если в некоторых случаях и нет вводной клаузы, то в тексте содержатся дистанцированные предикативные элементы, указывающие на субъект повествования.

В плане типологических отличий итальянского и русского языка на примере избранного материала важно обратить внимание на то, что не подтверждается положение о большей эксплицитности

[1]Примеры коллокаций приводятся из электронного словаря «Vocabolario Treccani». URL: https://www.treccani.it/vocabolario/

текста за счет превалирования в нем *verba dicendi*, так как в переводе собственно речевых глаголов больше на 56 единиц.

Компенсаторный характер речевых глаголов в составе интродукторов перевода связан как с тем, что в итальянском тексте элементы, вводящие ЧР, обладают большим количеством семантических оттенков (не последнюю роль играет многозначный глагол *fare*), так и с тем, что в переводе этого романа довольно часто стираются оттенки, указывающие на психофизическое состояние субъекта высказывания.

В любом случае выявление противоречий сопряженных со связующей функцией речевых глаголов в итальянском и в русском языках требует дальнейшего верификационного анализа на более обширном материале.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
2. Иванова Л. Т. Несобственно-прямая речь в испанском языке: дис. … канд. филол. наук. М., 1984.
3. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М.: Агар, 2000.
4. Calaresu E. Testuali parole. La dimensione pragmatica e testuale del discorso riportato. Milano: FrancoAngeli, 2004.
5. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека (Чужая речь: «свое» и «чужое»). М.: Языки русской культуры, 1999.
6. Говорухо Р. А. Глаголы речи и мысли как средства связи в итальянском тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 114–121.
7. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления М.: Языки славянских культур, 2006.
8. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973.
9. Говорухо Р. А. Глаголы речи в русском и итальянском текстах (пропозициональный аспект) // Итальянский язык и культура: связи, контакты, заимствования. Проблемы итальянистики. Вып. 7. М.: РГГУ, 2019. С. 135–160.
10. Булыгина Е. Ю., Гарбуйо И., Трипольская Т. А. Метафорические глаголы речевого поведения в русском и итальянском языках: семантико-прагматический и лексикографический аспекты // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 17–35.
11. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011.

REFERENCES

1. Bahtin, M. M. (1986). Estetika slovesnogo tvorchestva. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
2. Ivanova, L. T. (1984). Nesobstvenno-pryamaya rech‘ v ispanskom yazyke: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Valgina, N. S. (2000). Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka. Moscow: Agar. (In Russ.)
4. Calaresu, E. (2004). Testuali parole. La dimensione pragmatica e testuale del discorso riportato. Milano: FrancoAngeli.
5. Arutyunova, N. D. (1999). Yazyk i mir cheloveka (Chuzhaya rech’: "svoe" i "chuzhoe"). Moscow: Yazyki russkoj kul’tury. (In Russ.)
6. Govorukho, R. A. (2020). Verbs of speaking and thinking as linking elementsin italian text. Proceedings of VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 3, 114–121. (In Russ.)
7. Zaliznyak, Anna, A. (2006). Mnogoznachnost’ v yazyke i sposoby ee predstavleniya = Multivalence in language and ways of its representation. Moscow: Yazyki slavyanskih kul’tur. (In Russ.)
8. Shmelev, D. N. (1973). Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka) = Problems of semantic analysis of the lexicon (on the material of the Russian language). Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Govorukho, R. (2019). Speech Verbs in Russian and Italian Texts (Propositional Aspect). Italian Language and Culture: Links, Contacts and Borrowings. Problems in Italian Studies, 7, 135–160. (In Russ.)
10. Bulygina, E. Yu., Garbujo, I., Tripolskaya, T. A. (2019). Metaphorical Verbs of Speaking in Russian and Italian: Semantic-Pragmatical and Lexicographical Aspects. Russian Journal of Lexicography, 15, 17–35. (In Russ.)
11. Plungyan, V. A. (2011). Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku = Introduction to grammatical semantics. Moscow: RGGU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борисова Елена Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой итальянского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Borisova Elena Sergeevna
PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Italian Language Department Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	13.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'42:070(476)

Экспрессивно-эмотивные характеристики медийного дискурса США

П. П. Глазко

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
pavel.hlazko@gmail.com

Аннотация. Цель исследования состоит в установлении закономерностей актуализации категорий экспрессивности и эмотивности в англоязычном медиадискурсе США в аспекте их взаимодействия. Результаты лингвостилистического, контекстуального и сопоставительного анализа дают основания для обобщения всего разнообразия взаимодействия рассматриваемых категорий в виде 9 типов экспрессивно-эмотивных комплексов, общей прагматической функцией которых является экстериоризация эмоций автора.

Ключевые слова: медиадискурс, традиционные медиа, новые медиа, эмотивность, экспрессивность

Для цитирования: Глазко П. П. Экспрессивно-эмотивные характеристики медийного дискурса США // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 26–31.

Original article

Expressive and Emotive Characteristics of the Media Discourse of the USA

Pavel P. Glazko

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
pavel.hlazko@gmail.com

Abstract. The aim of the study is to investigate the patterns of interaction between the categories of expressiveness and emotiveness in the English-language media discourse in the USA. The results of the analysis allow for the identification of 9 types of expressive-emotive complexes, possessing a pragmatic function of externalizing the author's emotions. An important element of new media is the use of the lexical-stylistic device of comparison to intensify simple expressive-emotive complexes.

Keywords: media discourse, traditional media, new media, emotiveness, expressiveness

For citation: Glazko, P. P. (2024). Expressive and emotive characteristics of the media discourse of the USA. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 26–31. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Ввиду многочисленных преобразований как технологического, так и внутреннего, содержательного характера, коснувшихся способов распространения информации в обществе за последние десятилетия, актуальность исследования различных сторон медийной сферы как никогда высока. Современный медийный дискурс значительно расширил границы своего воздействия за счет использования новых каналов передачи информации, проникновения практически во все области взаимодействия между людьми, обновления своего жанрового репертуара. Вместе с тем значимые изменения произошли и в способах языкового оформления транслируемой информации. Так, например, отдельными исследователями отмечается, что ярко выраженный субъективизм в интерпретации событий и явлений обладает большей убедительностью в сравнении с традиционным аргументативным подходом, основанном на объективном анализе фактов [Welbers, Opgenhaffen, 2018]. Кроме этого, следует также отметить тенденции к эмоционализации медиадискурса [Заппеттини, Понтон, Ларина, 2021] и всё большее проникновение в него принципов «новой искренности» [Иссерс, 2020; Гладко, 2022], что свидетельствует об особой функции эмоций в медиа, значимости их выражения в рамках медиакоммуникации. Актуальность исследования упомянутых явлений также согласуется и с антропоцентричным вектором развития современной науки.

В нашем исследовании медиадискурс рассматривается с точки зрения особенностей взаимодействия в нем категорий экспрессивности и эмотивности, а именно, с позиций использования авторами лексико-стилистических приемов, содержащих описания эмоциональных состояний.

В ряде классических отечественных работ по стилистике [Язык средств массовой информации, 2008] и теории коннотации [Механизмы экспрессивной окраски ... 1991] экспрессивность и эмотивность рассматриваются не дифференцированно, при этом зачастую экспрессивность считается более широким понятием, включающим в себя значения эмотивного порядка. Противоположная точка зрения основана на утверждении о том, что экспрессивность и эмотивность имеют разный онтологический статус, а именно, экспрессивность соотносится с формой сообщения [Цоллер, 1998], а эмотивность – с его содержанием [Шаховский, 2008]. Вследствие этого, экспрессивное сообщение может и не быть эмотивным по содержанию [Цоллер, 1998], а эмотивность может актуализироваться в дискурсе и без экспрессивной формы [Шаховский, 2008].

В англоязычной лингвистической традиции исследование модусных категорий также осложнено терминологической неоднозначностью и разночтениями. Так, при изучении модусных значений используются термины *коннотация* [Lyons, 1977], *аффективность* [Besnier, 1993], *отношение* [Halliday, 1994]. Однако если понятие *коннотации* у Дж. Лайонза используется применительно к описанию языковых единиц, то *аффективность* и *отношение* являются ориентированными на адресанта. Данное переключение перспективы отражено в работах Дж. Лича, в которых проводится различие между коннотативным (т. е. реальным жизненным опытом говорящего, ассоциируемым у него с тем или иным выражением) и аффективным (т. е. относящимся к личным переживаниям и чувствам говорящего) типами значения [Leech, 1974; Cruse, 1986]. В исследованиях последних лет можно наблюдать смещение акцентов в сторону анализа значений в контексте и риторических эффектов [Martin, White, 2005], а предпочтение отдается терминам *оценка* (appraisal, evaluation) [там же] и *позиция автора* (stance) [Evaluation in text ... 2001].

В рамках нашего исследования эмотивность и экспрессивность будут рассматриваться как самостоятельные модусные категории, характеризующиеся способностью к совместной реализации в дискурсе, обусловленной прагматическими факторами.

Цель нашего исследования состоит в выявлении закономерностей использования экспрессивно-эмотивных комплексов в медийном дискурсе США. Под экспрессивно-эмотивными комплексами мы понимаем лексико-стилистические приемы, содержащие эмотивные лексические единицы. Основой экспрессивно-эмотивных комплексов являются лексико-стилистические приемы, поскольку они задают форму и способ передачи содержания, имеющего эмотивный характер.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборка материала для анализа представлена 100 текстами, опубликованными разными авторами на их персональных сайтах (becomingminimalist.com, gretchenrubin.com, tinybuddha.com, witanddelight.com и др.) и в личных блогах в сетях Facebook[1] и Instagram[2], а также 100 текстами персональных жанров, отобранными на официальных сайтах газет США (The New York Times, The Washington Post, The Atlantic, The Wall Street Journal и др.). Все

[1]Facebook принадлежит компании Meta, деятельность которой признана в России экстремистской и запрещена.

[2]Instagram принадлежит компании Meta, деятельность которой признана в России экстремистской и запрещена.

тексты отобраны методом сплошной выборки за период с 2020 по 2023 год.

В ходе исследования отобранный материал был подвергнут лингвостилистическому и контекстуальному анализу, проведенному с опорой на анализ словарных дефиниций. Для обработки полученных результатов использовались элементы квантитативного метода.

СТРУКТУРА И ПРАГМАТИКА ЭКСПРЕССИВНО-ЭМОТИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ

В результате проведенного анализа было установлено, что наиболее употребительными лексико-стилистическими средствами в медиадискурсе США являются метафора, эпитет, сравнение, персонификация, гипербола и декомпозиция устойчивых сочетаний, сформировавших 97 % всех выявленных в выборке экспрессивных средств.

Метафоры структурируются таким образом, что описываемые автором эмоциональные состояния являются референтом, а метафорическое средство представляют собой различные материальные объекты:

> ***Flourishing is the peak of well-being***: You have a strong sense of meaning, mastery and mattering to others. ***Depression is the valley of ill-being***: You feel despondent, drained and worthless (*The New York Times. 19.04.2021*).

В приведенном примере в обеих метафорах абстрактные понятия *процветание* и *депрессия* определяются через ассоциативную соотнесенность с материальными предметами окружающего мира *вершина* и *долина*. Иными словами, метафора выступает в данном случае средством экстериоризации эмоций.

Схожим образом в медийном дискурсе функционируют и сравнения. Этот лексико-стилистический прием экспрессивности дает автору возможность максимально точно передать какое-либо эмоциональное состояние:

> I was too permeable. It was ***like I'd developed a gluten allergy***. And here I was – a wheat farmer! (*The Washington Post. 08.07.2022*).

Здесь при помощи сравнения автор показывает, что именно вкладывается в понятие уязвимости, когда свое эмоциональное состояние накладывается на ситуацию из окружающей действительности.

Помимо уточнения содержания конкретных эмоций, сравнения также могут выполнять функцию описания неопределенных эмоций, т. е. автор не называет конкретный объект сравнения, ограничиваясь лишь использованием конструкции *It feels like* (*as if*) (*Я чувствую себя*, *как будто… / такое чувство*, *что…*), но сохраняет в структуре стилистического приема такие компоненты, как средство и признак сравнения:

> But here I am writing about it, because just as life finds a way, motherhood will find you in the most traditional and untraditional ways. ***It feels as if I've been inducted into a club and at the same time banished by another***[1].

В этом примере автор не называет конкретных эмоций, испытываемых ею, описывая лишь общее состояние пребывания в роли матери и сравнивая его с чувством неопределенности (признак сравнения), возникающем при вступлении в один клуб и выходе из другого, т. е. вхождении в новый этап жизни (средство сравнения).

При необходимости усиления воздействия и дополнительной интенсификации описываемых в тексте эмоций авторы прибегают к сочетанию приемов метафоры и сравнения в рамках одного контекста:

> But under ***this pressure cooker of obsessive self-improvement*** which characterises modern life, the aim is to achieve our goals in the most efficient way possible and achieve as much as we can in the shortest amount of time, ***as if we're on a lifeline and the doctor's threatening to take away the life support***[2].

В данном случае состояние одержимости в плане самосовершенствования экстериоризируется в авторском дискурсе за счет ассоциативной связи со скороваркой. Общим признаком такой ассоциативной связи выступает высокое давление, уподобляемое ситуации, в которой жизнь находится под угрозой.

Эпитеты используются в медиатекстах с целью указания на степень проявления эмоций и так же, как метафоры и сравнения, выступают средством их экстериоризации:

> The blunt force realization that I wasn't nailing it, with anything, but especially with motherhood, really sent me into a feet-over-head spiral. Which is to say I became ***extravagantly*** depressed[3].

[1]Wit and Delight. URL: https://witanddelight.com/2021/04/making-mother -humor-anxiety-lot-weird-body-stuff/

[2]Ponder with Maria. URL: https://www.ponderwithmaria.com/post/new yearsresolutions

[3]Wit and Delight. URL: https://witanddelight.com/2020/05/the-breast-feeding-advice-no -one-gives-you-its-ok-to-quit/

Эпитет, выраженный наречием *extravagantly* (*расточительный*), характеризует депрессию автора как нечто чрезмерное, излишнее, не согласующееся со здравым смыслом. Расточительность ассоциируется с тратой материальных ресурсов, чаще всего денежных. Таким образом, данный эпитет указывает на степень проявления депрессии через установление ассоциативной связи с непомерной тратой денег.

Ввиду своей функционально-дистрибутивной специфики эпитет может быть выражен также и эмотивом:

> It was easier to pitch stories about buffoonery than about progress. It's a strange trick of the mind, especially because it's the news media's ***relentless*** negativity that has led so many people to give up on institutions – or on journalism (*The Washington Post. 30.03.2023*).

Эмотивное имя прилагательное *relentless* (*безжалостный*) выступает в качестве эпитета по отношению к эмотивному имени существительному negativity 'негатив' и при этом не только указывает на степень проявления последнего, но и наделяет его признаками олицетворения, т. е. негатив медиа преподносится как собирательный образ журналистов.

Для усиления прагматического эффекта эпитеты могут сочетаться со сравнениями, например:

> Summer is very much my favorite season, yet every year I feel ***like I end up in a "you don't know what you've got 'til it's gone" situation***[1].

Фразовый эпитет *you don't know what you've got 'til it's gone* входит в структуру приема сравнения и описательно представляет авторскую эмоцию (по всей очевидности, сожаление), но не называет ее напрямую.

Стилистический прием персонификации в сочетании с эмотивностью (олицетворение эмоций) используется в медийном дискурсе для того, чтобы представить эмоции как автономную от человека сущность. В этом случае эмоции могут доминировать над человеком:

> ***Anxiety*** will not hurt you in that way; but until you catch on, start listening, and heal the source of the messages, it will keep trying to spin you around so that you're facing it long enough to hear what it's trying to say[2].

или находиться с ним на равных:

> ***Shame*** told me I was a bad person, unworthy of love[3].

Однако в обоих случаях действие направлено от эмоции, выполняющей функцию подлежащего, к человеку, выступающего в качестве дополнения. Такая модель является наиболее частотной в англоязычном медиадискурсе и представлена в 83 % проанализированных контекстов. Оставшиеся 17 % приходятся на модель обратного типа, в которой действие направлено от человека к эмоции, и эмоция является объектом:

> We need ***to bring love and support*** to our ***shame***[4].

Так и метафора для усиления воздействия персонификации может сочетаться со сравнением:

> These ***regrets lurk*** in the backs of our minds. They are ***like dark shadows stalking our heart space, with ropes binding our self-acceptance, keeping us from flying high***[5]

Гиперболизация эмоций в медиадискурсе происходит за счет преувеличения их меры в пространственном аспекте, т. е. интенсивность описываемых автором эмоций выражается через ассоциацию с объектами окружающего мира, обладающими пространственным значением:

> We experience the ***valleys of loss***, the black pain of grief, and the jagged edges of trauma. We also experience the searing catharsis of inspiration, the rich colors of joy, and the deep, calm ***ocean of love***[6].

Гиперболы *valleys of loss* и *ocean of love* выражают интенсивность эмоций скорби и любви в параметрических терминах объектов физического мира, т.е. как равных долине или океану, способствуя их экстериоризации.

Прием декомпозиции устойчивых выражений позволяет автору медиатекста придать клишированным единицам новизну и оригинальность. С одной стороны, устойчивые выражения легко распознаются читателем, но обновленная форма делает их более заметными в тексте; с другой стороны, благодаря соответствующим трансформациям такие выражения приобретают дополнительную контекстуальную значимость. Результатом декомпозиции устойчивых выражений в совокупности

[1]Wit and Delight. URL: https://witanddelight.com/2021/06/25-ways-to-really -soak-in-the-summer/

[2]Tiny Buddha. URL: https://tinybuddha.com/blog/the-gift-of-anxiety-7-ways-to-get-the-message -and-find-peace

[3]Tiny Buddha. URL: https://tinybuddha.com/blog/how-i-stopped-feeling-embarrassed -and-ashamed-of-being-single

[4]Tiny Buddha. URL: https://tinybuddha.com/blog/transforming-shame-love -one-good-deed-time/

[5]Tiny Buddha. URL: https://tinybuddha.com/blog/feeling-weighed-down-by -regret-what-helps-me-let-go/

[6]Tiny Buddha. URL: https://tinybuddha.com/blog/you-are-not-too-much-to -be-loved/

с использованием эмотивной лексики является контраст эмоций:

> Excitement about the prospect of an international agreement should be ***taken with a grain of history*** (*The New York Times. 13.06.2021*).

В данном примере выражение *with a grain of history* является производным от устойчивого выражения *with a grain of salt* 'с долей скептицизма' (дословно – с кристалликом соли) и в приведенном контексте ведет к расширению первоначального значения, подразумевая, что с учетом схожего опыта в прошлом волнение по поводу перспективы международного соглашения следует воспринимать с долей скептицизма. Результатом такой трансформации на фоне использования эмотивной лексики является контраст *волнение – скептицизм*.

ЭКСПРЕССИВНО-ЭМОТИВНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В ТРАДИЦИОННЫХ И НОВЫХ МЕДИА

Результаты сопоставительного исследования, представленные в таблице, дают основания говорить об определенных тенденциях в актуализации описанных выше особенностей взаимодействия категорий экспрессивности и эмотивности в англоязычных традиционных (газеты) и новых медиа (блоги, социальные медиа). В качестве предмета сопоставления выступают рассмотренные ранее экспрессивно-эмотивные комплексы, основу которых составляют лексико-стилистические приемы и их комбинации.

Таблица 1

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАТЕГОРИЙ ЭКСПРЕССИВНОСТИ И ЭМОТИВНОСТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ США

Основа экспрессивно-эмотивного комплекса	Традиционные медиа	Новые медиа
Метафора	+	+
Сравнение	+	+
Метафора + сравнение	–	+
Эпитет	+	+
Эпитет + сравнение	–	+
Персонификация	+	+
Персонификация + сравнение	–	+
Гипербола	+	+
Декомпозиция устойчивых выражений	+	–

Как следует из таблицы, в новых медиа по сравнению с традиционными печатными медиа представлен максимально широкий спектр экспрессивно-эмотивных комплексов: если традиционным медиа характерны простые экспрессивно-эмотивные комплексы, в основе которых лежит один лексико-стилистический прием, то новым медиа также свойственны и сложные экспрессивно-эмотивные комплексы, основанные на комбинациях лексико-стилистических приемов.

В традиционных медиа экспрессивный и эмотивный компоненты рассматриваемых комплексов находятся в балансе, лексико-стилистические приемы способствуют экспликации авторских эмоций, делают переживания автора более понятными читателю. В новых медиа экспрессивность может доминировать над эмотивностью и, помимо экстериоризации эмоций, дополнительно интенсифицировать эмотивное значение. Такое усиление прагматического эффекта экспрессивно-эмотивного комплекса достигается за счет дополнения приемов метафоры, эпитета и персонификации приемом сравнения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, результаты, полученные в ходе исследования, позволяют сделать следующие выводы.

1. Взаимодействие категорий экспрессивности и эмотивности в медийном дискурсе США происходит в рамках экспрессивно-эмотивных комплексов, основу которых составляют лексико-стилистические приемы (метафора, сравнение, эпитет, персонификация, гипербола, декомпозиция устойчивых выражений), содержащие эмотивную лексику.
2. Результатом такого взаимодействия является экстериоризация эмоций автора, т. е. экспликация эмоций посредством лексико-стилистических приемов, их перевод с языка описания внутренних состояний на язык описания объектов внешнего мира, из категории абстрактного в категорию конкретного.
3. Лексико-стилистический прием сравнения выступает средством усиления прагматического эффекта, дополняя простые экспрессивно-эмотивные комплексы, основанные на использовании приемов метафоры, эпитета и персонификации в новых англоязычных медиа, что является отличительным признаком последних в сравнении с традиционными медиа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Welbers K., Opgenhaffen M. Presenting news on social media // Digital journalism. 2018. Vol. 1. № 7. P. 45–62.
2. Заппеттини Ф., Понтон Д. М., Ларина Т. В. Эмоционализация современного медиадискурса: исследовательская повестка дня // Russian Journal of Linguistics. 2021.Т. 25. №3. С. 586–610.
3. Иссерс О. С. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 6. С. 216–227
4. Гладко М. А. Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. №4. С. 7–21.
5. Язык средств массовой информации / О. В. Александрова и др. М.: Академический Проект, Альма Матер, 2008.
6. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц / В. Н. Телия и др. М.: Наука, 1991.
7. Цоллер В. Н. Соотношение категорий экспрессивности, эмотивности и оценочности в структуре лексического значения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 1998. Т. 2. № 7. С. 43–54.
8. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
9. Lyons J. Semantics. Cambridge University Press, 1977.
10. Besnier N. Society for linguistic anthropology. Anthropology News. 1993. Vol. 34, Issue 7. P. 20–21.
11. Halliday M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. London: Edward Arnold, 1994.
12. Leech J. Semantics. Harmondsworth, Penguin, 1974.
13. Cruse D. A. Lexical semantics. Cambridge University Press, 1986.
14. Martin J. R., White P. R. R. The language of evaluation. Appraisal in English. Palgrave Macmillan, 2005.
15. Hunston S., Thompson G. et al. Evaluation in text: Authorial Stance and the construction of discourse. Oxford University Press, 2001.

REFERENCES

1. Welbers, K., Opgenhaffen, M. (2018). Presenting news on social media. Digital Journalism, 7(1), 45–62.
2. Zappettini, F., Ponton, D. M., Larina, T. V. (2021). Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. Russian Journal of Linguistics, 25(3), 586–610.
3. Issers, O.S. (2020). Dimensions of a “New Sincerity” in Modern Political Communication. Vestnik NSU. Series: History and Philology, 19(6), 216–227. (In Russ.)
4. Gladko, M. A. (2022). Linguistic representation of “new sincerity” and sensitivity in media space. Terra Linguistica, 13(4), 7–21.
5. Aleksandrova, O. V. et al. (2008). Jazyk sredstv massovoj informacii = The language of mass media. Moscow: Akademicheskij Proekt, Al’ma Mater. (In Russ.)
6. Telija, V. N. et al. (1991). Mehanizmy jekspressivnoj okraski jazykovyh edinic = Mechanisms of expressive colouring of language units. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Tsoller, V. N. (1996). Correlation between the categories of expressiveness, emotiveness and evaluativeness in the structure of lexical meaning. Scientific Bulletin of Belgorod State University, 2(7), 43–54.
8. Shahovskij, V. I. (2008). Lingvisticheskaja teorija jemocij = Linguistic theory of emotions. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
9. Lyons, J. (1977). Semantics. Cambridge University Press.
10. Besnier, N. (1993). Society for linguistic anthropology. Anthropology News, 34(7), 20–21.
11. Halliday, M. A. K. (1994). An Introduction to Functional Grammar. London: Edward Arnold.
12. Leech, J. (1974). Semantics. Harmondsworth, Penguin
13. Cruse, D. A. (1986). Lexical semantics. Cambridge University Press.
14. Martin, J. R., White, P. R. R. (2005). The language of evaluation. Appraisal in English. Palgrave Macmillan.
15. Hunston, S., Thompson, G. et al. (2001). Evaluation in text: Authorial Stance and the construction of discourse. Oxford University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глазко Павел Петрович

кандидат филологических наук, доцент

докторант кафедры белорусского языка и литературы Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Glazko Pavel Petrovich

PhD (Philology), Associate Professor

Post-Doctorate Researcher at the Department of the Belarusian Language and Literature, Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	08.08.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	07.09.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК [811.14=811.161.1]:81'25

Типология переводческих трансформаций в паре «русский – греческий»

А. Ю. Гришин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
grishinaj@yandex.ru

Аннотация. Цель работы состоит в выявлении глубинных процессов перестройки морфологии глагола, синтаксиса глагольного узла и изменений в именной области, приводящих к появлению трансформаций. В работе применяются историко-сравнительный, диахронический, дистрибутивный и пр. методы. Фактическим материалом служат Национальный корпус русского языка и четыре массива греческих текстов, объемом 30–40 млн слов. В результате анализа установлено: переводческие трансформации связаны с тенденциями аналитизма в греческом языке, что проявляется в развитии лабильности и отказе от использования приставок при глаголе.

Ключевые слова: переводческие трансформации, новогреческий язык, пара «русский – греческий», тенденции аналитизма, лабильность глагола, переводоведение, семантика бесприставочных глаголов

Для цитирования: Гришин А. Ю. Типология переводческих трансформаций в паре русский-греческий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893) С. 32–39.

Original article

Typology of Translation Transformations in the Russian-Greek Pair

Alexey J. Grishin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
grishinaj@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the underlying processes of restructuring the morphology of the verb, the syntax of the verbal node and changes in the nominal domain, leading to the emergence of translation transformations. The study uses historical-comparative, diachronic, distributional and other methods. The factual material is the National Corpus of the Russian Language and four arrays of texts in Greek, amounting to 30–40 million words. As the result of the analysis, it was established that translation transformations are associated with the tendencies of analyticity in the Greek language.

Keywords: translation transformations, modern Greek language, Russian-Greek pair, analytic tendencies, verb lability, translation studies, semantics of prefixless verbs

For citation: Grishin, A. J. (2024). Typology of translation transformations in the Russian-Greek pair. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 32–39. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современный греческий язык, изменяясь в последние века и особенно десятилетия в направлении аналитизма, демонстрирует всё больше синтаксических и морфологических расхождений с русским. Греческий и русский в исходном своем состоянии имеют достаточно близкое синтаксическое и морфологическое строение, будучи синтетическими языками флективного строя с развитой аффиксацией, сохранившими черты единого праязыка. Сходство между ними проявляется в видо-временной системе глагола, в падежной системе и в предложно-приставочном инструментарии. Однако дальнейшее развитие этой условной взятой пары языков, прежде всего греческого, в силу определенных факторов привело к образованию регулярных переводческих трансформаций. Соответственно, все эти факторы представляют исследовательский интерес, а также обусловливают актуальность проблемы типологизации переводческих трансформаций в рамках рассматриваемой языковой пары. Анализ данной проблемы позволяет не только глубже понять процессы формирования и развития лексической, грамматической и пр. систем обоих языков, но и расширить представления о языковых контактах в целом.

Рассматривая степень научной разработанности, важно отметить, что на сегодняшний день проблема типологии переводческих трансформаций в языковой паре русский-греческий практически не исследовалась. Отдельные ее аспекты представлены в трудах Н. И. Данилиной, О. О. Карабановой, М. И. Чернышевой и Н. В. Щегловой [Данилина, 2012; Карабанова, 2000; Чернышева, 1994; Щеглова, 2014]. Авторы исследуют различные переводческие трансформации, обусловленные лексическими, грамматическими, морфологическими и синтаксическими изменениями, необходимыми для передачи содержания оригинального текста на языке перевода. Однако в их работах основной акцент делается на общую типологию трансформаций, в то время как специфика глагольной реализации остается за пределами их научных интересов.

В рамках настоящего исследования интерес вызывают научные работы, посвященные лабильности, которая представляет собой системную тенденцию, вызывающую вариативность синтаксических структур языков и, как следствие – неизбежность переводческой трансформации при переводе с русского, не приемлющего лабильность глагола. Наиболее полная классификация лабильных глаголов в разных языках мира представлена у А. Б. Летучего, но в его работе практически не учитывается богатый материал современного греческого языка, хотя автор и ссылается на работы Лавидаса и Алексиаду – Анагностопулу [Летучий, 2013]. Впрочем, такое нежелание усматривать в современном греческом языке значимый для исследования лабильности объект представляет собой довольно распространенное явление: так, в сборнике Р. Диксона и А. Айхенвальд рассматриваются лишь некоторые факты древнегреческого языка [Dixon, Aikhenvald, 2000], в котором лабильность очевидно неразвита, а современный греческий язык практически не освещается.

Таким образом, выявленная актуальность проблемы исследования, а также недостаточная научная разработанность обусловили необходимость выявления глубинных процессов перестройки морфологии глагола, синтаксиса глагольного узла, а также изменений в именной области, которые приводят к возникновению переводческих трансформаций в паре русский-греческий, что, в конечном итоге, и послужило целью настоящего исследования. При этом среди основных задач:

1) рассмотреть исторические предпосылки образования переводческих трансформаций в паре русский-греческий (задача решается при помощи историко-сравнительного, диахронического, типологического, сопоставительного и др. методов);

2) выявить типологию регулярных переводческих трансформаций, обусловленных перестройкой морфологии глагола, синтаксиса глагольного узла, а также изменениями в именной области (данная задача решается за счет дистрибутивного, типологического, сопоставительного методов, а также методов структурно-семантического и корпусного анализа).

Новизна и практическая ценность настоящего исследования состоят в том, что впервые разрабатывается типология переводческих трансформаций в языковой паре «русский – греческий», в том числе в контексте изучения процессов перестройки морфологии глагола, синтаксиса глагольного узла и изменений в именной области, что ранее не служило предметом специального изучения. Соответственно, результаты исследования вносят вклад в теорию и практику перевода, углубляя понимание механизмов, лежащих в основе переводческих трансформаций. Выявленная типология может быть использована в практике обучения переводу, а также при разработке систем автоматического перевода. Кроме того, полученные данные расширяют представление о типологических особенностях языков, их морфологических, синтаксических и семантических различиях, при этом способствуя развитию сравнительно-исторической, контрастивной и корпусной лингвистики.

Фактическим материалом исследования служат Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru) и четыре массива текстов (сопоставимых по объему – около 30–40 млн слов, по значимости и по охвату различных видов источников): Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας (*Национальный тезаурус греческого языка*)[1], Σώμα Ελληνικών Κειμένων (*Корпус греческих текстов*)[2], Πύλη για την Ελληνική Γλώσσα (*Портал греческого языка*)[3], а также Корпус греческого языка «Corpus of Modern Greek», созданный М. Кассилиером и Т. Архангельским[4].

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Все исторические этапы российско-греческого взаимодействия сопровождались переводческой деятельностью. На первом этапе субстрат славянского языка позволял полностью воспроизводить греческую морфологию и синтаксис, например:

> …τὰ οὐράνια συναγάλλεται τῇ γῇ·… τὰ ἐπίγεια **συγ**χορεύει οὐρανοῖς – …небе́сная **с**ра́дуются земны́м; …земна́я **с**ликовству́ют небе́сным (*Акафист, икос 4*);
>
> Χριστὸς ἀνέστη – Христос воскресе;
>
> τοῦ Θεοῦ **συν**εργοῦντος – Богу **со**действующу.

Такой прямой, полностью эквивалентный перевод, не предполагает переводческих трансформаций. Близость морфологии двух языков и семантические соответствия их морфем способствовали калькированию, в результате чего образовывались такие слова, как *совесть*, *вдохновение*, *священноначалие* и пр.

Сходство глагольной видо-временной и падежной систем привело к использованию в славянском, а затем и русском языках греческой грамматической терминологии (ср.: старославянский аорист и названия падежей). Поскольку и греческий, и славянские языки достаточно хорошо отражают субстрат индоевропейского праязыка, славянские соответствия, как правило, указываются в греческих толковых и этимологических словарях[5]. Однако пути развития этой условно взятой пары языков складывались различно: русский развивался достаточно линейно, и его выделение из общеславянского единства происходило без потерь синтаксических и морфологических возможностей, в то время как в греческом уже с первых веков нашей эры стали проявлять себя признаки диглоссии, прежде всего, в связи с упрощением народного языка в плане синтаксиса и морфологии. А. Тонне относит их появление ко II в., отмечая просторечные выражения уже в койне римского периода [Tonnet, 2003], Л. Палмер склонен усматривать их присутствие у ранних византийских хронистов VI в., в частности, у Иоанны Малалы [Palmer, 1980], с чем, очевидно, практически согласен и Г. Бабиньотис, выделяющий средневековому периоду развития греческого языка целых двенадцать веков, с VII по XVIII вв. включительно [Μπαμπινιώτης, 2002]. Этот народный говор, получивший название димотика, уже к XII в. окончательно оформился как язык, служивший субстратом для «низких» литературных жанров и использовавшийся для общения населения Державы Ромеев.

После национально-освободительной революции 1821 г. грекам пришлось выработать унифицированную форму языка. На первые полтора века после восстановления греческой государственности выбор был сделан в пользу так называемой кафаревусы – компиляции на основе приемлемых для употребления и понимания словоформ, восходящих к диалекту койне, а в 1976 году ее сменила димотика. Хотя димотика уже полвека служит государственным языком Греции, а написанные на ней литературные произведения дали стране двух нобелевских лауреатов, она не учитывается ни в отечественных исследованиях, посвященных тенденциям глагольного синтаксиса, ни в классических зарубежных исследованиях [Теньер, 1988].

В настоящем исследовании будут рассмотрены следующие процессы, предопределившие выделение димотики в отдельный диалект греческого языка, и связанные с ними переводческие трансформации:

а) размывание грани между переходностью и непереходностью как постоянными признаками глагола и формирование лабильности посредством морфологически немаркированной актантной деривации в направлении каузации и декаузации;

б) отказ от глагольной префиксации в пользу сложения семантики двух бесприставочных глаголов;

в) вытеснение конъюнктивной валентности дизъюнктивной, причем не только в отношении глагольного узла, но и в именной области;

г) дефективность в образовании отыменных прилагательных в греческом, приводящая к их замене при переводе с русского

[1]URL: https://hnc.ilsp.gr/index.php?current_page=main&lang=en

[2]URL: http://www.sek.edu.gr/login?next=%2F

[3]URL: https://www.greek-language.gr/greekLang/index.html

[4]URL:http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?ysclid=lzpdlqnfae75946033

[5]*Μπαμπινιώτης* Γ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Δεύτερη Έκδοση. Αθήνα, 2002 = Бабиньотис Г. Словарь новогреческого языка. 2-е изд. Афины, 2002.

существительным в атрибутивной позиции в форме родительного падежа;

д) расширение использования определенного артикля в греческом языке, в том числе для передачи количественной определенности и полноты объема понятия, и способы передачи этих показателей в русском;

е) сужение грамматических возможностей выражения отрицания в греческом языке и сопутствующие переводческие трансформации;

ж) формирование системы сильных и слабых местоимений, контраст между которыми не всегда легко передать на русском языке;

з) отказ от подавляющего большинства предлогов и замена их на предложно-адвербиальные сочетания.

Среди факторов, с наибольшей регулярностью вызывающих появление переводческих трансформаций, следует выделить две группы: факторы, связанных с лабильностью, и факторы, обусловленные отказом от префиксации в пользу фразовых вербальных сочетаний.

ЛАБИЛЬНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Лабильность широко распространилась в новогреческом языке, охватив классы глаголов с разнообразными семантическими полями, за исключением разве что агентивных глаголов созидания с прототипическим пациенсом (например, *строить*), где лабильность невозможна по определению. К продуктивным в отношении лабильности семантическим классам глагола новогреческого языка относятся глаголы с семантикой движения, фазы действия, разрушения, изменения состояния, звукоизвлечения и многие другие. Из классов глаголов, допускающих лабильность с точки зрения общей лингвистики [Alexiadou, Doron, 2012], новогреческий отказывает в лабильности только прототипически рефлексивным (возвратным) глаголам ухода за телом, которые традиционно сохраняют форму медиопассивного залога. Новогреческий также допускает такое явление, как лабильность взаимно-возвратных глаголов, например: μαλώνω (*ругать / ~ся*).

Лабильность в узком понимании (Р-лабильность)[1] представляет собой альтернацию переходности глагола без морфологических изменений в нем, при которой субъект (агенс) непереходного употребления совпадает с объектом (пациенсом) переходного. Лабильность представляет собой прежде всего синтаксическое явление, но при сопоставлении пары языков выделяется как причина переводческих трансформаций и на лексическом уровне. Основными механизмами формирования лабильности в новогреческом служит каузатив изначально непереходных глаголов и декаузатив переходных[2]. Классическая формула каузатива («*делать так, чтобы кто-либо что-либо делал*») действует в отношении подавляющего большинства глаголов движения, например: πηγαίνω (*ходить*) в переходном значении – «отводить», «относить»; τρέχω (*бегать*) – «гонять»; πετάω (*летать*) – «бросать».

Поскольку при сопоставлении двух языков лабильность в одном языке вызывает альтернацию лексем в другом, при переводе требуется навык попарного соотнесения глаголов, совпадающих в плане семантического содержания действия и разнящихся в соотношении актантных ролей. Переходные глаголы таких пар описывают воздействие агенса на пациенс, а непереходные лексикализуют пассивное изменение свойств пациенса. О таких парах говорит А. Б. Летучий, приводя в пример пару «убить – умереть» [Летучий, 2013, с. 19]. В новогреческом языке и в этой паре образуется каузатив: глагол πεθαίνω (*умирать*) в переходном употреблении приобретает значение «умерщвлять», «умертвлять», например:

> Με πεθαίνει αυτή η δουλειά. – Меня убивает эта работа.

Другой пример неожиданной для русскоязычных лексической альтернации дает глагол σπουδάζω, означающий «учиться», «получать образование». Поскольку классическая формула каузатива предполагает, чтобы каузатор создавал условия для выполнения действия, глагол σπουδάζω в переходном употреблении с одушевленным пациенсом[3] означает «давать кому-либо образование». Морфологически неоформленная каузация в новогреческом, приводящая к лексической, причем также разнокоренной альтернации в русских соответствиях, отмечается и в таких глаголах, как:

> συνηθίζω – привыкать / приучать;
> χορταίνω – наедаться / кормить досыта;
> ταξιδεύω – путешествовать / устраивать кому-либо поездку, экскурсию.

[1]Различия между Р- и А-лабильностью изложены у А. Б. Летучего [Летучий, 2013].

[2]Согласно Н. Лавидасу, «протяженная письменная традиция греческого языка позволяет проследить развитие актантной деривации глагола и определить, приобрел ли он переходность вторично или утратил прототипическую переходность» [Λαβίδας, 2007, с. 7].

[3]При употреблении с пациенсом, обозначающим науку, дисциплину или специальность, данный глагол демонстрирует А-лабильность, приобретая значение «изучать что-либо» или «учиться на кого-либо».

Ввиду наличия в русском нескольких морфологических способов образования каузатива, случаев однокоренной лексической альтернации в русском языке как отражения лабильности в греческом наблюдается достаточно много, например:

βράζω – кипеть / кипятить
κρυώνω – остывать / остужать
παγώνω – замерзать / замораживать

Модель декаузатива дает не настолько много именно лексических альтернаций в направлении «русский – греческий», поскольку в русском языке декаузатив регулярно образуется с помощью возвратной частицы *-ся*. Таких глаголов в паре «русский – греческий» наблюдается не один десяток, прежде всего среди глаголов изменения состояния, например:

ανοίγω – открывать/~ся
κλείνω – закрыватя/~ся
ανάβω – зажигать/~ся

Однако в греческом языке встречаются и отдельные декаузативы, соответствующие в русском разнокоренным лексическим парам:

ξαπλώνω – класть / ложиться,
ξυπνάω – будить/просыпаться,
λιώνω – расплавлять, растапливать / таять,
ξεκινάω – сдвигать с места, запускать / отправляться в путь,

а также однокоренным:

σβήνω – гасить / гаснуть,
βουλιάζω – топить / тонуть,
στεγνώνω – сушить / сохнуть.

Подводя итог обзору влияния лабильности греческого глагола на механизм образования переводческих трансформаций, следует отметить, что необходимо всегда иметь в виду лабильный потенциал греческого глагола и увязывать его с парой русских глаголов с единой семантикой в плане состава действия, но с разнящимся соотношением актантных ролей. Лабильный потенциал греческих глаголов не всегда учитывается словарями, а использование морфологически немаркированного каузатива может носить спонтанный характер, оставаясь при этом в рамках нормы разговорного греческого языка. В русском же языке аналогичные случаи спонтанного каузатива (вроде: «Его ушли с работы») не вписываются в языковую норму и не служат продуктивной и общепринятой моделью.

ОТКАЗ ОТ ПРЕФИКСАЦИИ В ПОЛЬЗУ ФРАЗОВЫХ ВЕРБАЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ

Одним из регулярных источников переводческих трансформаций в паре «русский – греческий» служит отказ димотики от использования приставок при глаголе. Кафаревуса сохранила всё морфологическое богатство древнегреческого языка и продолжает его использовать, например:

Ο Πρόεδρος **εισ**ήλθε στο Προεδρικό Μέγαρο. – Президент **во**шел в Президентский дворец.

Ο Πρόεδρος **εξ**ήλθε εκ του Προεδρικού Μεγάρου. – Президент **вы**шел из Президентского дворца.

Димотика же выработала способ компенсации утраты приставок при глаголе путем сложения семантики двух глагольных форм.

В новогреческом можно выделить конструкции, образованные а) сочетанием двух личных форм глагола и б) сочетанием личной формы глагола с деепричастием.

В модели «а» первый компонент может указывать на фазу действия, направление движения, каузальность или модальность (случайность, желательность / нежелательность, чрезмерность) и т. д. В качестве примера можно привести вытеснение классического **παρα**κοιμάμαι[1] («*про-спал*») вербальным сочетанием άργησα να ξυπνήσω (*досл.* 'опоздал проснуться'). В качестве первых компонентов таких вербальных сочетаний употребляются, в том числе, глаголы χορταίνω (*насыщаться*), τυχαίνω (*случаться*), επιμένω (*настаивать*) и, разумеется, глаголы движения, например:

- δε χορταίνουν να μιλάνε / παίζουν / βλέπουν / καμαρώνουν – не могут наговориться / наиграться / насмотреться / налюбоваться;
- έτυχε να πω / συναντήσω / πιάσω κουβέντα – проболтался / наткнулся / разговорился;
- επιμένει να τηλεφωνεί – дозванивается;
- ήρθα να σας δω / να σας πάρω – приехал к вам / заехал за вами.

Место первого компонента также часто занимают глаголы, регулярно образующие каузативную конструкцию (как, например, глагол αφήνω), которые зачастую соответствуют русским приставочным глаголам[2]:

[1]Παρα- – известная через многочисленные интернациональные слова греческая приставка, означающая в том числе чрезмерность и избыточность действия.

[2]То же наблюдается и в случае с итальянским языком. Как отмечает А. Р. Горячкин, «большому количеству русских глаголов <…>

Άφησα τη γάτα να βγει έξω. – Выпустил кошку (*досл.*: 'Дал (позволил) кошке выйти').

Вторая модель фразовых вербальных сочетаний образуется из личной формы глагола с деепричастием. Обычно бесприставочный глагол с морфологией на основе димотики передает направление движения, а деепричастие – его способ, например: *выбежал* – βγήκε τρέχοντας (*вышел бегая* вместо классического εκτρέχω), *доплыл* – έφτασε κολυμπώντας (*добрался плывя*) и т. д. При помощи этой модели могут передаваться и более сложные смыслы, чем перемещения в пространстве. Так, известное происшествие, когда Майк Тайсон откусил ухо своему сопернику Эвандеру Холифилду описывается греческим языком как έκοψε δαγκώνοντας (*отрезал кусая* вместо классического άποδάκνω), где компонент в личной форме указывает на эффект действия, т. е. на отделение, а деепричастие – на способ действия:

[Ο Μάικ Τάισον] .... έκοψε αφτί αθλητή δαγκώνοντάς το...[1]
...έκοψε το αφτί του αντιπάλου του Ιβάντερ Χόλιφιλντ δαγκώνοντάς το...[2]

Аналогичным образом слово *прорыть* переводится на новогреческий вербальным сочетанием ανοίγω σκάβοντας (*открыл копая*) вместо классического διασκάπτω. Ввиду распространенности подобных моделей необходимо при изучении новогреческого языка выделять глагольные лексемы, регулярно вступающие в такие сочетания, каждое из которых с точки зрения переводоведения имеет потенциал переводческой трансформации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании была предпринята попытка выявления и анализа случаев регулярных переводческих трансформаций в паре «русский – греческий». Их типология позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, углубляющееся на протяжении истории различие между двумя языками привело к формированию широкого спектра переводческих трансформаций. Если русский язык развивался достаточно линейно, сохраняя базовые морфологические и синтаксические свойства, то в греческом языке уже с первых веков нашей эры обозначились процессы дивергенции между книжным и разговорным вариантами. Этот процесс диглоссии – противопоставления «высокого» и «низкого» регистров – привел к постепенному упрощению языка в плане морфологии и синтаксиса. В то время как в русском языке сохранялась относительная стабильность грамматического строя, в греческом языке формировались качественно новые тенденции, связанные с лексико-грамматической лабильностью, модальными изменениями, трансформациями в системе артикля и отрицания.

Во-вторых, большинство синтаксических и семантических трансформаций связано с тенденциями аналитизма, проявившими себя за последние XV веков исторического развития греческого языка. К этим тенденциям следует отнести прежде всего лабильность глагола и замену глагольной префиксации на фразовые вербальные сочетания. Любое из этих грамматических явлений вызывает трансформации в паре «русский – греческий», поскольку для русского языка они не характерны. Несмотря на то обстоятельство, что упомянутые тенденции аналитизма в новогреческом языке принадлежат области синтаксиса, они вызывают не только синтаксические, но и лексические переводческие трансформации. Так, лабильность глагола в новогреческом языке приводит к необходимости лексического замещения глаголов или глагольных конструкций при переводе на русский язык, поскольку в русском языке аналогичная лабильность практически отсутствует. Замена глагольной префиксации на фразовые вербальные сочетания в новогреческом также порождает лексические трансформации при переводе на русский язык.

При этом перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся в рассмотрении особенностей замена конъюнктивной валентности на дизъюнктивную. Однако именная область, а также местоимения, предлоги и наречия в русском и греческом языках при сопоставлении также дают богатый материал для фиксации расхождений, приводящих к переводческим трансформациям. Здесь предстоит выявить регулярные переводческие трансформации, связанные с дефективностью образования прилагательных в новогреческом языке. Все это целесообразно рассмотреть в последующем исследовании, что завершит рассмотрение переводческих трансформаций в паре «русский – греческий», связанных с основными частями речи, причем подавляющее большинство этих переводческих трансформаций следует отнести за счет тенденций аналитизма в ходе развития новогреческого языка.

соответствуют итальянские каузативные конструкции. Семантику, которую <...> можно выразить одним русским глаголом, на итальянском языке нужно выражать аналитическим способом путем соединения в единое целое двух смысловых компонентов» [Горячкин, 2023, с. 21].

[1]Ethnos. URL: https://www.ethnos.gr/World/article/22534/posaedoseomaiktaisonsefylakazoologikoygianapalepseimegorila

[2]To Vima. URL: https://www.tovima.gr/2008/11/25/culture/oi-kannes-agapoyn-ta -ntokymanter

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Данилина Н. И. Морфонологические системы в синхронии и диахронии: на материале неблизкородственных языков: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 2012.
2. Карабанова О. О. Переводческие трансформации как понятие и явление: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2000.
3. Чернышева М. И. Проблема влияния греческого языка на язык переводных памятников в древнерусской книжности: дис. … д-ра филол. наук. М., 1994.
4. Щеглова Н. В. Использование переводческих трансформаций (на материале произведений Н. Казандзакиса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6. С. 217–220.
5. Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянской культуры, 2013.
6. Dixon R. M. V., Aikhenvald A. Y. Changing Valency: Case studies in transitivity. Cambridge University Press, 2000.
7. Tonnet H. Histoire du grec moderne: la formation d'une langue. Paris: L'Asiathèque, 2003.
8. Palmer L. R. The Greek Language. University of Oklahoma Press, 1980.
9. Μπαμπινιώτης Γ. Συνοπτική ιστορία της ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 2002b = Бабиньотис Г. Краткая история греческого языка. Афины, 2002.
10. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / пер. с фр. И. М. Богуславского и др. М.: Прогресс, 1988.
11. Alexiadou A., Doron E. The syntactic construction of two non active Voices: Passive and Middle // Journal of Linguistics. 2012. Vol. 48. №. 1. P. 1–34.
12. Λαβίδας Ν. Μεταβολές στη μεταβατικότητα του ρήματος της Ελληνικής: διδακτορική διατριβή. ΕΚΠΑ. Αθήνα, 2007 = Лавидас Н. Изменения в переходности греческого глагола: дис. … д-ра наук. ЕКРА. Афины, 2007.
13. Горячкин А. Р. Каузативные конструкции в итальянской языковой картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 18–23.

REFERENCES

1. Danilina, N. I. (2012). Morfonologicheskie sistemy v sinhronii i diahronii: na materiale neblizkorodstvennyh yazykov = Morphonological systems in synchrony and diachrony: based on the material of non-closely related languages: abstract of Senior Doctorate in Philology. Saratov. (In Russ.)
2. Karabanova, O. O. (2000). Perevodcheskie transformacii kak ponyatie i yavlenie = Translation transformations as a concept and phenomenon: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Chernysheva, M. I. (1994). Problema vliyaniya grecheskogo yazyka na yazyk perevodnyh pamyatnikov v drevnerusskoj knizhnosti = The problem of the influence of the Greek language on the language of translated monuments in ancient Russian literature: abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Shcheglova, N. V. (2014). The use of translation transformations (based on the works of N. Kazantzakis). Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 6, 217–220. (In Russ.)
5. Letuchij, A. B. (2013). Tipologiya labil'nyh glagolov = Typology of labile verbs. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
6. Dixon, R. M. V., Aikhenvald, A. Y. (2000). Changing Valency: Case studies in transitivity. Cambridge University Press.
7. Tonnet, H. Histoire du grec moderne: la formation d'une langue. Paris: L'Asiathèque, 2003. = Tonnet, H. (2003). History of modern Greek: the formation of a language. Paris: The Asiathèque.
8. Palmer, L. R. (1980). The Greek Language. University of Oklahoma Press.
9. Μπαμπινιώτης, Γ. Συνοπτική ιστορία της ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 2002 = Babiniotis, G. (2002). A Brief History of the Greek Language. Athens.
10. Tenier, L. (1988). Osnovy strukturnogo sintaksisa = Basics of structured syntax: translation from French by I. M. Boguslavsky and others. Moscow: Progress. (In Russ.)
11. Alexiadou, A., Doron, E. (2012). The syntactic construction of two non active Voices: Passive and Middle. Journal of Linguistics, 48(1), 1–34.
12. Λαβίδας, Ν. Μεταβολές στη μεταβατικότητα του ρήματος της Ελληνικής: διδακτορική διατριβή. ΕΚΠΑ. Αθήνα, 2007 = Lavidas, N. (2007). Changes in transitivity of the Greek verb: PhD. EKPA. Athens.
13. Goryachkin, A. R. (2023). Causative constructions in the Italian linguistic picture of the world. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 18–23. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришин Алексей Юльевич
кандидат философских наук
доцент кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grishin Alexey Yulievich
PhD
Associate Professor at the Department of the Scandinavian, Dutch and Finnish Languages
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	09.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'373:811.113.6

Словосложение и его роль в текстах официально-документального стиля на шведском языке

И. В. Матыцина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
imatits@gmail.com

Аннотация. Целью исследования является определение роли композитов в текстах официально-документального стиля на материале высказываний с композитами, полученными методом сплошной выборки из международных нормативных правовых документов и корпуса шведского языка. Используется описательный метод, а также методы структурно-семантического и контекстуальный анализ. Сделаны выводы о том, что использование композитов усиливает именной характер текстов официально-документального стиля, обусловливает повышение их индекса сложности, увеличивает сжатость, компактность и статичность изложения. Композиты являются важным ресурсом официально-делового языка и его узнаваемой особенностью.

Ключевые слова: шведский язык, функциональные стили, язык официально-делового общения, словосложение, композиты

Для цитирования: Матыцина И. В. Словосложение и его роль в текстах официально-документального стиля на шведском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 40–46.

Original article

Compounding and Its Role in Official-Documentary Texts in Swedish

Irina V. Matytsina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
imatits@gmail.com

Abstract. The aim of the research is to determine the role of compound words in official-documentary texts by analysing utterances that contain them. The study material was obtained through systematic sampling from a Swedish language corpus and international legal documents, using a descriptive method as well as methods of structural and semantic analysis and contextual analysis. The findings indicate that the use of compound words reinforces the nominal character of official-documentary texts, increases their complexity index, and enhances the compression, compactness and static nature of the statements. Compound words are a crucial resource and a distinctive feature of formal language.

Keywords: Swedish, functional styles, formal language, compounding, compound words

For citation: Matytsina, I. V. (2024). Compounding and its role in official-documentary texts in Swedish. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 40–46. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В Швеции вопросы доступности и понятности языка официально-делового общения давно находятся в центре внимания языковых экспертов, и в этом направлении работы достигнуты значительные успехи. Новизна данной статьи заключается в обобщении результатов исследований, анализирующих словообразовательные особенности шведского языка применительно к текстам официально-документального стиля, и выявлении основных соответствий шведским композитам при переводе таких текстов на русский язык. Актуальность тематики обусловлена возросшим в последние десятилетия интересом российских лингвистов к вопросам нормирования и упрощения языка официально-делового общения, что, в частности, привело к появлению такой дисциплины, как юрислингвистика. В центре внимания лингвистов вопросы, касающиеся восприятия и понимания правовых норм широкой публикой [Белов, Гулида, 2019]. Результаты проведенного анализа имеют как научную, так и практическую ценность и могут быть учтены в исследованиях по сопоставительной грамматике русского и шведского языка, а также в работе по совершенствованию русского языка официально-документального общения и при обучении студентов переводу документов с русского на шведский и со шведского на русский язык. Материалом исследования послужили **С**оглашения между Правительством РФ и Правительством Королевства Швеция, а также отдельными ведомствами РФ и Швеции объемом 30 тыс. токенов, а также корпус шведского языка. При написании статьи были поставлены следующие задачи:

1) охарактеризовать композиты в шведском языке и определить их место и роль в текстах официально-документального стиля на основе использования описательного метода с привлечением результатов исследований российских и зарубежных авторов;
2) выявить соответствия шведским композитам в русском варианте международных соглашений, используя методы структурно-семантического и контекстуального анализа.

ХАРАКТЕРИСТИКА ШВЕДСКИХ КОМПОЗИТОВ

Словосложение является одним из самых продуктивных способов словообразования в шведском языке [Маслова-Лашанская, 2011]. Так, например, в Академическом словнике шведского языка за 2015 год содержится 125 тыс. слов, из них 90 тыс. являются сложными и состоят из двух и более основ[1].

Композиты выделяются прежде всего на основе фонетического (главное ударение, соединяющее основы) и морфологического (цельнооформленность) признаков. Цельнооформленность проявляется в том, что словоизменительные морфемы используются только при последнем компоненте: *ett höghus – ett högt hus* [Маслова-Лашанская, 1991]. Цельность значения хотя и характерна для композитов, но не является их отличительным признаком, так как есть составные лексемы, для которых также характерна цельность значения – *röda hund* (*краснуха*). Элементами сложного слова, или композита, могут быть практически любые части речи [Никуличева, 2000], но в шведском языке официально-делового общения преобладают субстантивные композиты, первым компонентом которых чаще всего является также существительное, реже – основа прилагательного или глагола.

В скандинавской традиции изучения сложных слов принято выделять следующие группы композитов, различающиеся характером передаваемых значений: 1) нецельнозначные – сложные слова, значение которых выводится из суммы значений компонентов, их образующих. Подобные композиты близки по значению к синтаксическим словосочетаниям, но, в отличие от них, характеризуются грамматической цельнооформленностью, а также фонетическими признаками – единством ударения и специфическим тоническим акцентом (*grav accent*, «второй тип тонического акцента»); 2) цельнозначные – сложные слова, значения которых не сводятся к сумме значений компонентов: значение слова *en storstad* «город с населением не менее 100 тысяч» не равно значению словосочетания *en stor stad* «большой город» [Маслова-Лашанская 2011, с. 156–157].

Большинство встречающихся в современном официально-документальном языке композитов – двухкомпонентные: *skatte|brott* «налоговые преступления» (ÖSN)[2], *tilläggs|protokoll* «дополнительный протокол» (ÖRoS)[3], *lag|stiftning* «законодательство» (ÖSI)[4], *informations|system* «инфор-

[1]Svenska Akademiens Ordlista (SAOL 14). 2015. URL: https://svenska.se/saol/ (дата обращения: 14.08.2023).

[2]Зд. и далее: ÖSN – Överenskommelse mellan Rysslands Federala myndighet för narkotikakontroll och Sveriges Rikspolisstyrelse om samarbete i kampen mot illegal hantering av narkotika, psykotropa ämnen och narkotikaprekursorer. Stockholm: Rikspolisstyrelse, 2005.

[3]Зд. и далее: ÖRoS – Överenskommelse om samarbete mellan Sveriges Rikspolisstyrelse och Ryska Federationens Skattepolis. Stockholm, 1997.

[4]Зд. и далее: ÖSI – Överenskommelse om samarbete mellan Sveriges Rikspolisstyrelse och Ryska Federationens Inrikesministerium. Stockholm: Rikspolisstyrelse, 1996.

мационные системы» (AVF)[1], но встречаются и трехкомпонентные слова (*tull|lag|stiftning* (AVF), *lag|stiftnings|dokument* «законодательные документы» (ÖSN), *havs|rätts|konvention* «Конвенция по морскому праву» (ÖF), *Riks|polis|styrelse* «Главное полицейское управление» (ÖSI), *dom|stols|beslut* «решение суда» (ÖSFF)[2], которые также состоят из двух частей, поскольку одним из их компонентов, обычно первым, но бывает и вторым, является целое словосочетание:

riksdagsbehandling – riksdag + behandling
lagstiftningsdokument – lagstiftning + dokument
tullagstiftning – tull + lagstiftning.

Благодаря тому что один из компонентов таких лексем может быть представлен композитом, словообразование становится рекурсивным и открывается возможность создания линейно неограниченных сложных слов.

Самое длинное зафиксированное в последнем издании Академического словника шведского языка (SAOL) слово состоит из 28 букв – *realisationsvinstbeskattning* (*налогообложение прибыли от обналичивания денег*), а в Большом словаре языка интернета[3] самым длинным является слово из 34 букв – *brännskadeintensivvårdsavdelningen* «реанимационное отделение для пациентов с ожоговыми травмами». Кроме того, в финансовых документах количественные и порядковые числительные записываются словами и слитно, например:

sextusenfemtionionde – 20 букв;
fyramiljonersexhundraåttioniotusenfemhundrafyrtioåttonde – 56 букв.

Большинство сложных слов являются эндоцентрическими, т. е. такими, в которых один из компонентов (как правило, последний) выступает семантическим центром слова и гиперонимом для всей лексемы [Кукушкина, 2007]. Отношения между компонентами композита обычно являются детерминативными – первый выступает в качестве *определения* ко второму, например:

forskningsresultat (ÖSI) – результаты исследований;
kommunikationskanal (ÖSI) – канал коммуникации;
säkerhetspolis (ÖSI) – полиция безопасности;
skattesystem (ÖroS) – налоговая система;
samarbetsform (ÖroS) – форма сотрудничества.

Среди слов этой группы много таких, в которых второй компонент является широкозначным словом, значение которого сужается и уточняется за счет первого компонента (например, *system*, *form*, *rutin*). Также распространены примеры, в которых первый компонент обозначает *объект действия*, обозначенного вторым компонентом, в роли которого выступает основа отглагольного существительного:

skattebrott (ÖroS) – налоговое преступление;
lagöverträdelse (ÖroS) – правонарушение;
skatteöverträdelse (ÖroS) – налоговое правонарушение;
informationsutbyte (ÖroS) – обмен информацией.

Еще одну достаточно многочисленную группу представляют такие слова, где первый компонент обозначает *действие или деятельность, для которой предназначен объект*, выраженный вторым компонентом:

biståndsframställning (ÖSN) – запрос о содействии
sambandsmän (Ös) – офицеры по связи, *букв.* *'связные люди'
utredningsåtgärder (ÖroS) – следственные мероприятия.

Наряду с композитами, состоящими только из основ существительных, в эту группу входят сложные слова, первым компонентом которых является основа глагола:

arbetsgrupp (ÖroS) – рабочая группа (*гл.* arbeta – работать)
samarbetsrutiner (ÖroS) – порядок [осуществления] сотрудничества (*гл.* samarbeta – сотрудничать)
vitsord (ÖroS) – свидетельство, *букв.*'*свидетельствующее слово' (*гл.* vita 'свидетельствовать').

Гораздо реже встречаются сложные слова, компоненты которых связывают *локальные* отношения:

hotellvistelse (ÖroS) – проживание в гостинице
skattelagstiftning (ÖroS) – налоговое законодательство (= *законодательство в налоговой сфере).

В тех случаях, когда вторым (главным, определяемым) компонентом композита является существительное, оно может выступать в виде 1) чистой основы (*skatt|e|**brott***), 2) производного слова

[1]Зд. и далее: AVF – Avtal med Ryska federationen om ömsesidigt bistånd vid bekämpning av vissa fiskala brott. URL: https://www.regeringen.se/contentassets/67970960b59640e0a7801bbbbfc55c6f/avtal-med-ryska-federationen-om-omsesidigt-bistand-vid-bekampning-av-vissa-fiskala-brott/(дата обращения: 14.08.2018).
[2]Зд. и далее: ÖSFF – Överenskommelse mellan Konungariket Sveriges regering och Ryska Federationens regering om att återlämna stulna och förskingrade fordon. Stockholm, 1999.
[3]Stora ordboken. URL: http://storaordboken.se/ (дата обращения: 14.08.2023).

(*företags*|***ledning*** = *företag* + *s* + *led* + *ning*), 3) сложного слова (*special*|***straff***|***rätt***).

Иногда сложные слова образуются путем использования метафорического переноса [Жильцова, 2023]. Чаще это касается первого компонента, который, будучи продуктивным и употребительным, используется в переносном значении в разных словах, например, компонент ram имеет переносное значение и употребляется в названиях документов *ramavtal* «рамочный договор», *rambeslut* «рамочное решение» и *rambudget* «рамочный бюджет», определяющих и ограничивающих действия договаривающихся Сторон, по аналогии с рамой, ограничивающей в пространстве картину.

МЕСТО И РОЛЬ КОМПОЗИТОВ В ТЕКСТАХ ОФИЦИАЛЬНО-ДОКУМЕНТАЛЬНОГО СТИЛЯ

Как отмечает С. С. Маслова-Лашанская, композиты различаются по своим функциям. В некоторых случаях путем словосложения образуются номинативные единицы, являющиеся однословным обозначением лексических понятий. В других случаях композиты «выступают в функции синтаксического средства, передающего отношения, которые складываются в процессе речевой коммуникации» [Маслова-Лашанская, 1991, с. 25]. С. С. Маслова-Лашанская называет такие слова синтаксическими композитами. Синтаксические композиты всегда являются результатом индивидуального творчества, они созданы «на случай», являются окказиональными образованиями и не входят в словарный состав языка. «По структуре они представляют собой слово, а по функциям – словосочетание» [там же, с. 28]. Возможности шведского языка по созданию таких композитов практически не ограничены. Такие лексемы очень характерны, с одной стороны, для поэтической речи [Чекалина, 2023], с другой – для канцелярского языка, поскольку позволяют выражать мысль компактно и лаконично, однако они часто бывают не понятны вне контекста, как, например, слово *hustrumisshandel*, которое может означать и домашнее насилие по отношению к жене, и домашнее насилие, осуществляемое женой. Нередко такие композиты представляют собой свернутую предикацию, поскольку их главным, определяемым, компонентом выступает девербатив, например:

riksdagsbehandling (ÖF) – слушание в Риксдаге;
tullkontrollåtgärder (MToIGP)[1] – меры таможенного контроля.

Со временем часть окказиональных слов входит в лексический фонд языка, фиксируется словарями, превращаясь в термины, понятия и имена собственные, так, в частности, были образованы названия ведомств *Generaltullstyrelsen* «Главное таможенное управление [Королевства Швеция]» (MToIGP), *Trafikkontrollavdelningen* «Пассажирско-грузовой отдел [Таможенной дирекции]» (MToIGP) и юридические термины *brottsutredning* «уголовное расследование», *brottsmålsförfarande* «судебное разбирательство».

В трудах некоторых лингвистов [Савицкий, Кулаева, 2004] среди композитов выделяются:

1) лексемы с суженным значением, например: *föräldrapenning* не любые «родительские деньги», а «пособие родителю на период отпуска по уходу за ребенком»;
2) с расширенным значением, например: *tjänsteman* (особенно в форме множественного числа *tjänstemän*) – не «служащие мужчины», а «чиновники» независимо от пола;
3) со сдвинутым значением, например: *lysrör* – *букв.* 'световая трубка', а фактически «люминисцентная лампа»;
4) с переносным значением, например, *fjärrkontroll* – *букв.* 'дальний контроль', фактически «пульт (телевизионный)»[2].

Нередко в документах используются слова с одинаковым вторым компонентом, обозначающим некое общее понятие, которое конкретизируется за счет первого (определяющего) компонента:

ålders|pension – пенсия по старости;
förtids|pension – пенсия по нетрудоспособности;
tilläggs|pension – дополнительная пенсия.

Причем наряду с номинативными композитами, уже вошедшими в словарный фонд языка, есть синтаксические композиты, которые являются согипонимами первых [Маслова-Лашанская, 1991]. Так были образованы слова *garantipension* «гарантированная пенсия для людей с низким заработком», *tjänstepension* «добровольная рабочая часть», представляющая собой дополнительные пенсионные отчисления в соответствии с трудовым договором', а также *premiepension* «персонально-накопительная пенсия», которая вместе с *inkomstpension* «условно-накопительная пенсия», составила общую государственную пенсию *allmän pension*.

[1]Зд. и далее: MToIGP – Memorandum mellan Generaltullstyrelsen i Konungariket Sverige och den Statliga Tullkommittén i Ryska Federationen om bestämmelser för koordinerade tullkontrollåtgärder och utbyte av information avseende gods- och passagerartrafik med färjor och flyg mellan Konungariket Sverige Och den Ryska Federationen. Bryssel, 1995-06-20.

[2]Корпус шведского языка Språkbanken. URL: https://spraakbanken.gu.se (дата обращения: 14.08.2023).

ВЛИЯНИЕ КОМПОЗИТОВ НА УРОВЕНЬ СЛОЖНОСТИ ТЕКСТА

Наличие и количество композитов влияют на уровень сложности текста, поскольку они представляют собой категорию так называемых длинных слов[1], превышающих семь знаков, и сверхдлинных[2] – свыше 14 знаков.

Количество длинных и сверхдлинных слов (включая композиты), например, в нормативно-правовых текстах составляет около 77 % от общего числа употребленных в тексте существительных, что свидетельствует о типичности этого параметра для таких текстов: *medlemsstaten* «страна ЕС» (*букв.* 'страна-участница'), *världshälsoorganisationen* «Всемирная организация здравоохранения», *rättsäkerhetsgarantierna* «правовые гарантии безопасности», *koncernredovisningsrapporterna* «финансовые отчеты концерна»[3]. В других жанрах официально-документального стиля этот показатель может быть ниже, но все равно остается очень высок. Шведская исследовательница У. Нюман подсчитала индекс сложности (LIX, läsbarhetsindex) и количество использованных «длинных» слов (больше 7 букв) в текстах постановлений местной администрации. Оказалось, что лексемы, которые компьютерная программа включила в группу «трудных» по формальному критерию – количеству букв, в большинстве случаев оказались композитами [Nyman, 2015]. Длинные слова составили в проанализированных документах примерно 40 % от общего количества. Индекс сложности, который колеблется от 15 единиц у легких текстов до примерно 60 – у очень сложных, для проанализированных документов областной администрации составил примерно 55–56 единиц. Этот показатель приближается к верхней границе сложности. Среди употребляющихся в документе композитов много «трудных» слов, для понимания которых читателю требуются либо фоновые знания, знакомство с темой и предметом обсуждения, либо дополнительное время, чтобы внимательно перечитать текст и разобраться в значениях этих лексем: *miljöprövningsdelegationen* «делегация экологического контроля», *detaljplanesynpunkt* «подход с учетом детального планирования», containerrangering «[использование] контейнеров для раздельного сбора мусора», причем некоторые из таких слов употреблялись в тексте неоднократно, как, например, *miljöprövningsdelegationen* [там же]. Процесс понимания окказиональных композитов затрудняется тем, что сложные слова в документах имеют тенденцию восприниматься как термины и соответствующим образом истолковываются читателем. Примером может служить композит *arbetslandet*, встретившийся лингвисту Э. Свенссону в одной из брошюр Шведского управления социального страхования (Försäkringskassan). Свенссон рассказывает, что принял его за неизвестный термин, тогда как в действительности это было нецельнозначное сложное слово – «страна, где то или иное лицо работает» [Svensson, 2013, с. 17]. По мнению языковых экспертов, чтобы не возникало недоразумений, в текстах официально-делового стиля следует по возможности использовать либо композиты, зафиксированные в Академическом словнике шведского языка (SAOL), либо предложные словосочетания, описательно представляющие суть соответствующего явления [там же, с. 20].

На корпоративном портале Гётеборгского университета (Klarspråk och skrivregler)[4] приводятся правила использования композитов в служебных текстах. Сотрудникам университета рекомендуют длинные композиты не употреблять и по возможности заменять их предложными сочетаниями. В качестве примера приводятся выдержки из отчета 2014 года: вместо *kvalitetssäkringssystem* = *system* ***för*** *kvalitetssäkring*, *букв.*'*система (для) обеспечения качества'; вместо *samverkansplattform* = *plattform* ***för*** *samverkan – платформа для взаимодействия*.

Также предлагается исключить из обихода слова, в состав которых последним компонентом входят лексемы с ослабленной семантикой, такие как *insatser* (*шаги*), *åtgärder* (*меры*), *verksamhet* (*деятельность*) и т. п., т. е. писать:

вместо marknadsföringsinsatser (*букв.* 'маркетинговые действия') – marknadsföring (маркетинг);

вместо informationsåtgärder (информационные меры) – information (информация);

вместо forskningsverksamhet (исследовательская деятельность) – forskning (исследования).

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ШВЕДСКИХ КОМПОЗИТОВ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Одним из самых частотных соответствий шведским композитам в русском языке являются сочетания

[1] С.-Х. Бьёрнссон предложил считать длинные слова (более шести знаков) при вычислении индекса удобочитаемости (LIX) [Björnsson, 1968].

[2] Л. Хельспонг и П. Ледин выделили категорию сверхдлинных слов, состоящих из более чем 13 знаков [Hellspong, Ledin, 1997].

[3] Kiiski S. K. Svenskt juridiskt språk. Östra Finlands universitet, 2013. URL: https://docplayer.se/7222805-Svenskt-juridiskt-sprak-en-studie-av-ordfrekvenser-i-direktivet-om-fri-rorlighet-for-personer-inom-eu-med-kvalitativa-iakttagelser.html (дата обращения 24.04.2023).

[4] Klarspråk och skrivregler. URL: https://medarbetarportalen.gu.se/Kommunikation/skrivregler-klarsprak-och-oversattningar/klarsprak-och-skrivregler (дата обращения: 25.05.2023).

существительных в форме родительного падежа: *anordnande* ***av personalutbildning*** (AvF) – *организация* ***обучения кадров***. Как видно из примера, при переводе такие цепочки «раскручиваются» с конца: последний компонент композита становится в русском тексте главным словом словосочетания, за ним следует несогласованное определение в форме родительного падежа – *обучение кадров*.

Еще один распространенный способ передачи значения шведских композитов в русском языке – сочетание существительного с относительным прилагательным:

> brott mot ***tullagstiftningen*** liksom mot ***skattelagstiftningen*** (AVF) – нарушения ***таможенного*** и ***налогового*** законодательства.

Иногда эти способы комбинируются, например, следующий термин ***rättegångskostnadsersättning*** [*Språkbanken*] переводится как *возмещение* ***судебных издержек***, но буквально означает '*возмещение ***стоимости*** [судебного] ***процесса***'.

Есть также случаи перевода композитов обособленными оборотами:

> Dessa myndigheter skall gemensamt komma överens om ***tillämpningsbestämmelser*** (AVF) – Компетентные органы совместно договариваются о ***мероприятиях, необходимых для исполнения настоящего Соглашения*** (БННЗ).

В шведском варианте использован композит, в русском – обособленный оборот, занимающий позицию после определяемого слова и состоящий из модального прилагательного *необходимый* с зависимыми словами. В данном контексте это прилагательное имеет ослабленную модальную семантику и служит для уточнения смысловых связей и контекстуального значения шведского слова. Использование объяснительного перевода обусловлено очень широкой семантикой обоих компонентов композита – *букв*. 'нормы применения'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как свидетельствует анализ материалов, использование композитов в деловом шведском увеличивает сжатость, компактность и статичность изложения, растет также индекс сложности текста за счет использования длинных слов. Большинство композитов являются существительными и воспринимаются как термины, многие из которых не имеют хождения за пределами официально-делового стиля – они являются его отличительной чертой и усиливают его именной характер. Для облегчения прочтения и понимания шведские языковые эксперты призывают, по возможности, заменять композиты предложными словосочетаниями, что необходимо учитывать при переводе с русского на шведский язык. Поскольку отношения между компонентами композитов чаще всего бывают детерминативными, в русском языке таким лексемам обычно соответствуют сочетания существительных с относительными прилагательными или предложные словосочетания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белов С. А., Гулида В. Б. Язык юридических документов: сложности понимания // Acta Linguistica Petropolitana. Санкт-Петербург Институт лингвистических исследований РАН, 2019. Т. XV. Ч. 1. С. 56–104. URL: https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XV_1/titlepage.pdf (дата обращения: 24.08.2023).
2. Маслова-Лашанская С. С. Лексикология шведского языка: [учебное пособие]. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Филологический фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2011.
3. Маслова-Лашанская С. С. О синтаксической функции словообразования в шведском языке // Скандинавская филология. Scandinavica, V. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1991. С. 25–35.
4. Никуличева Д. Б. Синтагматические отношения в континентальных скандинавских языках. М.; СПб., 2000.
5. Кукушкина Е. А. Типология композитов в эрзянском и немецком языках: дис. … канд. филол. наук. Саранск, 2007. URL: http://www.dslib.net/jazyki-rosii/tipologija-kompozitov-v-jerzjanskom-i-nemeckom-jazykah.html (дата обращения: 22.05.2023).
6. Жильцова Е. Л. Новейшая шведская лексика: тематические группы, происхождение, особенности словообразования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 35–41.
7. Чекалина Е. М. Именные композиты как художественное средство в поэзии Эдит Сёдергран и их отражение в русском переводе // Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 14–19 ноября 2022 г.) / под общ. ред. И. Э. Ярмакеева, Ф. Х. Тарасовой: в 3 т. Казань: Издательство Казанского университета, 2023. Т. 2. С. 197–201.
8. Савицкий В. М., Кулаева О. А. Концепция лингвистического континуума. Текст. Самара: НТЦ, 2004.
9. Björnsson C.-H. Läsbarhet. Stockholm: Liber, 1968.

10. Hellspong L., Ledin P. Vägar genom texten: handbok i brukstextanalys. Lund: Studentlitteratur, 1997.
11. Svensson E. Metaforer och metonymier i myndighetstexter. En studie av oetablerat bildspråk i Försäkringskassans broschyrer. Umeå universitet, 2013. URL: https://www.sprakinstitutet.fi/files/4968/Klarsprak_i_kommunen.pdf (дата обращения: 29.06.2012).

REFERENCES

1. Belov, S. A., Gulida, V. B. (2019). The language of legal documents: difficulties in understanding. Acta Linguistica Petropolitana, XV-1, 56–104. St.Petersburg: The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XV_1/titlepage.pdf (date of access: 24.08.2023). (In Russ.)
2. Maslova-Lashanskaya, S. S. (2011). Leksikologiya shvedskogo yazyka = Lexicology of the Swedish language. Study guide. 2nd ed., rev. and suppl. St.Petersburg: Faculty of Philology. St.Petersburg University. (In Russ.)
3. Maslova-Lashanskaya, S. S. (1991). O sintaksicheskoj funkcii slovoobrazovaniya v shvedskom yazyke = On the syntactic function of word formation in the Swedish language. Skandinavskaya filologiya. Scandinavica, V, 25–35. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ).
4. Nikulicheva, D. B. (2000). Sintagmaticheskie otnosheniya v kontinental'nykh skandinavskikh yazykakh = Syntagmatic relations in continental Scandinavian languages. Moscow, St.Petersburg, 2000. (In Russ).
5. Kukushkina, E. A. (2007). Tipologija kompozitov v jerzjanskom i nemeckom jazykah = Typology of composites in Erzyan and German languages: PhD in Philology. Saransk. http://www.dslib.net/jazyki-rosii/tipologija-kompozitov-v-jerzjanskom-i-nemeckom-jazykah.html (date of access: 22.05.2023).
6. Zhiltsova, E. L. (2023). The Newest Swedish Vocabulary: Theme Groups, Origin, Word-Formation Features. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 35–41. (In Russ).
7. Chekalina, E. M (2023). Imennye kompozity kak hudozhestvennoe sredstvo v poezii Edit Syodergran i ih otrazhenie v russkom perevode = Name composites as an artistic means in the poetry of Edith Södergran and their reflection in Russian translation. In Yarmakeev, I. E., Tarasova, F. H. (Eds.), Sovremennaya lingvistika: ot teorii k praktike (vol. 2, pp. 197–201): III Kazanskij mezhdunarodnyj lingvisticheskij sammit (Kazan', 2022, November 14–19): in 3 vols. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Kazan'. (In Russ).
8. Savickij, V. M., Kulaeva, O. A. (2004). Koncepciya lingvisticheskogo kontinuuma. Tekst = Linguistic continuum concept. Text. Samara: NTC. (In Russ).
9. Björnsson, C.-H. (1968). Läsbarhet. Stockholm: Liber.
10. Hellspong, L., Ledin, P. (1997). Vägar genom texten: handbok i brukstextanalys. Lund: Studentlitteratur, 1997.
11. Svensson, E. (2013). Metaforer och metonymier i myndighetstexter. En studie av oetablerat bildspråk i Försäkringskassans broschyrer, Umeå universitet. https://www.sprakinstitutet.fi/files/4968/Klarsprak_i_kommunen.pdf (date of access: 29.06.2012).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Матыцина Ирина Витальевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры германской и кельтской филологии
филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Matytsina Irina Vitalyevna
PhD in Philology
Associate Professor at the German and Celtic philology chair
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	29.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.111'01

Библейская фразеология английского языка в диахронии

С. В. Мухин[1], Д. А. Ефремова[2]

[1,2]*Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия*
[1]*s.muhin@inno.mgimo.ru*
[2]*efremovadarya@yandex.ru*

Аннотация. Исследуются структурно-семантические аспекты развития библейской фразеологии в древне-, средне- и новоанглийский периоды. Рассматриваются устойчивые словосочетания в текстах псалтирей IX–XVII веков, переведенных с латинского языка. С помощью методов лингвокультурологического, компонентного и контекстуального анализа, фразеологической идентификации и корпусного метода изучаются вопросы этимологии, а также семантики и структуры библейской идиоматики в диахронии. Установлены признаки фразеологического калькирования, отмечен постепенный отход от принципа буквальности при переводе исходных латинских словосочетаний, анализируются примеры семантической и формальной эволюции библейских идиом.

Ключевые слова: Псалтирь, фразеология, диахрония, древнеанглийский язык, среднеанглийский язык, новоанглийский язык

For citation: Мухин С. В., Ефремова Д. А. Библейская фразеология английского языка в диахронии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 47–54.

Original article

English Idioms of the Bible in Diachrony

Sergey V. Mukhin[1], Daria A. Efremova[2]

[1,2]*Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia, Moscow, Russia*
[1]*s.muhin@inno.mgimo.ru*
[2]*efremovadarya@yandex.ru*

Abstract. The article aims at diachronic analysis of the structural and semantic aspects of idiomatic word-combinations in the Old, Middle, and New English psalters (9th–17th centuries) translated from the Latin Vulgate version. With resort to the methods of linguocultural, componental and contextual analysis, phraseological identification and corpus method, the article addresses the problems of etymology, semantics and structure of biblical idioms in diachrony. The research focuses on the attributes of phraseological loan-translation and stresses a gradual digression from the principle of literality in translating the original Latin word-combinations. The semantic and formal evolution of biblical idioms is analyzed on the example of specific contexts.

Keywords: Psalter, phraseology, diachrony, Old English, Middle English, New English

For citation: Mukhin, S. V., Efremova, D. A. (2024). English idioms of the Bible in Diachrony. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 47–54.

INTRODUCTION

The abundance of idiomaticity in the biblical text has long been a source of attraction for scholars of phraseology. Ample contribution to the research on the subject was provided by such scholars of renown as: J. G. Frazer, Earl R. Mac Cormac, V. G. Gak and many more [Frazer, 1918; Mac Cormac, 1976; Gak, 1993]. Still in demand in various types of discourse, idioms of biblical origin have by no means been exhaustively scrutinized because the bulk of research is built around the present-day structure, meaning and use of bibleisms.

Significant effort in studying historical and functional aspect of modern English idioms was made by A. M. Kaplunenko [Каплуненко, 1992]. But what makes the entirety of available study look largely lacunar is almost complete absence of interest in the diachronic aspect. This is characteristic of phraseology in general for two reasons: first, the linguistic evidence is growing increasingly scarce as the researchers apply themselves to trace the history of expressions down to their origins, and second, it is a very challenging task to ascertain that in the past the word-combinations in question enjoyed a phraseological status. The only type of linguistic evidence to make use of is the text of manuscripts.

Such are the circumstances that determine the sources and procedure of the present research. The main tasks to address are these:

1) establishing the etymological nature of biblical idioms by means of etymological analysis;
2) defining the phraseological markers to verify the phraseological status of idiomatic word-combinations by means of phraseological identification;
3) describing the main evolutionary changes affecting biblical idioms by means of componental and contextual analysis.

LINGUISTIC EVIDENCE

The linguistic evidence is taken from the English text of psalters belonging to three historical periods according to the traditional periodization of the history of English. King David's psalms are full of imagery and highly metaphorical, which provides breeding ground for phraseologization. Another reason is that psalms enjoyed immense popularity in the Middle Ages. About four dozen of Old English Psalter versions have survived to this day [Old English ... 2001], with 16 of them glossed[1], which constitutes the largest topical group of Old English manuscripts. The Psalter is known for having been commonly used as a textbook to learn Latin; it was extensively subject to quotation and reference, which is also an important factor of phraseologization.

Since the English text of the psalms is secondary, i.e. translated, it matters a lot what original text was used as the basis for the translation. To ensure the correctness of the diachronic research, it necessitates that all the original texts should be made in the same language. There is little doubt as to what specific language that has to be: up to the Reformation, Latin as a source language fared uncontested. Therefore, all the Psalter versions submitted to analysis have to be Latin–English translations, with the Vulgate[2] being the source text. There are three Psalter versions whose record and nature make them special because they perform the role of landmarks in the course of linguistic and literary history:

1) **the Vespasian Psalter[3]** of the early 8th century, with the 9th century gloss (London, British Library, MS Cotton Vespasian A I). This version is considered to be the earliest collection of psalms ever submitted to translation into (Old) English and, what is more, the earliest attested attempt to render a biblical text into the vernacular language on the British soil [Ball, 1970];
2) **Wycliffe's Bible[4]** of the late 14th century is a Middle English version, which reflected John Wycliffe's growing religious dissent and marked the transition from the word-for-word to sense-by-sense principle of translation. Accordingly, the text is presented in two varieties: the 1382 more literal translation and more liberal, released posthumously in 1394 [Hague, 19--]. The latter is of more interest for the purposes of the present research;
3) **the Douay-Rheims Bible[5]** was published in 1582–1610 in France and is known for being, again, a translation from Latin in the aftermath of Reformation, when such occasions grew rare enough, and most contemporarily produced English versions of the Bible were translated from Greek and Hebrew [Pope, 1910].

[1]Porck Th. 'You are truly the same': The Varied Nature of Old English Glossed Psalters. 2022. URL: https://thijsporck.com/2022/10/01/you-are-truly-the-same-the-varied-nature-of-old-english-glossed-psalters/

[2]Vulgate. The Holy Bible In Latin Language With Douay-Rheims English Translation. URL: https://vulgate.org/

[3]The Oldest English Texts. Sweet H. (ed). London, 1885.

[4]The Holy Bible containing the Old and New Testaments, with the Apocryphal Books in the Earliest English Versions Made from the Latin Vulgate by John Wycliffe and his Followers. J. Forshall, F. Madden (ed.). Vol. 1. Oxford: University Press, 1850.

[5]The Holy Bible. Douay Rheims Version with Deuterocanon. The Lord Henfield Edition, 2024.

All the three versions listed above have the Vulgate as the translation source. The Latin original texts feature some marginal lexical variations, with infrequent alternation of synonyms, but in essence those are one and the same text. English translations demonstrate chronologically stepping down degrees of literality ranging from the highest in the Vespasian Psalter gloss to the lowest in the New English Douay-Rheims Bible.

ETYMOLOGICAL ASPECT

The text of the 150 psalms is traditionally ascribed to King David and in this interpretation has to be placed around the 10th–11th centuries BC. Being an integral part of the Old Testament, the psalms played an important role in providing the continuality of the biblical written tradition in various linguocultures. In case of the Anglo-Saxon culture, Latin is the immediate source that relayed the text of psalms with all its poetic, metaphorical, and hence phraseological patrimony.

The first available translation found in the Vespasian Psalter appeared soon after Christianity took root in England. The gloss shows the translators' consistent tendency to follow the principle of literality. In order to fully keep the original form and sense of the sacred text the original Latin syntax, including idiomatic word-combinations, was reproduced with utmost precision. In terms of phraseology, it means loan-translation, or calque. Phraseological calques became the earliest outer means of replenishing the (Old) English phrase-stock. This fact itself is important in proving the phraseological status of the expressions in question, as phraseological loan-translation can result in nothing less than emergence of a new phraseologism in the recipient language.

A phraseological calque has several distinct characteristics, which can be best displayed by a specific example:

Vulgate: ***Reges*** eos ***in virga ferrea*** *et* ***tamquam vas figuli confringes*** eos (*Psalter 2:9*)

Vespasian: ðu ***reces*** hie ***in ȝerde iserre*** & ***swe swe fet lames*** ðu ***ȝebrices*** hie

The verse above offers two word-combinations which may and should be interpreted as idiomatic. In modern variant these are *to shepherd with an iron wand* and *to break like a potter's jug*. The Vespasian version is absolutely literal; it is a typical calque, which can be proven by the following:

1) the number of the word-combination components in the Latin original and in the gloss is almost identical: 4:4 for the first idiom and 4:5 for the second one (the latter difference, incidentally, is of no great importance as it may be merely a matter of spelling: the Old English *swe swe* for the Latin *tamquam* or *tam quam*);
2) the word order in both cases demonstrates absolute word-for-word coincidence;
3) there is the highest affordable likeness of grammar categories and forms both in the original and gloss (e. g. the verbs *regere* and *recan* in the form of *præsens indicativi activi*, 2nd person singular, or the nouns *figulus* and *lam* in the form of *genitivus singularis* and suchlike);
4) the structural model of the idiom appearing in Old English as a result of translation, patterns itself on that of the Latin original;
5) the key components of the expressions both in the original and translation are related to the same codes of culture: agentive and material. The interaction of these codes is inherent in creating a certain phraseological image;
6) both in the original and gloss the idiomatic transference of meaning is achieved by means of metaphorization. In the first case the symbolic function of a shepherd and his iron wand is resorted to in order to express the idea of a strict ruler empowered to exercise authority over his people. In the second case a broken to fragments clay pot symbolizes complete ruin and defeat.

Literal translation, tantamount to phraseological calque, in the theory and practices of interpretation is usually conceded to be a failure, but in this situation, it appears to be essential means of constructing the phraseological system of a language at the dawn of its written history.

PHRASEOLOGICAL MARKERS

Phraseological meaning is formed under the influence of culture as a result of intersemiotic transposition [Зыкова, 2015]. Specific semiotic fields are the source of transferring the conceptual content into the symbols of another semiotic system – the language. Such process gives rise to new idioms.

An idiom is understood to be a fixed combination of lexical components. It is reproduced in speech and is based on the stable correlation between certain lexico-grammatical structure and meaning[1]. The task of verifying the phraseological status of biblical idioms in their historical form is addressed proceeding

[1]Телия В. Н. Фразеологизм // Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.

from the assumption that phraseological status can be verified convincingly enough on the basis of two main markers of phraseologization: 1) recurrence of a word-combination in the text of a given manuscript and other textual sources; 2) stability of the phraseological image in diachrony.

The best way of showing how these rather abstract markers are realised in practice, is by virtue of specific examples. There is a comparatively infrequent somatism *flesh*, which occurs to be in a number of Psalter verses, which in the Douay-Rheims version read as follows:

> moreover my ***flesh*** also shall rest in hope (*Psalter 15:9*)
> And my ***flesh*** hath flourished again (*Psalter 27:7*)
> For thee my soul hath thirsted; for thee my ***flesh*** (*Psalter 62:2*)
> all **flesh** shall come to thee (*Psalter 64:3*)
> my bone hath cleaved to my ***flesh*** (*Psalter 101:6*)
> Pierce thou my ***flesh*** with thy fear (*Psalter 118:120*)
> Who giveth food to all ***flesh*** (*Psalter 135:25*)
> let all ***flesh*** bless thy holy name for ever (*Psalter 144:21*)

It can be noticed that in three of the contexts above the word *flesh* goes together with *all*, which marks the recurrence of this word-combination in the Psalter. But not in the Psalter alone because in other books of the Bible it also is recurrent. Below are a few more contexts from the Douay-Rheims version:

> ***All flesh*** is grass (*Isaiah 40:6*)
> ***all flesh*** shall be no more destroyed with the waters of a flood (*Genesis 9:11*)
> I am going the way of ***all flesh*** (*1Kings 2:2*)

In New English the word-combination *all flesh* with the meaning "the mankind" or "all the living creatures" does have a phraseological status because it is recurrently used in different textual sources by different authors and is listed in dictionaries of idioms. The lexicographic criterion is of minor importance, as it is absolutely invalid for Old and Middle English. However, the criterion of recurrence both in one text and in various texts is always secure enough. For instance, recurrence of the idiom is also to be noted in the same and more contexts of Wycliffe's Bible, and has to be interpreted as a proof of its phraseological status in Middle English:

> ***Ech fleisch*** is hei (*Isaiah 40:6*)
> ***ech fleisch*** schal no more be slayn of the watris of the ȝreet flood (*Genesis 9:11*)
> Y am the Lord ȝod of ***al fleisch*** (*Jeremiah 32:27*)
> Y schal helde out my spirit on ***ech fleisch*** (*Acts 2:16*)
> for the lijf of ***ech fleisch*** is in blood (*Leviticus 17:14*)
> ***Ech fleisch*** schal faile toȝidere (*Job 34:15*)

The number of contexts with the word-combination *ech fleisch* is more than sufficient to make sure that in Wycliffe's time the expression was very recurrent.

Phraseological status has to be proven not only by recurrence of a word-combination in various contemporary texts, but also by diachronic recurrence. It means that the idiom has to be found in chronologically diverse texts in order to earn the title of an idiom. In this respect the most problematic forms are the earliest ones, as the quantity of linguistic evidence is in inverse proportion to its age. Nevertheless, even within the confines of the Old English period it is possible to definitely detect recurrence:

Vulgate:	sicut fluit cera a facie ignis (*Psalter 67:3*)
Vespasian:	swe floweð wex from onsiene fyres
Eadwine's[1]:	swæ swa floweð weæx from ænsine fyres
Arundel[2]:	swaswa milteþ & flewþ weax fram ansyne fyres
Cambridge[3]:	swa swa flowyð wiex fram ansyne fyrys
Junius[4]:	swa floweð wex from onsiene fyres
Lambeth[5]:	swaswa flywð weax fram ansene fyres
Paris[6]:	swa fram fyre weax floweð and mylteð
Vitellius[7]:	swaswa flewð weax of ansyne fyres

The adverbial expression in the eight Old English Psalter versions above metaphorically represents the idea of complete disappearance, as is clear from the overall context of the verse:

> As smoke vanisheth, so let them vanish away: ***as wax melteth before the fire***, so let the wicked perish at the presence of God (*Douay-Rheims 67:3*).

The image of melting wax exposed to fire shows remarkable persistence from one version to another all through more than four centuries which comprise the versions above. Despite some variability of the lexis and syntax (*e.g.* lexical alternations *flowan / miltan* or the alternation of the prepositions *fram / of* alongside with the differences in the word order that make the Paris version special), the repeated set of key components (i.e.

[1]Eadwine's Canterbury Psalter. Harsley F. (ed.). London, 1889.
[2]Der Altenglische Arundel-Psalter. Heidelberg, 1910.
[3]Der Cambridger Psalter. Darmstadt, 1964.
[4]Der Altenglische Junius-Psalter. Heidelberg, 1908.
5 Der Lambeth-Psalter. Helsingfors, 1909.
[6]The Old English Version of the Heptateuch, Ælfric's Treatise on the Old and New Testament and his Preface to Genesis. Crawford S. J., Blitt B. (ed.). London, 1922.
[7]The Vitellius Psalter. Rosier J. L. (ed.). Ithaca, N.Y., 1962.

flowan, weax, ansyn, fyr) is ever stable. Not only is the image entirely preserved in Old English but also the later historical periods testify to its stability. In the Wycliffe version it is worded as follows: *as wax fletith fro the face of fier.* The Germanic *ansyn* gives way to the Romanic *face*, but it does not affect the image and meaning, which remain intact. The New English context referred to earlier also has the identical image.

EVOLUTION OF IDIOMS: MEANING AND STRUCTURE

In terms of evolution, leaving aside the aspects of phonetics and style as little relevant, let us focus on semantics and grammar. The lexical composition of idiomatic expressions, as of the late 14th century, shows one obvious tendency for romanization, fully in accordance with the general development of the Middle English word-stock. Germanic components get commonly replaced with Old French equivalents:

Vulgate: Lingua mea ***calamus scribæ*** velociter scribentis (*Psalter 44:2*)
Vespasian: tunȝe min ***hreod writ*** hreðlice writendes
Wycliffe: Mi tunȝe is ***a penne of a writere***; writynȝe swiftli
Douay-Rheims: My tongue is ***the pen of a scrivener*** that writeth swiftly

In the set of contexts above the substantive phrase *a pen of a scribe* stands for TONGUE. In the entirely Germanic Vespasian version the first component is the noun *hreod (reed),* which literally reproduces the Latin *calamus (cane)*. The plant is known to have been used to make writing tools in antiquity. The Middle Ages saw a change of the technics, with feathers becoming the main instrument for writing. This innovation made the meaning of the noun *rede* obscure in this context. Hence the replacement of it with the Romanic *penne* (*feather*). The Renaissance brought in more romanization; in this particular case the Douay-Rheims version offers the Romanic component *scrivener* instead of the Germanic *writer*, which is used in the earlier versions.

The changes of the lexical composition went hand in hand with the changes of realia. New concepts and objects came in abundance from the continent with their original names. The proof is provided by the Psalter as well as by other biblical books, e. g.:

A-S Gospel[1]: wundon ***þyrnenne cyne-helm*** and asetton hyne on his heafod (*Mt. 19:2*)
Wycliffe: writhen ***a coroun of thornes***, and setten on his heed
Douay-Rheims: platting ***a crown of thorns***, put it upon his head

In the Old English variant of the expression *crown of thorns*, which is a symbol of suffering, the concept CROWN is conveyed by the Germanic composite *cyne-helm* reflecting the realia of pre-Norman England, with reference to tribal kinship and helmets worn by Anglo-Saxon chiefs. In the High Middle Ages and henceforth, the Romanic word *coroun* marks the transition from tribalism to nationhood, of which a crown is a token. Jesus Christ is thus understood to be a king of a much greater regal status than it can be associated with a tribal chief's headgear.

When the general meaning of an idiom is diachronically unchanged, there can be noticed some modifications of the image effected by lexical means:

Vulgate: ero similis ***discendentibus in lacum*** (*Psalter 27:1*)
Vespasian: ic biom ȝelic ***astiȝendum in seað***
Wycliffe: Y schal be maad lijk to hem, that ***ȝoen doun in to the lake***
Douay-Rheims: I become like them that ***go down into the pit***

In the contexts above the verbal idiom *to go down into the pit* metaphorically and euphemistically spells out "to die". Diachronically the translators choose different words to express the concept GRAVE. Whereas initially in the Vulgate there is *lacus*, which, besides its commonly known aquatic meaning, in Latin could also denote any cavity in the ground, the Vespasian version prefers the best suitable Old English equivalent *seað (pit, hole, well, reservoir, lake)* to the possible *lacu*. The Wycliffe translator opts for literality by using *lake*. To the Douay-Rheims version readers *lake* would not sound explicit enough, since its New English meaning is too specific: one can hardly imagine a lake burial in the Christian culture. Hence, the *pit*.

In spite of quite a few, albeit minor, lexical and semantic variations, in each particular case all diachronic (and dialectal) variants retain the main distinctive characteristics: one and the same phraseological meaning and symbolic function. All the variants of the expressions *crown of thorns* and *to go down into the pit* both mentioned and bypassed in the present article constitute phraseological invariants of the idioms existing and evolving in English ever since the first written use in the 9th century Vespasian Psalter gloss up to day.

The dynamics and degree of structural development of biblical idioms depends on the two principal

[1]The Gospel according to Saint John in Anglo-Saxon and Northumbrian Versions. W. W. Skeat (ed). Cambridge: University Press, 1878–1887.

factors: general evolution of the English grammar system and the structural complexity of idioms themselves. The least prone to formal evolution are the structurally simpler two-component idioms. The most common types of such are the verbal model V+N and the nominal model Adj+N. The following set of contexts proves the stability of the verbal idiom *to set the covenant*, which means "to make a solemn agreement":

Vulgate:	Congregate illic sanctos ejus qui ***ordinaverunt testamentum*** ejus (*Psalter 49:5*)
Vespasian:	ȝesomniað ðider halȝe his ða ***ȝeendebyrnun cyðnisse*** *his*
Wycliffe:	Ȝadere ȝe to hym hise seyntis; that ***ordeynen*** his ***testament***
Douay-Rheims:	Gather ye together his saints to him: who ***set*** his ***covenant***

The comparison shows that in this case the ever-going lexical changes of the idiomatic word-combination in bold have no structural match, leaving the V+N model in English intact for at least eight centuries. The same is usually true about attributive phrases with adjectives or participles. The change of the nominal models is often reduced to their mutual substitution. As a rule, original adjectives and participles tend to get succeeded by of-phrases in later versions:

Vulgate:	esto mihi in Deum protectorem et in ***locum munitum*** (*Psalter 79:3*)
Vespasian:	bio ðu me in ȝod ȝescildend & in ***stowe ȝetrymede***
Wycliffe:	Be thou to me in to Ȝod a defendere; and in to a ***strenȝthid place***
Douay-Reims:	Be thou unto me a God, a protector, and a ***place of strength***

The expression *place of strength* built on a locative metaphor evinces the meaning of "support, resource". The Old and Middle English participial forms give way to the New English prepositional phrase of + N, thus swapping the original adjectival model for the N+of+N type. The same type is best effectively used to convey the meaning of original genitive phrases of the N^{gen}+N type:

Vulgate:	generatio rectorum (Psalter 111:2)
Vespasian:	cneorisse ðæra rehtra
Wycliffe:	the ȝeneracioun of riȝtful men
Douay-Rheims:	the generation of the righteous

The meaning of the word-combination above is "the descendants of God's followers and true believers". The original Latin and Old English genitive gets substituted by an of-phrase already in the Wycliffe version.

The more structurally complex an expression is, the more room does it have for diachronic change of whatever kind. This observation is particularly relative to all sorts of paroemiac contexts that the Bible is so full of. It takes the level of a complete sentence for a phraseologically bound word-combination to fully activate evolution, as is below:

Vulgate:	ad vesper demorabitur fletus et ad matutinum lætitia (*Psalter 29:6*)
Vespasian:	æt efenne wunað wop & to marȝentide blis
Wycliffe:	Wepynȝ schal dwelle at euentid; and ȝladnesse at the morewtid
Douay-Rheims:	In the evening weeping shall have place, and in the morning gladness

The entire context is too complex to be just an idiom. It is an aphoristic sentence of proverbial nature. Its didactic meaning amounts to the advice for a man to never yield to despair. Grammatically the three English versions above are rather different, due to the two previously mentioned factors: 1) the structural complexity allowing for variability; 2) the mainstream analytical tendency of linguistic development typical of English.

The Vespasian version above repeats the word-order and grammar forms of the Vulgate word for word. The only exception here is the Present tense of *wunian (to reside, to inhabit)* instead of the Latin *Futurum Primum*, for lack of a Future tense in Old English. The Wycliffe version is dramatically different in terms of grammar. Rendering the Latin future form is done by means of an analytical complex with a desemantized verb: *schal dwelle* succeeds to *wunað*. Themes and rhemes trade places in both parts of the verse, the word-order becomes direct. A definite article appears to qualify the noun *morewtid (morning)* (yet never is it there before *euentid (evening)*). The Douay-Rheims version finalizes the analytical transformation. Now the article appears twice, to follow not only the use, but the rule. The future form gains in analytism by further desemantization and structural discreteness: *shall have place*. As a result, the New English version of the sentence is structurally almost antithetical to the Old English one, but the original meaning is kept to the fullest.

CONCLUSION

A diachronic study of English biblical phraseology is a task of such scale that it can never claim to be exhaustive. However, it appears affordable to strike

upon a few directions of research that look the most relevant and promising.

First, diachrony is never imaginable without etymology. In this aspect it is important that all the biblical idioms in English are phraseological calques translated in the earlier time from Latin and later from Greek and Hebrew. The influence of the original texts should necessarily be paid heed to.

Second, the key problem of identifying the phraseological status of biblical word-combinations can be efficiently addressed by linguocultural methods and textual analysis. The former are instrumental in analyzing the phraseological images, which are in fact valid identities of idioms through centuries, while the latter is in demand to study the functional aspect of idiomatics in diachrony.

Third, diachrony inevitably suggests change. Research of this nature has to primarily focus on the development of biblical idioms in two dimensions: semantics and structure, which implies analyzing the lexical and syntactical properties of components used to build idiomatic word-combinations.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Frazer J. G. Folk-Lore in the Testament. Vol. I. London: MacMillan & Co, 1918.
2. Mac Cormac Earl R. Metaphor and myth in science and religion. Durham, N. C.: Duke University Press, 1976.
3. Гак В. Г. Вопросы сопоставительной фразеологии (библеизмы в русском и французском языках) // Научные труды МПГУ им. В. И. Ленина. К 120-летию основания университета. Серия: Гуманитарные науки. М.: Прометей, 1993. С. 14–21.
4. Каплуненко А. М. Историко-функциональный аспект идиоматики (на материале фразеологии английского языка): дис. … д-ра филол. наук. М., 1992.
5. Old English Glossed Psalters. Psalms 1–50 / Ed. by Ph. Pulsano. Toronto, 2001.
6. Ball C. J. E. The Language of the Vespasian Psalter Gloss: Two Caveats // The Review of English Studies. 1970. Vol. XXI. Issue 84. P. 462–465.
7. Hague D. Wycliffe: an Historical Study. Toronto, 19--.
8. Pope H. The Origin of the Douay Bible // The Dublin Review. 1910. Vol. CXLVII. P. 294–295.
9. Зыкова И. В. Разновидности процесса фразеологизации с позиции лнгвокультурологического подхода // Вестник МГЛУ. 2015. Выпуск 22 (733). С. 79–91.

REFERENCES

1. Frazer, J. G. (1918). Folk-Lore in the Testament (vol. I). London: MacMillan & Co.
2. Mac Cormac, Earl R. (1976). Metaphor and myth in science and religion. Durham, N.C.: Duke University Press.
3. Gak, V. G. (1993). Voprosy sopostavitel'noj frazeologii (bibleizmy v russkom i francuzskom jazykah) = Problems of Comparative Phraseology (Bibleisms in Russian and French). In Nauch. trudy MPGU im. V.I. Lenina. K 120-letiju osnovanija universiteta. Series: Gumanitarnye nauki (pp. 14–21). Moscow: Prometej.
4. Kaplunenko, A. M. (1992). Istoriko-funkcional'nyj aspekt idiomatiki (na materiale frazeologii anglijskogo jazyka) = Historico-functional Aspect of Idiomatics (Examplified by English Phraseology). Senior Doctorate Thesis. Moscow.
5. Pulsano, Ph. (Ed.) (2001). Old English Glossed Psalters. Psalms 1–50. Toronto.
6. Ball, C. J. E. (1970). The Language of the Vespasian Psalter Gloss: Two Caveats. The Review of English Studies, XXI(84), 462–465.
7. Hague, D. (19--). Wycliffe: an Historical Study. Toronto.
8. Pope, H. (1910). The Origin of the Douay Bible. The Dublin Review, CXLVII, 294–295.
9. Zykova, I. V. (2015). Raznovidnosti protsessa frazeologizatsii s pozitsii lngvokul'turologicheskogo podkhoda = Variants of Phraseologization in the Linguocultural Perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 22(733), 79–91. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мухин Сергей Владимирович
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английского языка № 1
Московского государственного института международных отношений МИД России

Ефремова Дарья Андреевна
кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры английского языка № 1
Московского государственного института международных отношений МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mukhin Sergey Vladimirovich
PhD (Philology)
Associate Professor of the English Language Department # 1
Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia

Efremova Daria Andreevna
PhD (Philology)
Senior Lecturer of the English Language Department # 1
Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia

Статья поступила в редакцию	02.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	03.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'25

Конституирующие признаки перевода как вида межъязыковой коммуникации

Н. М. Нестерова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия
nest-nat@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются два конституирующих признака перевода, которые были выделены А. Д. Швейцером – вторичность и репрезентация исходного текста в другой языковой и культурной среде. Названные признаки рассматриваются с точки зрения современной науки о переводе, включая теорию культурного трансфера. Для исследования используются описательный и сопоставительный методы, а также типологический и дефиниционный анализы. Материалом исследования являются теоретические работы ведущих отечественных ученых-переводоведов. Итог исследования – авторская концепция вторичности перевода, главным признаком которой является ее двойственный характер. Это находит отражение в сочетании в ней абсолютности и относительности.

Ключевые слова: перевод, конституирующие признаки, вторичность, вторичный текст, культурный трансфер, репрезентация исходного текста

Для цитирования: Нестерова Н. М. Конституирующие признаки перевода как вида межъязыковой коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 55–61.

Original article

Constitutive Attributes of Translation as Interlingual Communication

Natalya M. Nesterova

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia
nest-nat@yandex.ru

Abstract. The article analyses two constitutive attributes of translation, which were singled out by A.D. Schweitzer – its secondary nature and representation of the source text in another linguistic and cultural environment. The aim of the study is to examine these attributes from the point of view of modern translation science including the theory of cultural transfer. The research uses descriptive and comparative methods, as well as typological and definitional analyses. The material of the study is theoretical works of leading Russian translation scholars. The result of the research is the author's concept of secondary nature of translation emphasised its dual nature, that being reflected in the combination of both absoluteness and relativity in it.

Keywords: translation, constitutive attributes, secondarity, secondary text, cultural transfer, representation of the source text

For citation: Nesterova, N. M. (2024). Constitutive attributes of translation as interlingual communication. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 55–61. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Прошлый год был отмечен 100-летием со дня рождения Александра Давидовича Швейцера, личности легендарной в мире перевода. В ряду его работ особое место занимает монография «Теория перевода: статус, проблемы, аспекты», опубликованная в 1988 году. В ней освещены все ключевые проблемы лингвистического переводоведения, рассмотрены имеющиеся на тот момент подходы к пониманию сущности перевода, взгляды отечественных и зарубежных исследователей на все представленные в книге аспекты. В ней же указываются и возможные пути развития переводоведения, при этом особо подчеркивается, что изучение перевода должно быть междисциплинарным. Сегодня оно и является таким.

В 1952 году А. А. Реформатский говорил о том, что перевод не может иметь собственной теории, поскольку для ее создания нужно привлечь слишком много других наук. И вот спустя 35 лет А. Д. Швейцер как раз и демонстрирует, что за прошедшие десятилетия формирующаяся теория перевода уже начала привлекать другие науки и, соответственно, менять свой статус – превращаться из лингвистической в междисциплинарную. Сегодня междисциплинарность теории перевода продолжает расширяться; кроме наук, названных А. Д. Швейцером (контрастивная лингвистика, психолингвистика, лингвистика текста, семиотика), она устанавливает связи с такими науками, как философия, культурология, лингвокультурология, компьютерная лингвистика, теория межкультурной коммуникации, теория культурного трансфера и др.

В авторском предисловии к первому изданию своей книги А. Д. Швейцер констатировал, что в области исследования перевода предприняты серьезные попытки понять сущность перевода, выявить те конституирующие признаки, которые обусловливают специфику переводческого процесса и текста перевода как результата этого процесса, отличают его от других видов межъязыковой коммуникации. А. Д. Швейцер называет два таких признака: вторичность перевода и репрезентация (замещение) исходного текста в новом лингвокультурном пространстве [Швейцер, 1988].

Задачами данного исследования являются следующие:

1) рассмотреть понятия «первичный» и «вторичный»;
2) проанализировать, сопоставить и обобщить имеющиеся точки зрения относительно понимания вторичности перевода, представленные как в трудах теоретиков перевода, так и высказываниях и оценках переводчиков;
3) основываясь на теории культурного трансфера, рассмотреть текст перевода с точки зрения его предназначения – репрезентировать оригинал в новой лингвокультурной среде.

Соответственно, методами исследования стали как ***общенаучные*** – ***анализ и синтез***, так и частные методы: описательный, сопоставительный, типологический и дефиниционный анализы. Актуальность исследования связана с расширяющимся исследовательским полем современного переводоведения, с необходимостью накопления и обобщения теоретического знания и эмпирического опыта в исследовании перевода, установления определенной преемственности и логической связи между различными научными парадигмами. Обращение в этой связи к монографии А. Д. Швейцера, одного из ведущих представителей отечественного переводоведения, позволяет переосмыслить «вечные» вопросы, связанные с переводом, его сущностью и признаками, которые отличают его от других видов межъязыковой коммуникации. Новизна исследования и заключается в анализе этих признаков и попытке раскрыть их суть.

ВТОРИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДА: АБСОЛЮТНАЯ И / ИЛИ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ?

Вторичность перевода как процесса, так и его результата (текста перевода) очевидна, на вторичность указывают и префиксы, используемые при дефиниции перевода: ***пере***- (*перевыражение*), ***вос***- (*воспроизведение*), ***ре***- (*реконструкция*). Вторичность перевода и переводческой деятельности отмечают как переводоведы, так и переводчики. И. С. Алексеева утверждает, что вторичность и составляет суть перевода, она буквально заложена в нем [Алексеева, 2008]. П. М. Топер также указывает на вторичность переводческого процесса, считая, что именно с нее и нужно начинать разговор о переводе [Топер, 1998]. Очень часто перевод сравнивают с исполнительским искусством, что вполне логично и закономерно, называют его «вторичным художественным творчеством» [Виноградов, 1978, с. 8].

Однако есть мнения самих переводчиков, «оспаривающих» вторичность переводческой деятельности. Так, известный отечественный переводчик В. Левик считал перевод творчеством оригинальным, поскольку переводчик «творит на другом языке» [Художественный перевод ... 1982, с. 314]. Аналогичную точку зрения высказывал и В. А. Жуковский, называя переводчика «творцом выражения» [Жуковский, 1960, с. 79].

Приведенные мнения теоретиков перевода и переводчиков свидетельствуют о противоречивости взглядов на вторичность перевода. На наш взгляд, сегодня требуется уточнение понимания этого признака перевода. Совершенно очевидно, что хотя вторичность, по словам И. А. Алексеевой, и заложена в сути перевода, она далеко не однозначна и не абсолютна. На наш взгляд, целесообразно начинать анализ вторичности как текстовой категории с определения понятий «первичный» и «вторичный». Обратимся к их энциклопедическим дефинициям. Первичный определяется как «*первая ступень в развитии* чего-либо; исходный, первоначальный[1]; вторичный как «происходящий или совершаемый во второй раз; *представляющий собой вторую, позднейшую ступень* в развитии чего-либо»[2]. Полагаем, что данные толкования первичного и вторичного можно использовать как базисные для анализа вторичности перевода.

Среди первых, кто обратил внимание на определенную самостоятельность перевода по отношению к оригиналу, нужно назвать Я. Мукаржовского, который в работе «Искусство как семиологический факт» (1934) указывает на возможные серьезные изменения текста как «произведения-вещи» при перемещении его во времени и пространстве. Это особенно очевидно, считает автор, в случае сравнения нескольких переводов одного и того же текста [Мукаржовский, 1994]. Слова чешского ученого перекликаются со словами мексиканского поэта Октавио Паса, лауреата Нобелевской премии, говорившего об уникальности каждого перевода и его новизне: «Every translation, up to a certain point, is an invention and as such it constitutes a unique text» [цит. по: Bassnett, 2002, с. 44]. – «В определенном смысле каждый перевод являет собой нечто новое и как таковой он представляет собой уникальный текст»[3]. Вспомним и слова В. Беньямина, автора знаменитой «Задачи переводчика», который утверждал, что оригинал достигает в переводах «еще более полного расцвета» [Беньямин, 2002, с. 92].

Все приведенные выше высказывания совпадают по смыслу с дефиницией вторичного как позднейшей ступени в развитии чего-то. В случае перевода это «что-то» есть текст оригинала (т. е. первичный текст), который продолжает свою жизнь в переводах (вторичных текстах). И если вернуться к словарным определениям вторичного, то нужно признать, что перевод – это новая ступень в развитии оригинала. Очевидно, что эта новая ступень может быть разного качества и вести как «вниз», так и «наверх».

История перевода знает блестящие случаи, когда эта ступень вела «наверх». Один из примеров – перевод В. А. Жуковского «Ночного смотра» Йозефа Кристиана фон Цедлица. Именно про этот перевод С. Аверинцев сказал, что в переводе русского поэта стало действительностью то, что в тексте немецкого автора было только возможностью [Аверинцев, 1996]. Такие переводы делают закономерным и логичным мнение С. Басснетт, писавшей о том, что миф о вторичности перевода необходимо развеять [Bassnett, 2002].

Однако возникает вопрос: как можно развеять этот миф, если перевод является вторичным по своей сути, по определению? На наш взгляд, это можно сделать, только выявив и изучив признаки вторичности, определить факторы, от которых зависят степень и тип вторичности.

К таким факторам мы отнесли: 1) тип текста, 2) стратегия и метод перевода, 3) конкретный переводческий акт, т. е. личность переводчика и его деятельность в данный конкретный момент [Нестерова, 2005]. Эти факторы можно объединить параметром «коммуникативная ситуация». Именно А. Д. Швейцер ввел это понятие в исследование перевода, представив в своей книге «Теория перевода: статус, проблемы, аспекты» модифицированную модель перевода Ю. Найды и дополнив ее двумя коммуникативными ситуациями – первичной и вторичной. Названные факторы можно разделить на объективные и субъективные. Самым объективным является тип текста. Самым субъективным – личность переводчика, позиция которого, по словам С. Аверинцева, может быть разной: «либо самодержавная субъективность, либо вассальная служба при оригинале» [Аверинцев, 1996, с. 155].

Известно, что наши выдающиеся переводчики «Гамлета» М. Лозинский и Б. Пастернак совершенно по-разному представили шекспировский текст русскоязычному читателю, это и отмечал А. Д. Швейцер. В частности, он писал, что различие этих переводчиков заключается в интенсивности, с которой они «выталкивают» автора из собственного текста, из текста перевода [Швейцер, 1996, с. 161]. Совершенно очевидно, что переводчики ставят перед собой разные задачи, о чем пишет и сам Пастернак, оценивая свой перевод и перевод Лозинского. Последний он называет идеальным, поскольку он является «послушным изображением», дающим наиболее полное представление о шекспировском тексте, о его языковой форме [цит. по: Зарубежная литература в переводах Б.Л. Пастернака, 1990, с. 573]. Свой перевод он

[1]Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981. Т. 3. С. 42. Выделено нами. – *Н. Н.*

[2]Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. С. 240. Выделено нами. – *Н. Н.*

[3]Перевод наш. – *Н. Н.*

просит воспринимать как «русское *оригинальное* драматическое произведение»[1] [там же].

Все приведенные высказывания подтверждают относительность и неоднозначность представления о вторичности перевода. Это, несомненно, величина переменная, и степень ее может быть разной. Но, говоря о вторичности перевода, необходимо, на наш взгляд, иметь в виду не только степень, но и тип вторичности, который зависит от метода перевода.

Как известно, в практике перевода есть два основных метода, названных еще Св. Иеронимом «verbum pro verbo» и «sensum de sensu». Логично предположить, что первый метод перевода (т. е. буквальный перевод) ведет к большей вторичности, а второй (смысловой) – к меньшей. Однако наличие таких буквальных (подстрочных) переводов, как перевод пушкинского «Евгения Онегина» В. Набокова или перевод «Винни-Пуха» В. Руднева, дает основание считать, что данные переводы, сопровождаемые переводческими комментариями, нельзя назвать абсолютно вторичными – это переводы-исследования, т.е. новые и абсолютно уникальные тексты. Представляется, что в данном случае нужно говорить о *типе* вторичности, определяющим дискурсивное подобие или различие оригинала и перевода. Очевидно, что названные переводы относятся к иному дискурсу, не тому, к которому принадлежат их исходные тексты. Таким образом, метод перевода, выбранный переводчиком на основании определенной стратегии перевода, позволяет говорить не только о степени вторичности, но и ее типе.

В целом вторичность перевода, как уже было сказано, является одновременно абсолютной и относительной. Таким образом, вторичность, названная А. Д. Швейцером *конституирующим признаком перевода*[2]*, на наш взгляд, и сегодня является одним из ключевых вопросов переводоведения. Считаем возможным высказать предположение о целесообразности включения параметра вторичность в транслатологическую классификацию текстов.*

ПЕРЕВОД КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ОРИГИНАЛА

Выше уже отмечалось, что второй признак перевода – это замещение оригинального (первичного) текста в новой культуре. Этот признак очевиден, он не является дискуссионным. Мы читаем перевод и считаем, что мы читаем оригинальный текст, по переводу мы оцениваем Шекспира, Мольера, Данте и других великих и невеликих авторов. Мы далеко не всегда обращаем внимание на имя переводчика, благодаря которому появился тот или иной текст, не задумываемся над тем, что этот текст является результатом культурного трансфера.

Теория культурного трансфера появилась в 80-е годы прошлого столетия во Франции. Основы данной теории были разработаны литературоведами и историками М. Эспанем и М. Вернером в контексте истории литературы, но в настоящее время она уже считается общегуманитарной теорией, которая находит применение в разных исследованиях, связанных с культурой. К таким исследованиям относят и переводоведение. В предисловии к русскому изданию работ М. Эспаня «История цивилизации как культурный трансфер» (2018) отмечается, что в настоящее время теорию культурного трансфера можно считать новым этапом в осмыслении феномена перевода [Дмитриева, 2018]. Сегодня теория, предложенная французским ученым, становится одним из ведущих направлений и в российских исследованиях, о чем свидетельствует выход в свет коллективной монографии «Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии» (2016).

Культурный трансфер, согласно определению М. Эспаня, представляет собой «процесс переозначивания (ресемантизации), который сопровождает переход культурного объекта из одного пространства в другое» [Эспань, 2018, с. 685]. Соответственно, меняется и контекст, в который вписывается перемещенный культурный объект. Говоря о переходе культурных объектов, французский ученый особо подчеркивает роль посредников, без которых было бы невозможно свободное движение объектов. К посредникам он относит и *переводчиков*. История таких посредников, как и история переводов, считает французский ученый, должна быть написана, а само движение культурных объектов, культурных смыслов, их постоянное переосмысление необходимо серьезно изучать.

М. Эспань и другие исследователи, развивающие теорию культурных трансферов (transfer studies), подчеркивают, что перевод – это и есть инструмент трансфера, именно благодаря ему в новом лингвокультурном пространстве появляется новый объект (переведенный текст), «заменяющий» оригинал, но переосмысленный и переозначенный переводчиком. Это позволяет предположить, что второй признак перевода, названный А. Д. Швейцером, целесообразно рассматривать в рамках теории культурного трансфера.

Ф. Ф. Фещенко и С. Ю. Бочавер во введении к вышеназванной монографии «Лингвистика и семиотика культурных трансферов» отмечают, что с точки зрения теории культурного трансфера меняется и оценка перевода: оценивается не степень его соответствия оригиналу (эквивалентность), а степень расхождения между ними. Текст перевода

[1]Выделено нами. – *Н. Н.*

[2]Выделено нами. – *Н. Н.*

как результат культурного трансфера нужно считать самодостаточным и имеющим свою ценность [Фещенко, Бочавер, 2016, с. 21].

Данный тезис о самодостаточности перевода и его ценности, на наш взгляд, соотносится с представленным выше пониманием вторичности перевода как категории далеко не абсолютной. Очень важным является и утверждение о том, что интерес в анализе переводов должен быть направлен на выявление «расхождений» между оригинальным и переводным текстами. Признание неизбежного существования этих расхождений позволяет, во-первых, по-другому взглянуть на второй признак перевода, выделенный А. Д. Швейцером, т. е. на замещение переводом оригинального текста в новой лингвокультуре. Во-вторых, такое понимание переводного текста может изменить критерии оценки качества перевода, которые сейчас активно обсуждаются в переводоведческой литературе. Появляются специальные исследования, посвященные данному аспекту в изучении перевода. В частности, оценке качества перевода посвящена монография Е. А. Княжевой [Княжева, 2018], а также совместная работа Е. А. Княжевой и К. И. Таунзенд, в которой представлен диахронический анализ критериев оценки качества переводов [Княжева, Таунзенд, 2023].

Но вернемся к определению культурного трансфера М. Эспаня, приведенного выше. Автор особо подчеркивает, что культурный трансфер – это процесс переозначивания (ресемантизации) перемещаемого культурного объекта. В случае перевода таким объектом является исходный текст, который входит в новое для себя пространство, в новый контекст, но входит в другом «обличье», которое может значительно отличаться от того, в котором текст существует в родном для себя пространстве. Другими словами, перевод «замещает» оригинал, но он же и «подменяет» его. Приведем еще одну мысль М. Эспаня о природе культурного трансфера. Он подчеркивает роль контекста, в который должен вписаться текст перевода. Этот контекст, по словам исследователя, «берет на себя инициативу как импорта их (чужеродных ценностей. – *Н. Н.*), так и семантического сдвига, позволяющего их использовать в новом аспекте» [Эспань, 2018, с. 686]. Указание на семантический сдвиг представляется очень важным для понимания перевода как «репрезентанта» исходного текста.

Совершенно очевидно, что «Гамлет» в русских переводах – это не «Гамлет» Шекспира. Автор одного из последних переводов шекспировского текста Алексей Цветков в беседе «О новом переводе “Гамлета”» назвал перевод процессом, в котором нельзя поставить точку. Новые переводы должны появляться, поскольку уже имеющиеся переводы (например, Диккенса и Шекспира) не означает, что авторы и их тексты есть в нашей литературе. В действительности их у нас нет, они существуют только на своем языке, а на любом переводе «лежит отпечаток, во-первых, своего времени, во-вторых, конкретного переводчика» [Цветков, Бартошевич, 2011, с. 4]. Не согласиться с этими словами нельзя. Это и есть те факторы, которые определяют степень вторичности перевода и о которых было сказано выше. Да, мы все знаем «Гамлета», но это «Гамлет» Пастернака, Лозинского, К.Р., Степанова, Цветкова и других переводчиков. Несомненно, галерея русскоязычных «Гамлетов» (как и других великих текстов) будет и дальше пополняться, и каждый новый перевод будет результатом переосмысления и переозначивания оригинального текста под влиянием бытующего в данное время культурно-социального контекста. И все они будут «вторичны», и одновременно каждый из них по-своему будет «первичен».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга А. Д. Швейцера «Теория перевода: статус, проблемы аспекты», написанная более 30 лет назад, несомненно, является значимой вехой в истории формирования отечественного переводоведения. Ученый представил перевод как сложный, многомерный процесс, показал, какие факторы влияют на данный процесс, среди которых детерминирующими являются язык, культура и коммуникативная ситуация. В работе нашел отражение широкий спектр взглядов на основные вопросы, возникающие при изучении феномена перевода. Одним из таких ключевых вопросов является сущность перевода, его основные признаки. А. Д. Швейцер называет два признака: вторичность текста перевода и замещение оригинала в новой лингвокультуре. Эти признаки и были рассмотрены в статье.

Анализ вторичности перевода позволяет говорить о ее двойственном характере: она одновременно абсолютна и относительна. С одной стороны, это онтологический (сущностный) признак перевода, поскольку перевод всегда следует за оригиналом, соответственно, и замысел, и его первая реализация принадлежат автору оригинала. С другой стороны, вторичность перевода является величиной переменной, которая может быть разной степени и разного типа, что определяется как объективными, так и субъективными факторами.

Второй признак перевода – замещение оригинала в новой лингвокультуре – был рассмотрен нами в рамках теории культурного трансфера, основные положения которой соответствует нашему пониманию относительной вторичности перевода и его определенной «первичности», что далеко не всегда осознается читателями.

Перспективы дальнейшего исследования, на наш взгляд, связаны с включением вторичности как одного из параметров в транслатологическую классификацию текстов. С этим же связана и практическая ценность изучения вторичности, поскольку такая классификация может быть использована в учебных курсах по теории и практике перевода. Перспективной представляется и интеграция теории перевода и теории культурного трансфера, что даст возможность по-новому оценить роль перевода в истории культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
2. Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008.
3. Топер П. М. Перевод и литература: творческая личность переводчика // Вопросы литературы. 1998. Вып. 6. С. 161–178.
4. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной литературы. М.: Изд-во МГУ, 1978.
5. Художественный перевод: Вопросы теории и практики / С. С. Попкова и др. Ереван: Изд-во Ереван. гос. ун-та, 1982.
6. Жуковский В. А. Теория поэтического перевода. Трагедия. Басня. В кн.: Русские писатели о переводе XVIII–XX вв. / под ред. Ю. Д. Левина, А. В. Федоровой. М.: Советский писатель, 1960.
7. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994.
8. Bassnett S. Translation Studies. London and New York, 2002.
9. Беньямин В. Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера // Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен. СПб.: Академический проект, 2002. С. 88–111.
10. Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского // Аверинцев С. С. Поэты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 137–164.
11. Нестерова Н. М. Вторичность как онтологическое свойство перевода: дис. … д-р филол. наук. Пермь, 2005.
12. Швейцер А. Д. Пастернак – переводчик: к вопросу о стратегии перевода // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. Вып. 246. С. 155–161.
13. Зарубежная литература в переводах Б. Л. Пастернака / сост. Е. Б. Пастернак. М.: Радуга, 1990.
14. Дмитриева Е. Е. Застывшая жизнь в янтаре: заметки о научной биографии Мишеля Эспаня // Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 7–32.
15. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
16. Фещенко Ф. Ф., Бочавер С. Ю. Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретичесой лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография. М.: Культурная революция, 20016. С. 5–35.
17. Княжева Е. А. Оценка качества перевода. История, теория, практика. М.: Флинта, 2018.
18. Княжева Е. А., Таунзенд К. И. Оценка качества перевода специальной литературы: диахронический аспект исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 48–54.
19. Цветков А., Бартошевич А. Очередная попытка. О Новом переводе «Гамлета» // Иностранная литература. 2011. № 3. С. 3–14.

REFERENCES

1. Schweitzer, A. D. (1988). Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty = Theory of Translation: Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Alekseeva, I. S. (2008). Tekst i perevod. Voprosy teorii = Text and Translation. Theory Issues. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russ.)
3. Toper, P. M. (1998). Perevod i literatura: tvorcheskaya lichnost' perevodchika = Translation and Literature: the Creative Personality of the Translator. Voprosy Literatury, 6, 161–178. (In Russ.)
4. Vinogradov, V. S. (1978). Leksicheskie voprosy perevoda hudozhestvennoj literatury = Lexical Problems of Literary Translation. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
5. Popkova, S. S. et al. (1982). Hudozhestvennyj perevod: Voprosy teorii i praktiki = Literary translation: Problems of theory and practice. Yerevan: Yerevan State Publishing House. (In Russ.)

6. Zhukovsky, V. A. (1960). Teoriya poeticheskogo perevoda. Tragediya. Basnya = Theory of Poetic Translation. Tragedy. Fable. In Russian writers on translation (pp. 78–87). Moscow: Sovetsky pisatel'. (In Russ.)
7. Mukarzhovsky, Ya. (1994) Issledovaniya po estetike i teorii iskusstva = Studies in Aesthetics and Theory of Art. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
8. Bassnett, S. (2002).Translation Studies. London and New York.
9. Benjamin, V. (2002). Zadacha perevodchika. Predislovie k perevodu «Parizhskih kartin» Bodlera = The task of the Translator. An Introduction to the Translation of Baudelaire's Tableaux Parisiens. In Derrida, J., Around the Towers of Babel (pp. 88–111). St.Petersburg: Academic Project. (In Russ.)
10. Averintsev, S. S. (1996). Razmyshleniya nad perevodami Zhukovskogo = Reflections on Zhukovsky's translations. In Averintsev, S. S., Poets (pp. 137–164). Moscow: School «Languages of Russian culture». (In Russ.)
11. Nesterova, N. M. (2005). Vtorichnost' kak ontologicheskoe svojstvo perevoda = Secondarity as an ontological property of translation: Senior Doctorate in Philology. Perm. (In Russ.)
12. Schweitzer, A. D. (1996). Pasternak – perevodchik: k voprosu o strategii perevoda = Pasternak – The Translator: on the Problem of Translation Strategy. In Language. Poetics. Translation (vol. 246, pp. 155–161): Digest of articles. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
13. Pasternak, E. B. (Comp.). (1990). Zarubezhnaya literatura v perevodah B. L. Pasternaka = Foreign Literature in Translations by B. L. Pasternak. Moscow: Raduga. (In Russ.)
14. Dmitrieva, E. E. (2018). Zastyvshaya zhizn' v yantare: zametki o nauchnoj biografii Mishelya Espanya = Frozen Life in Amber: Notes on the Scientific Biography of Michel Espagne. In Espan, M. The History of Civilizations as a Cultural Transfer (pp. 7–32). Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
15. Espan, M. (2018). Istoriya civilizacij kak kul'turnyj transfer = The Hstory of Civilizations as a Cultural Transfer. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
16. Feshchenko, F. F., Bochaver, S. Yu. (2016). Teoriya kul'turnyh transferov: ot perevodovedeniya – cherez cultural studies – k teoretichesoj lingvistike = Theory of Cultural Transfers: from Translation Studies – through Cultural Studies – to Theoretical Linguistics. In Linguistics and Semiotics of Cultural Transfers: Methods, Principles, Technologies. Collective monograph (pp. 5–35). Moscow: Cultural Revolution. (In Russ.)
17. Knyazheva, E. A. (2018). Ocenka kachestva perevoda. Istoriya, teoriya, praktika = Assessment of Translation Quality. History, Theory, Practice. Moscow: Flinta. (In Russ)
18. Knyzheva, E. A., Taunzend, K. I. (2023). Assessment of Specialized Translation Quality: Diachronic Perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(880), 48–54. (In Russ.)
19. Tsvetkov, A., Bartoshevich, A. (2011). Another attempt. About the new translation of "Hamlet". Foreign Literature, 3, 4–14. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нестерова Наталья Михайловна
доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермского национального исследовательского политехнического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nesterova Natalya Michailovna
Doctor of Philology (Dr. habil), Professor
Professor at the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University

Статья поступила в редакцию	13.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	02.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'253

А. Д. Швейцер о синхронном переводе как призвании

Д. Б. Никуличева

Институт языкознания РАН, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nikoulitcheva@yandex.ru

Аннотация. Статья построена на анализе текста автобиографической книги А. Д. Швейцера «Глазами переводчика». Цель исследования состоит в выявлении того влияния, которое жизненный путь и практическая переводческая деятельность А. Д. Швейцера оказали на формирование его научных воззрений. Используется метод сопоставления сплошной выборки высказываний Швейцера о деятельности синхронного переводчика из вышеуказанной книги. Также приводятся личные воспоминания автора об А. Д. Швейцере, примеры его удачных переводческих решений; обсуждаются профессиональные требования к синхронному переводчику. Делается вывод о том, что теоретические положения Швейцера по теории эквивалентности были результатом его многолетнего опыта переводчика-синхрониста.

Ключевые слова: синхронный перевод, уровневая модель эквивалентности перевода, переводческие решения, профессиональные требования к синхронному переводчику, отечественное переводоведение

Для цитирования: Никуличева. А. Д. Швейцер о синхронном переводе как призвании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 62–69.

Original article

A. D. Shveitser about Simultaneous Translation as a Vocation

Dina B. Nikulicheva

Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
nikoulitcheva@yandex.ru

Abstract. The article offers the analysis of A.D. Shveitser's autobiographical book "Through the Eyes of an Interpreter". The purpose of the study is to identify how the life-long experience of highly qualified simultaneous interpretation influenced his personality and his scientific views. The goal is achieved by comparing numerous Prof. Shveitser's statements about the experience of a simultaneous interpreter to his theoretical ideas. The author also provides personal memories about A.D. Shveitser, discusses some examples of successful translation cases by A. D. Shveitser and his professional requirements for a simultaneous interpreter. It is concluded that Shveitser's theoretical assumptions on the equivalence theory were the indirect result of many years of his practical experience as a simultaneous interpreter.

Keywords: simultaneous translation, multi-level model of translation equivalence, translation solutions, professional requirements for a simultaneous interpreter, Russian translation studies

For citation: Nikulicheva, D. B. (2024). A. D. Shveitser about simultaneous translation as a vocation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 62–69. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

8 декабря 2023 года исполнилось 100 лет со дня рождения профессора Александра Давидовича Швейцера (08.12.1923-22.01.2002), выдающегося лингвиста-американиста и социолингвиста, талантливого педагога и блистательного практического переводчика, которого по праву можно считать одним из основоположников теории перевода в России и создателем советской школы синхронного перевода.

Цель предлагаемой статьи состоит в выявлении того влияния, которое жизненный путь и практическая переводческая деятельность А. Д. Швейцера оказали на формирование его научных воззрений. Задачами становятся: 1) исследование биографии А. Д. Швейцера; 2) выявление профессиональных качеств, которыми должен обладать устный переводчик. Цель достигается методом сопоставления сплошной выборки высказываний самого Александра Давидовича о деятельности синхронного переводчика, приведенных в книге [Швейцер, 1996] с биографическими источниками об А. Д. Швейцере (материалами с сайта Сектора германских языков Института языкознания РАН[1], где он долгое время работал; с личными воспоминаниями самого автора статьи – коллеги Александра Давидовича по германскому сектору – и с воспоминаниями о нем его коллег и учеников Д. И. Ермоловича[2] и С. В. Власенко [Власенко, 2008; Власенко, 2014]. Актуальность и практическая ценность статьи обусловлена задачами учебной подготовки синхронных переводчиков, а новизна состоит введением в научный обиход некоторых новых биографических данных и информации о последних малоизвестных статьях А. Д. Швейцера, изданных за рубежом. Исследование продолжает ряд научных публикаций по проблемам синхронного перевода[3].

Юбилейная конференция памяти Александра Давидовича Швейцера, организованная совместно Московским государственным лингвистическим университетом и Институтом языкознания РАН 8–10 декабря 2023 года, стала подтверждением непреходящей актуальности его научных идей. Выставка статей и книг А. Д. Швейцера, прошедшая в Институте научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН) и подготовленная при участии автора этой статьи, не только продемонстрировала впечатляющее научное наследие А. Д. Швейцера, но и позволила уточнить список его научных трудов, охватывающих широкие области англистики, социолингвистики и теории перевода.

Трудовой путь А. Д. Швейцера был тесно связан как с МГЛУ (бывшим МГПИИЯ), так и с Институтом языкознания АН СССР (ныне Институт языкознания РАН). Работать в 1 МГПИИЯ А.Д. Швейцер начал в 1956 году, когда за плечами у него уже был опыт преподавательской работы – в Военном институте иностранных языков. До 1972 года Александр Давидович заведовал одной из важнейших кафедр МГПИИЯ – кафедрой устного перевода. Здесь в 1967 году он защитил докторскую диссертацию «Различительные элементы американского и британского вариантов английского языка». Именно работая в МГПИИЯ, А. Д. Швейцер опубликовал такие фундаментальные научные работы, как: «Очерк современного английского языка в США» [Швейцер, 1963], «Литературный английский язык в США и Англии» [Швейцер, 1971а], «Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике» [Швейцер, 1971б].

Как исследователь с широчайшим диапазоном научных интересов, А. Д. Швейцер был приглашен на работу в ИЯз АН СССР. С 1972 года он начинает совмещать преподавательскую деятельность в МГПИИЯ с исследовательской работой в Институте языкознания. Работая в секторе социолингвистики, он создал классический труд «Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы» [Швейцер, 1976]. На постоянную работу в Институт языкознания А. Д. Швейцер перешел в 1982 году, став главным научным сотрудником отдела германских, романских и кельтских языков. В эти годы им были опубликованы ставшие классическими монографии: «Социальная дифференциация английского языка в США» [Швейцер, 1983], «Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты» [Швейцер, 1988], «Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках» [Швейцер, 1993]. Он также был вдохновителем и научным организатором многочисленных коллективных трудов в Институте языкознания в рамках «Проблемной группы по теории перевода» и «Проблемной комиссии по теории и истории литературных языков».

С именем А. Д. Швейцера связан целый ряд важнейших положений теории перевода и социолингвистики. Но данная статья будет посвящена иному, хотя и не менее важному для А. Д. Швейцера, аспекту его деятельности – работе синхронного переводчика. Задача статьи состоит в осмыслении роли этой деятельности в формировании научных идей Александра Давидовича Швейцера.

[1]Александр Давидович Швейцер (1923–2002). Институт языкознания РАН. URL: iling-ran.ru

[2]Сайт Дмитрия Ивановича Ермоловича – А.Д. Швейцер. URL: yermolovich.ru

[3]См. работы: [Чернов, 1978; Ширяев, 1979; Гурин, 2008].

ЛИЧНОСТЬ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

При всем разнообразии и широте научных интересов Александр Давидович до конца жизни не изменил любимому делу, которым для него был устный и, в первую очередь, синхронный перевод. Параллельно с научной работой он всегда оставался синхронным переводчиком высшей квалификации и, даже работая в академии наук, продолжал заведовать кафедрой устного перевода в МГЛУ, готовить молодых переводчиков-синхронистов и заниматься синхронным переводом на мероприятиях самого высокого уровня.

Автору этой статьи посчастливилось работать вместе с Александром Давидовичем в Институте языкознания. И из того личного общения возникла идея нынешней статьи – показать, что за всем тем, что было по-настоящему важным для Александра Давидовича – его научными идеями, ценностями, отношением к людям – стояла его недюжинная и разносторонне одаренная личность синхронного переводчика.

Я познакомилась с Александром Давидовичем в начале 80-х. Он – главный научный сотрудник, ученый с мировым именем, книги которого печатают в самых престижных лингвистических издательствах мира, я – сначала аспирантка, а затем младший научный сотрудник сектора германских языков, только начинающая свой путь в науку. Но наши столы одно время стояли рядом. И я с восхищением наблюдала за ним.

Среди сотрудников Института языкознания А. Д. Швейцер пользовался любовью и уважением не только как глубокий и разносторонний исследователь-теоретик, но и как отзывчивый коллега, и как доброжелательный критик, и, что замечал каждый, как обаятельный и в высшей степени интеллигентный человек, и как всегда хорошо информированный собеседник.

Приходя в Институт языкознания, он начинал свой рабочий день с того, что извлекал из портфеля внушительную пачку утренних газет и начинал внимательно и методично их просматривать. Как-то раз я не удержалась и спросила его об этой традиции. Он поднял глаза от газетного листа и ответил: «Надо быть в курсе всего, что произошло в стране и в мире». Позже я часто вспоминала эту его фразу, когда рассказывала студентам о необходимости для устного переводчика постоянно расширять багаж своих фоновых знаний и пристально следить за всем, «что происходит в стране и в мире». А когда в 1993 году он подарил мне свою книгу «Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках», вышедшую в тот перестроечный год на серой бумаге на ротапринте[1], я подумала, что шел он к этой книге издалека, опираясь на свой огромный опыт аналитического чтения публицистики и отталкиваясь от потребностей синхронного переводчика адекватно передавать все нюансы стилевых изменений при переходе от языка к языку.

Сам его внешний вид позволял предположить, что прямо после Института языкознания он отправляется на перевод официальных переговоров. Всегда безупречно одетый, подтянутый, с моложавой походкой и импозантной «итальянской» сединой на висках он был образцом стиля и хорошего вкуса. Его речь была спокойной, а тембр голоса и правильность речи – как у диктора центрального телевидения. Во всех научных обсуждениях он безошибочно схватывал самую суть и давал неизменно четкие и точные формулировки. Чувствовался навык синхронного переводчика экстра-класса с его профессиональным умением уловить суть и озвучить ее точно и лаконично.

Именно личность А. Д. Швейцера как переводчика-синхрониста представлена в этой статье. Ценный материал на эту тему дает его автобиографическая книга «Глазами переводчика» [Швейцер, 1996]. Книга выдержала несколько переизданий, но первое вышло в издательстве «Стелла» у Марка Яковлевича Блоха, который был не только коллегой-англистом, но и другом Александра Давидовича. Эта совсем небольшая книга (всего 96 страниц) – одна из последних, написанных А. Д. Швейцером. Годом позже вышло только американское издание его «Контрастивной силистики» [Shveitser, 1997]. То есть к автобиографической книге «Глазами переводчика» Александр Давидович шел всю свою жизнь. И именно ее он начал словами: «Вся моя жизнь связана с переводом».

ПУТЬ К СИНХРОННОМУ ПЕРЕВОДУ

Не известно, как бы сложилась судьба Александра Швейцера, если бы не его фронтовая молодость. В своей биографической книге он говорит об этом очень кратко, буквально одной фразой: «Вся моя жизнь связана с переводом. Впервые я приобщился к нему в годы Великой Отечественной войны в Действующей армии, куда, проучившись немногим более года в Военном институте иностранных языков, был направлен в качестве военного переводчика» [Швейцер, 1996, с. 3].

Работа переводчика в действующей армии – это такая школа перевода, которая дает закалку и формирует жизненные и профессиональные ценности на всю жизнь. Автор статьи знает это из

[1]Широко известное второе издание книги вышло в 2009 году в издательстве URSS.

первых уст – от своей матери Изюм-Эрик Салиховны Рахманкуловой, почти ровесницы А. Д. Швейцера, которая так же прошла военной переводчицей боевой путь – от освобождения Киева в ноябре 1943 года до освобождения Праги в мае 1945 года, а затем, как и он, училась, а потом и преподавала в Военном институте иностранных языков, как и он, посвятила свою дальнейшую жизнь лингвистике и написала автобиографическую книгу, повествование в которой начинается с эпизодов работы военного переводчика в годы Великой Отечественной войны [Рахманкулова, 2010]. В шутку они называли себя «вояки из ВИИЯки», но они были настоящими героями во время войны: боевые награды – тому подтверждение.

Свидетельство этому – выписка из учетно-послужной картотеки «Память народа»[1]:

> **Швейцер Александр Давыдович (Давидович)** – дата рождения: 08.12.1923. Место рождения: г. Москва. Начало службы: июнь 1941 года. Воинское звание: подполковник. Наименование воинской части: штаб 24 ск 60 А Центр Ф. Дата окончания службы: 01.09.1959. Награды: орден Отечественной войны II степени (30.09.1944); медаль «За взятие Кенигсберга»; орден Красной Звезды (24.05.1945); медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (15.09.1945); медаль «За боевые заслуги» (19.11.1951).

Скупые слова из наградного листа (например, к первой боевой награде А. Д. Швейцера) дают представление о значимости того вклада, который военный переводчик вносил в ход боевых действий: «В период Бобруйской операции тов. Швейцер допрашивал большие группы пленных солдат и офицеров, в том числе, коменданта города Бобруйск. Генерал-майор Гаманн и командир 6 ПД генерал-лейтенант Гейнб. При этом добился важных данных для командования, что во многом способствовало успеху Бобруйской операции. Тов. Швейцер заслуживает правительственной награды орденом “Отечественная война” 2 степени»[2].

Продолжением военной биографии А. Д. Швейцера стало его участие в суде над главными военными преступниками в Токио в 1947–1948 годы в качестве переводчика, а также его последующая преподавательская деятельность в Военном Институте иностранных языков в 1949–1956 годы.

Именно с эпизодов переводческой работы на судебном процессе в Токио начинается книга «Глазами переводчика»: «Устные переводчики, сидя в застекленных звуконепроницаемых кабинках, переводили синхронно только готовые письменные тексты (обвинительного заключения, приговора, письменных показаний). Всё остальное (допрос свидетелей, прения сторон) переводилось последовательно. В этом, по-видимому, сказывалось известное недоверие к находившемуся еще в младенческом состоянии синхронному переводу» [Швейцер, 1996, с. 7].

Судьба действительно поставила А. Д. Швейцера «у колыбели» синхронного перевода. В ходе подготовки юбилейной вставки книг А. Д. Швейцера автору этой статьи попала в руки ранее неизвестная в нашей стране работа – статья А. Д. Швейцера «На заре синхронного перевода в России» («At the Dawn of Simultaneous Interpretation in Russia»), опубликованная в журнале «Interpreting» в 1999 году [Schveitser, 1999].Там он рассказывает о том, что история синхронного перевода в России начинается с VI Конгресса Коминтерна в 1928 году; что только в 1933 году на пленуме Исполкома Коминтерна появились кабины с оборудованием; что крупнейшим послевоенным мероприятием с использованием синхронного перевода была Международная экономическая конференция 1952 года; что спектр языков синхронного перевода существенно расширился благодаря строительству Дворца съездов к XXII Съезду КПСС (1961). Тогда впервые синхрон осуществлялся на 29 языков, включая вьетнамский, индонезийский, норвежский и другие экзотические языки.

А. Д. ШВЕЙЦЕР О ТРУДЕ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

Книгу «Глазами переводчика» Швейцер задумал как возможность рассказать о том, что «позиция переводчика как наблюдателя уникальна» и что эта позиция «дает возможность подмечать многое из того, что ускользает из поля зрения других участников международных встреч» [Швейцер, 1996, с 3]. Однако в рамках данной статьи мы остановимся на разбросанных по тексту книги ремарках о специфике работы синхронного переводчика и о том, как в этой работе отразились основные черты характера А. Д. Швейцера.

Говоря о труде синхронного переводчика, А. Д. Швейцер неоднократно подчеркивал, что «это труд самой высокой квалификации: он требует глубокого знания и исходного языка, и языка перевода, автоматизированного навыка нахождения языковых соответствий, способности выдерживать

[1]URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer9778590/ (дата обращения: 01.07.2022).
[2]URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie34999315/ (дата обращения: 01.07.2022)

длительную нервную нагрузку, мгновенной реакции, находчивости, умения прогнозировать дальнейший ход событий в зале заседания» [Швейцер, 1996, с. 85]. Книга «Глазами переводчика» служит убедительной иллюстрацией этого тезиса. При этом в одной из своих ранних статей, посвященных преподаванию синхронного перевода, А. Д. Швейцер подчеркивал, что «не каждый человек, свободно владеющий иностранным языком, способен овладеть комплексом знаний и умений, обеспечивающим успешное осуществление синхронного перевода» [Швейцер, 1969, с. 138].

А. Д. ШВЕЙЦЕР О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЯХ К СИНХРОННОМУ ПЕРЕВОДЧИКУ

Книга «Глазами переводчика» дает убедительное представление о том, какие качества в людях вообще и в синхронных переводчиках в частности, особенно ценил Александр Давидович.

Это стрессоустойчивость, переводческая находчивость, умение сохранять присутствие духа в критических ситуациях и мгновенно принимать решения, чувство ответственности и профессионализм, чувство юмора, умение «перевоплощаться в разных участников встреч», широкая эрудиция, умение при необходимости «улучшать оригинал», глубокое владение родным языком и языком перевода, аутентичность звучания на всех рабочих языках, а еще и, может быть – даже прежде всего – интеллигентность и человеческое достоинство. Всеми этими качествами в полной мере владел и сам А. Д. Швейцер.

СПОСОБНОСТЬ ВЫДЕРЖИВАТЬ ДЛИТЕЛЬНУЮ НЕРВНУЮ НАГРУЗКУ

В книге упоминается немало эпизодов, свидетельствующих о той недюжинной физической и психической выносливости, которой должен обладать синхронный переводчик. Сталкиваясь с экстремальными нагрузками впервые, молодой синхронист проходит свое «боевое крещение». Своим боевым крещением Александр Давидович называет 1955 год, когда он и его коллеги-синхронисты были направлены в Хельсинки, где проходила всеобщая ассамблея мира. На ней присутствовали в числе прочих Жан Поль Сартр, Илья Эренбург, Фредерик Жолио-Кюри. Заседания продолжались допоздна. «Ошалевшие от усталости переводчики едва справлялись с обрушившимся на них словесным потоком…» [Швейцер, 1996, с. 33].

Самым экстремальным в плане физической нагрузки, по воспоминаниям А. Д. Швейцера, был Конгресс международного союза студентов в Софии: «В это трудно поверить, но конгресс заседал круглые сутки. Мы, синхронисты, работали круглые сутки в две смены – дневную и ночную. Всю ночь напролет шли бурные дебаты. Многие делегаты спали в креслах <…> Утром все делегаты дружно шли завтракать. В зал возвращались единицы и, конечно, переводчики» [там же]. Неудивительно, что участникам подобных мероприятий уже в ту, далекую от машинного перевода, эпоху начинало казаться, что переводят не люди, а какая-то бесперебойно работающая машина: «В Баку на одной конференции к нам подошел местный житель с просьбой показать «машину, которая все время переводит» [Швейцер, 1996, с. 34].

ВЫСОКАЯ КУЛЬТУРА РЕЧИ НА ВСЕХ РАБОЧИХ ЯЗЫКАХ

А. Д. Швейцер особенно высоко ценил тех синхронистов, которые отличались аутентичностью звучания на своих рабочих языках. Среди них был Эрик Симха, который родился в Греции, но большую часть жизни прожил в Швейцарии. Швейцер высоко ценил его феноменальные языковые способности и виртуозное умение переключаться с британского на американский акцент [Швейцер, 1996].

Александр Давидович и сам обладал прекрасными имитационными способностями. Мне довелось слышать, как он говорил на английском, немецком и французском языках. Его английская речь и по тембру, и по звучанию напоминала речь американского диктора. Но и на других языках он звучал безупречно. Не случайно в сферу научных интересов А. Д. Швейцера попало изучение американского варианта английского языка и американских диалектов.

Показателен эпизод с розыгрышем, устроенным американским коллегой Норманом Казинсом, предложившим Швейцеру определить, на каком диалекте он сейчас разговаривает. «И он заговорил с каким-то очень странным акцентом. Я долго ломал голову и наконец согласился, что такого акцента я никогда не слышал. “Неудивительно”, – ответил Норманн, – ведь я его только что придумал”» [Швейцер 1996, с. 73].

МГНОВЕННАЯ РЕАКЦИЯ, УМЕНИЕ ПРОГНОЗИРОВАТЬ И ОПЕРАТИВНО ПРИНИМАТЬ ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

«Звено поиска и принятия переводческого решения – самое короткое в структуре переводческого действия. Оно длится менее одной секунды» – пишет А. Ф. Ширяев в книге, посвященной психолингвистическому мониторингу действий синхронного переводчика [Ширяев 1979, 75].

В книге «Глазами переводчика» А. Д. Швейцер приводит множество примеров того, как за эту секунду в ситуации высочайшей ответственности синхронист делает мгновенный выбор, находя функционально наиболее эквивалентный вариант перевода. Наиболее ярким представляется эпизод, когда А. Д. Швейцер переводил речь Н. С. Хрущёва на XIV съезде комсомола в апреле 1962 года. Александр Давидович вспоминает: «Я знал, что Никита Сергеевич не может обойтись без импровизации. <…> Он отодвинул текст и стал говорить “от себя”: “Вы, молодежь, не зазнавайтесь, Я вас тут, конечно, похвалил. Но не забывайте, что мы, старое поколение, тоже ноздрями мух не били”. Эту пословицу я слышал впервые. В считанные доли секунды целый рой мыслей пронесся у меня в голове: Что же делать? Я знаю более или менее близкий эквивалент этой пословицы – что-то вроде нашей – “старого воробья на мякине не проведешь”. Но ведь Н. С. Хрущёв имеет обыкновение обыгрывать пословицы. Мой коллега Виктор Суходрев рассказывал, как однажды в США Н. С. Хрущёв употребил пословицу “всякий кулик свое болото хвалит”, а через некоторое время сказал: “Долго ли мы с вами будем торчать в болоте холодной войны?”. Поэтому я решил перевести хрущевскую пословицу почти дословно. Единственное, что я изменил, – это слово “бить”. В моем переводе это звучало “мы тоже ноздрями мух не ловим”. Через несколько секунд после того, как раздался смех тех, кто слушал X на русском языке, – по залу прокатилась вторая волна смеха – смеялись те, кто слушал перевод. Позднее мои студенты, сопровождавшие английскую делегацию, рассказали мне, что на англичан большое впечатление произвел … юмор той пословицы» [Швейцер, 1996, с. 81–82].

Книга «Глазами переводчика» убеждает в виртуозном мастерстве А. Д. Швейцера как синхронного переводчика, изобилуя примерами тех переводческих решений, которые он принимал в сложных ситуациях, преодолевая «множество ловушек», подстерегающих переводчика-синхрониста при переводе пословиц, поговорок, крылатых слов, цитат и т. п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты анализа показали, что важнейшие для переводоведения положения Швейцера по теории эквивалентности были следствием его многолетнего опыта переводчика-синхрониста. В его работе отразились коммуникативный подход к переводу и положения теории функциональной эквивалентности, которую А. Д. Швейцер позднее сформулировал в книге «Теория перевода: статус, проблемы, аспекты» [Швейцер, 1988]. Эквивалентность А. Д. Швейцер определял как сохранение доминантной функции высказывания, а понятие функциональной эквивалентности – как соотнесение переводчиком внеязыковой реакции на переведенное сообщение со стороны его получателя с реакцией того получателя, который воспринимает это сообщение на исходном языке. Выделяя синтаксический, семантический и прагматический уровни эквивалентности, он отмечал, что пословицы, поговорки, речевые клише переводятся на самом высоком – прагматическом – уровне эквивалентности.

Та любовь и теплота, с которой А. Д. Швейцер вспоминает своих коллег-синхронистов (репатрианта из Франции Михаила Рыгалова, переводчика ООН графа Орлова, синхрониста американской редакции всесоюзного радио Джо Адамова, а также своих выдающихся коллег-лингвистов, «кто в свое время прошел через синхрон» – академика Ю. С. Степанова, члена-корреспондента РАН В. М. Солнцева, зав. кафедрой теории перевода МГЛУ М. Я. Цвиллинга), свидетельствуют о бесконечной преданности Александра Давидовича профессии синхронного переводчика и верности переводческому братству.

Александр Давидович заканчивает свою книгу словами: «Синхрон – это не только нелегкий труд, но и приносящее удовлетворение состязание в мастерстве, и, что самое главное, это праздник, который всегда с тобой, переносящий тебя из атмосферы будничной повседневности в совершенно другой мир» [Швейцер, 1996, с. 96]. Так сказать о синхронном переводе мог только тот человек, для которого профессия синхронного переводчика была призванием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Швейцер А. Д. Глазами переводчика. М.: Стелла, 1996.
2. Швейцер А. Д. О преподавании синхронного перевода в специализированных группах переводческого факультета // Методический сборник. М.: 1-й МГПИИЯ. Переводческий ф-т, 1969. Ч. 1. С. 138–142.
3. Власенко С. В. Слово Учителю; Современное переводоведение: необозримые горизонты и актуальные проблемы развития (Очерк к 85-летию со дня рождения проф. А. Д. Швейцера) // Вопросы филологии. 2008. № 3 (30). С. 60–75.

4. Власенко С. В. Переводческий дискурс на рубеже веков: к 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, проф. А. Д. Швейцера // Мир русского слова. 2014. № 3. С. 16–28.
5. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. Москва: Международные отношения, 1978.
6. Ширяев А. Ф. Синхронный перевод. М.: Воениздат, 1979.
7. Гурин И. В. Проблема речевой компрессии в синхронном переводе. Подходы и методы исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. С. 85–88.
8. Швейцер А. Д. Очерк современного английского языка в США. М.: Высшая школа, 1963.
9. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М.: Высшая школа, 1971а.
10. Швейцер А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. Ленинград: Наука, 1971б.
11. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1976.
12. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М. ; Наука, 1983.
13. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
14. Швейцер А.Д. Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. М.: ИЯз РАН, 1993. Изд. 2-е. М.: URSS: Ленанд, 2009.
15. Shveitser A. D. Contrastive stylistics: news media style in English and in Russian. Las Palmas G.C., 1997.
16. Рахманкулова И.-Э. С. Практика выживания. М.: Тезаурус, 2010.
17. Schveitser A.D. At the Dawn of Simultaneous Interpretation in Russia // Interpreting. 1999. Vol. 4. No. 1. P. 23–28.

REFERENCES

1. Shveitser, A. D. (1996). Glazami perevodchika. Moscow: Stella.
2. Shveitser, A. D. (1969). O prepodavanii sinhronnogo perevoda v specializirovannyh gruppah perevodcheskogo fakul'teta = On the teaching of simultaneous interpretation in specialised groups at the Faculty of Translation. In Metodicheskij sbornik (part 1, pp. 138–142). Moscow. (In Russ.)
3. Vlasenko, S. V. (2008). Slovo Uchitelyu; Sovremennoe perevodovedenie: neobozrimye gorizonty i aktual'nye problemy razvitiya (Ocherk k 85-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A. D. Shvejcera) = A Word to the Teacher; Modern Translation Studies: Vast Horizons and Current Problems of Development (Essay on the 85th Anniversary of the Birth of Prof. A. D. Schveitser). Voprosy filologii, 3(30), 60–75. (In Russ.)
4. Vlasenko, S. V. (2014). Perevodcheskij diskurs na rubezhe vekov: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologicheskih nauk, prof. A. D. Shvejcera = Translation Discourse at the Turn of the Century: 90th Anniversary of the Birth of Prof. A. D. Schveitser, Doctor of Philology. Mir russkogo slova, 3, 16–28. (In Russ.)
5. Chernov, G. V. (1978). Teoriya i praktika sinhronnogo perevoda = Theory and practice of simultaneous interpretation. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
6. Shiryaev, A. F. (1979). Sinhronnyj perevod = Simultaneous interpretation. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
7. Gurin, I. V. (2008). Problema rechevoj kompressii v sinhronnom perevode. Podhody i metody issledovaniya = The problem of speech compression in simultaneous translation. Approaches and methods of research. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki (pp. 85–88). Tambov: Gramota.
8. Shveitser, A. D. (1963). Ocherk sovremennogo anglijskogo yazyka v SShA = A sketch of modern English in the United States. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
9. Shveitser, A. D. (1971a). Literaturnyj anglijskij yazyk v SShA i Anglii = Literary English in the USA and England. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
10. Shveitser, A. D. (1971b). Voprosy sociologii yazyka v sovremennoj amerikanskoj lingvistike = Issues in the sociology of language in contemporary American linguistics. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
11. Shveitser, A. D. (1976). Sovremennaya sociolingvistika: Teoriya, problemy, metody = Modern sociolinguistics: theory, problems, methods. Moscow: Nauka. (In Russ.)
12. Shvejcer A.D. Social'naya differenciaciya anglijskogo yazyka v SShA. M., Nauka, 1983. 216 p..
13. Shveitser, A. D. (1988). Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty = Translation theory: status, problems, aspects. Moscow: Nauka. (In Russ.)
14. Shveitser, A. D. (2009). Kontrastivnaya stilistika. Gazetno-publicisticheskij stil' v anglijskom i russkom yazykah = Contrastive stylistics. Newspaper-publicist style in English and Russian languages. Moscow: Institute of Linguistics RAS. 2nd ed. Moscow: URSS: Lenand. (In Russ.)
15. Shveitser, A. D. (1997). Contrastive stylistics: news media style in English and in Russian. Las Palmas G.C.
16. Rahmankulova, I.-E. S. (2010). Praktika vyzhivaniya = Survival practice. Moscow: Tezaurus. (In Russ.)
17. Schveitser, A. D. (1999). At the Dawn of Simultaneous Interpretation in Russia. Interpreting, 4(1), 23–28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никуличева Дина Борисовна
доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
главный научный сотрудник Института языкознания РАН

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikoulitcheva Dina Borisovna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
professor at the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish languages, Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University,
Chief researcher of Institute of the Linguistics of RAS

Статья поступила в редакцию	09.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.113.4; 81'25

О переводе прецедентных текстов Х. К. Андерсена

Г. К. Орлова

Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия
gajane-orlova@yandex.ru

Аннотация: Цель работы – выявление прецедентных феноменов, восходящих к текстам сказок Х. К. Андерсена, и изучение специфики их перевода на русский язык. В качестве материала для исследования выступает Национальный корпус русского языка объемом свыше 2 млрд токенов. В работе использованы описательный метод и метод сплошной выборки. Рассмотрены факторы, оказавшие влияние на распространение, рост популярности и особенности ассимиляции андерсеновских текстов в России, закономерности подходов к ранним и современным переводам. Результатом исследования стало определение круга искомых языковых единиц, наряду с выводами об оправданности применения в новейших переводах консервативной стратегии в отношении прецедентных феноменов и ее обусловленности фактором узнавания.

Ключевые слова: прецедентный феномен, перевод, Х. К. Андерсен, сказки, датский язык, русский язык

Для цитирования: Орлова Г. К. О переводе прецедентных текстов Х. К. Андерсена // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 70–76.

Original article

On Translating Key Cultural Texts: H. Ch. Andersen

Gayane K. Orlova

Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia, Moscow, Russia
gajane-orlova@yandex.ru

Abstract: The paper aims to identify precedent phenomena originating from fairy tales by H. Ch. Andersen and examine the specific features of their translation into Russian. The research materials include the Russian National Corpus of over 2 billion items. The study is based on descriptive and continuous sampling methods. The paper considers the factors that contributed to the popularity of Andersen's fairy tales and their assimilation into Russian culture, as well as different approaches to the early and modern translations. The research results are the range of relevant linguistic units identified and the conclusion that the conservative strategy in recent translations is adequate and linked to the immediate recognizability factor.

Keywords: precedent phenomena, translation, H. Ch. Andersen, fairy tales, Danish, Russian

For citation: Orlova, G. K. (2024). On translating key cultural texts: H. Ch. Andersen. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 70–76. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к творчеству Х. К. Андерсена сохраняется на протяжении полутора веков, за это время многие тексты писателя приобрели статус значимых для русской культуры и стали источником цитирования и повторяющихся отсылок, некоторые приобрели статус прецедентных. В то же время история «русского» Андерсена – а именно вопросы рецепции, влияния и перевода – остается областью малоисследованной, равно как и скандинавская литература в качестве источника прецедентных феноменов (ПФ) русской культуры, невзирая на продолжительную летопись культурных контактов.

Об актуальности изучения феномена прецедентности свидетельствуют многочисленные научные исследования функций и сферы происхождения ПФ. Значительный интерес как источник ПФ представляют произведения искусства и иноязычные культуры [Быкова, 2009; Елисеева, 2010; Рогозинникова, 2022; Кузьмина, 2022; Ли Сяофэн, 2023]. В контексте теории межкультурной коммуникации анализ инокультурных ПФ – части «прецедентного культурного кода», с изучением которого связано «понимание актуального дискурсивного поведения социума» [Волкова, 2023, с. 3] – предоставляет материал для дальнейших сопоставительных исследований.

В настоящей работе впервые комплексно рассмотрены ПФ русской культуры, восходящие к текстам Х. К. Андерсена, и описана стратегия их перевода на русский язык.

Исходя из поставленной цели были определены следующие задачи исследования:

- изучить факторы, оказавшие влияние на распространение сказок Андерсена в России;
- обозначить круг значимых для исследования произведений, выделить и классифицировать ПФ;
- охарактеризовать ранние переводы Андерсена на русский язык и механизм их дальнейшего влияния;
- проанализировать стратегию, используемую современными переводчиками в отношении выделенных языковых единиц.

В качестве метода исследования используется описательный метод, включающий обобщение, систематизацию и интерпретацию информации. Для определения круга ПФ также применялся метод сплошной выборки.

Практическая ценность работы видится в возможности применения результатов в профессиональной подготовке переводчиков, при подготовке к работе с новыми переводами классических текстов.

В качестве теоретической базы исследования выступают труды по теории ПФ Ю. Н. Караулова, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, Д. В. Багаевой и др.

Материалом исследования послужил Национальный корпус русского языка (НКРЯ) объемом свыше 2 000 000 000 токенов. Дополнительно были использованы данные опросов, библиографическая информация об изданиях произведений Х. К. Андерсена на русском языке.

ЧАСТОТНОСТЬ ОТСЫЛОК К ТЕКСТАМ Х. К. АНДЕРСЕНА

Будучи автором произведений разных жанров – стихов, пьес, романов – мировым классиком Х. К. Андерсен стал благодаря сказкам и историям, закономерно получившим особый статус и в русской культуре.

В настоящий момент на сайте Центра Х. К. Андерсена при Южно-датском университете (SDU, H. C. Andersen centret) зафиксировано 212 сказок и историй писателя[1]. Из них лишь шесть можно с полным основанием рассматривать как источник ПФ русской культуры, а именно значимых, общеизвестных и являющихся объектом повторяющихся обращений явлений [Караулов, 1987]. Особый статус этих текстов подтверждается частотностью отсылок к ним в произведениях искусства и повседневной коммуникации. Среди примеров НКРЯ[2], взятых из повседневной электронной коммуникации и произведений художественной и нехудожественной прозы и не являющихся непосредственными упоминаниями сказок Андерсена как таковых, имя *Дюймовочка* используется в качестве метафоры, сравнения или аллюзии в 50 случаях, *Гадкий утенок* – более чем в 30, *Стойкий оловянный солдатик* – в 20, *Голый король* – в 18, *Снежная королева* – в 18, *Кай и Герда* – в 16, *Принцесса на горошине* – в 15, *Русалочка* – в семи, *Оле Лукойе* – в четырех. В девяти примерах содержатся варианты цитаты о свиной коже и позолоте из сказки «Старый дом», еще в двух – цитата *А король-то голый!* из сказки «Новое платье короля». Также представлены множественные непрямые отсылки (от пяти до восьми) к сказкам «Новое платье короля», «Гадкий утенок», «Снежная королева», «Соловей».

Косвенным свидетельством статуса текстов служит исследование «проявления всеобщей узнаваемости» образов 134 произведений Андерсена на примере использования их наименований в качестве брендов российскими компаниями, проведенное изданием «Коммерсантъ» к 180-летнему

[1]URL: https://andersen.sdu.dk/vaerk/register

[2]URL: https://ruscorpora.ru/

юбилею сказки «Гадкий утенок» (*Коммерсантъ. 18.11.2023*). В качестве базы данных для исследования была использована база «СПАРК-Интерфакс». По данным издания, с 1991 по 2023 год 766 «российских учреждений всех форм собственности» носили названия, так или иначе связанные со сказками Андерсена, на момент выхода статьи таковых было 329, из них 79 являлись коммерческими, остальные – некоммерческими организациями (школы, детские сады и пр.) Наиболее часто встречаются: «Дюймовочка», «Русалочка», «Огниво», «Снежная королева», «Оле-Лукойе», «Гадкий утенок», «Дикие лебеди», «Бронзовый кабан», «Принцесса на горошине», «Стойкий оловянный солдатик». Кроме того, имя самого Андерсена носят три российские компании. По данным исследования, хотя бы одна организация с «андерсеновским» названием существует в 35 регионах России.

В рейтингах популярности «Топ10[1]» (2019), БКЦ «Нота[2]» (2020), «Большой вопрос[3]» (2020), «Сказочный портал[4]» (2021) в список наиболее известных сказок Андерсена входят «Стойкий оловянный солдатик», «Новое платье короля», «Принцесса на горошине», «Дюймовочка», «Огниво», «Русалочка», «Гадкий утенок», «Снежная королева», «Дикие лебеди», «Свинопас».

Сказки «Гадкий утенок», «Новое платье короля», «Дюймовочка», «Дикие лебеди», «Снежная королева», «Русалочка», «Огниво», «Принцесса на горошине» «Стойкий оловянный солдатик», «Свинопас», «Девочка со спичками» относятся к наиболее часто издаваемым на русском языке произведениям Андерсена.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА «РУССКОГО АНДЕРСЕНА»

Образ «русского Андерсена», знакомый современным носителям русского языка и культуры, начал складываться в конце XIX века. Процесс ассимиляции произведений писателя, присвоения их культурой, был достаточно длительным. Истоки его относятся к концу XIX века, «когда начали писательскую деятельность те, кто в 1840–1850-х годах детьми знакомились со сказками Андерсена» [Шарыпкин, 1980, с. 245]. В этот период одновременно возникают три взаимосвязанных фактора, повлиявшие на распространение и рост популярности сказок:

1. Активная издательская деятельность: только в период до 1917 года отмечаются шеститысячные цифры изданий [Брауде, Шиллегодский, 1959], при этом над сказками в 1890–1916 годах независимо друг от друга работали не менее 15 переводчиков. Как следствие, для переводов характерна большая вариативность. Издания отличались значительным разнообразием с точки зрения жанра (моноиздания, избранные сочинения, сборники и т. д.), формата и стоимости.
2. Выход новых переводов приводит к появлению журнальных рецензий, провоцирует обсуждение произведений и личности писателя в педагогической литературе. Ненаучная биографическая литература, создававшаяся во многом под влиянием автобиографической прозы Андерсена, также, наряду с рецензиями и переводами, вносила вклад в формирование отношения к писателю и его произведениям.

При этом надо отметить, что уже в 1890-е практически сформировалось господствующее отношение к сказкам Андерсена как к факту детской литературы, что неизбежно отражалось на переводческом подходе и выборе произведений для переиздания.

3. Под влиянием сказок Андерсена появляются пересказы и переделки, а на рубеже веков в поэзии, прозе, публицистике и эпистолярных произведениях русских писателей – А. Блока, М. Цветаевой, М. Кузьмина, А. Ахматовой, М. Горького, М. Волошина, Г. Газданова, И. Бунина, А. Белого, Л. Андреева, Д. Мережковского и др., – возникает множество упоминаний, реминисценций, заимствований, разного рода обращений к образам и мотивам сказок.

Позже, на протяжении XX века, создаются инсценировки, экранизации и самостоятельные литературные произведения, полностью или частично воспроизводящие сюжеты и мотивы уже известных произведений Андерсена[5] или содержащие отсылки к ним[6], что, в свою очередь, способствует популяризации отдельных сказок и закреплению андерсеновских мотивов, образов и номинаций в качестве ПФ культуры.

Следует отметить влияние кинематографа на популяризацию и создание устойчивых представлений о произведениях Андерсена и его личности. Так, с 1919 по 1988 год на советских киностудиях было снято более 20 картин по мотивам сказок «Гадкий утенок», «Дюймовочка», «Дикие лебеди», «Пастушка и трубочист», «Принцесса на горошине», «Русалочка», «Свинопас», «Соловей», «Снежная

[1]URL: https://top10a.ru/samye-izvestnye-skazki-andersena.html
[2]URL: https://vk.com/@child_library_1-10-samyh-izvestnyh-skazok-gansa-hristiana-andersena-s-illust
[3]URL: http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2924203-100-k-1-samye-izvestnye-skazki-andersena-interaktivnaja-igra.html
[4]URL: https://needlewoman.ru/articles/skazki-andersena-top-10.html

[5]К наиболее известным относятся пьесы Е. Шварца «Снежная королева», «Голый король» и «Тень».
[6]Как, например, «Гадкие лебеди» А. и Б. Стругацких, «Шапка» В. Войновича.

королева», «Огниво» и др., большинство создано в конце 1950–1980-е годы. В 1990–2000-е также появились отдельные отечественные экранизации.

В целом к середине XX века уже сложился известный нам устойчивый образ «русского Андерсена» – комплекс элементов, сформированный на основе избранных текстов и биографических данных и лежащий в основе современных представлений о творчестве писателя и его личности, в котором можно выделить вербальные единицы, воспроизводимые в ситуациях речевого общения. Таким образом, середина XX века – это период уверенного обращения к текстам Андерсена.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ, ВОСХОДЯЩИЕ К ТЕКСТАМ Х. К. АНДЕРСЕНА

Основываясь на совокупности таких факторов, как частота издания, наличие экранизаций, отсылок в бытовой культуре и литературе, результатах рейтингов и опросов, приведенных выше, а также опросов, проведенных автором среди носителей русского языка, не имеющих филологического образования и не владеющих скандинавскими языками, в настоящее время с уверенностью можно говорить о существовании ПФ только в связи со сказками «Дюймовочка», «Гадкий утенок», «Принцесса на горошине», «Снежная королева», «Стойкий оловянный солдатик», «Новое платье короля». При этом представляется возможным выделить прецедентные имена, высказывания, ситуации и тексты как таковые [Захаренко и др., 1997; Красных, 1997]:

1. Прецедентные тексты как таковые – как «феномен когнитивного характера» [Красных, 1997, с. 8]: «Снежная королева», «Новое платье короля», «Гадкий утенок».
2. Прецедентные имена: *Дюймовочка* [Гудков, 1998, с. 85], *Принцесса на горошине*, *Снежная королева*, *Стойкий оловянный солдатик*, *Гадкий утенок, Голый король*.
3. Прецедентные высказывания: *А король-то голый* («Новое платье короля»); названия прецедентных текстов.
4. Прецедентные ситуации: любовь Герды к Каю как эталон верности; попавший в глаз осколок кривого зеркала как символ искаженного представления о действительности («Снежная королева»).

С точки зрения перевода среди элементов, влияющих на «узнавание» и, в итоге, приятие конечного результата целевой аудиторией, особой значимостью обладают именно языковые феномены – «символы прецедентных текстов» [Караулов, 1987, с. 54–55; Красных, 1997, с. 8]. К ним относятся имена, отрезки текста (высказывания), названия произведений, которые могут предполагать вариативность при переводе (*Tommelise*, *Den grimme Ælling*, *Snedronningen, Kejserens nye klæder*. К прецедентным именам можно отнести и имя автора: *Ганс Кристиан* vs *Ханс Кристиан*). Проблема узнаваемости – один из факторов, который склоняет переводчика к консервативному подходу при работе с этими элементами. В этом смысле определенный интерес представляет и аспект узнавания текста так называемыми homo legens, то есть носителями книжной культуры, в связи с чем круг релевантных произведений может быть расширен, а также названия и комплексы представлений, связанные с наиболее известными сказками: «Огниво», «Оле-Лукойе», «Девочка со спичками», «Русалочка», «Дикие лебеди» и др. Также на восприятие читателя влияют стилистические приемы и средства создания образности (или, иными словами, стилистическая стратегия).

ПЕРЕВОДЫ: ОТ ВАРИАТИВНОСТИ ДО «КОДИФИКАЦИИ»

В последней трети XIX – первых десятилетиях XX века существовало большое разнообразие переводов сказок Андерсена. До 1935 года значительной вариативностью отличались переводы названий сказок «Den grimme ælling» («Безобразный утенок», «Гадкий утенок», Уродливый утенок»), «Tommelise» («Девочка с пальчик», «Дюймовочка», «Лизок с вершок», «Крошка Майя» и др.), «Kejserens nye klæder» («Царское новое платье», «Новый наряд короля», «Новое платье короля» и др.), «Den lille havfrue» («Маленькая морская царевна», «Маленькая русалка», «Русалочка» и др.), «Ole Lukøje» («Оле-Лукойе», «Сон Дремович», «Оле-Закрой глазки» и др.) [Переслегина, 1979].

В 1930-е годы переводы сказок, созданные в конце XIX века А. и П. Ганзенами и получившие большое распространение, обновляются трудами А. Ганзен и впоследствии многократно издаются, воспроизводятся в качестве домашнего детского чтения в нескольких поколениях и постепенно начинают восприниматься как канонические. Фактически же кодификация известных нам под названиями «Дюймовочка», «Русалочка», «Снежная королева», «Новое платье короля», «Гадкий утенок» и др. сказок произошла в середине XX века и в известной степени связана с изданием в Гослитиздате «Сказок и историй» Андерсена в 1955 году. Переводчиком большинства из 49 произведений была А. Ганзен. В ряде случаев ею были использованы названия, придуманные ранее другими переводчиками. Значительным событием стал выход

в 1974 году двухтомного собрания сказок и историй, впоследствии переизданного и включавшего 154 произведения в переводах А. Ганзен (подавляющее большинство), К. Телятникова, Ю. Яхниной, И. Стребловой, Л. Брауде и др.

НОВЕЙШИЕ ПЕРЕВОДЫ

Литературная ситуация конца XX века имела некоторое сходство с ситуацией рубежа XIX–XX веков с точки зрения открывшихся на книжном рынке возможностей. Однако теперь переводчики оказались ограничены определенными рамками – и потому, что сами в детстве читали сказки Андерсена и неизбежно испытали на себе влияние «старых» переводов, и поскольку аналогичному воздействию подвергся современный читатель, способный узнавать произведения по определенным признакам – идентифицируемым отрезкам текста, – и в целом знакомый с тем, что воспринимается нами как андерсеновская манера письма, в действительности являясь индивидуальным почерком переводчика. Вероятно, по этой причине новых переводов появилось немного. Единственной масштабной попыткой и интересным опытом обновления представляется четырехтомное собрание сочинений[1], изданное к юбилею писателя в 2005 году тиражом 3000 экземпляров и содержащее относительно полное собрание сказок. В работе принимали участие квалифицированные редакторы и переводчики со скандинавских языков, задачей которых было создание новых, максимально адекватных и точных переводов. Издание преследовало амбициозную цель: заново познакомить русского читателя с Андерсеном – с подлинным Андерсеном.

И, действительно, перед нами новый Андерсен. Или даже несколько новых Андерсенов, в силу существенных различий в индивидуальной манере письма некоторых переводчиков. Насколько удачны те или иные переводы с художественной точки зрения – не предмет обсуждения в данной статье, как и то, в какой степени была достигнута узкопрофессиональная цель издания. Однако достижение просветительской цели вызывает сомнения. Сказки продолжают выходить в «старых» переводах небольшими сборниками, отдельными изданиями, новые переводы широкого распространения не получили.

Прежде всего обращает на себя внимание выбранная переводчиками стратегия в отношении ключевых элементов с сигнальной функцией: имена и названия, имеющие статус прецедентных, сохранены; по большей части оставлены нетронутыми названия самых известных произведений, изменения коснулись лишь некоторых сказок, среди которых как малоизвестные, так и достаточно известные, такие как «Бронзовый кабан» (в переводе А. Афиногеновой – *вепрь*), «Два петуха – дворовый и флюгерный» (пер. В. Цырлиной (1955), в переводе Н. Федоровой – «Дворовый петух и петух-флюгер»). С другой стороны, в самих текстах присутствуют незначительные изменения в отношении некоторых общеизвестных высказываний: «А король-то голый!» (прецедентное высказывание) в переводе А. Афиногеновой звучит как «Но он же голый!» (*Х. К. Андерсен. Новое платье короля*); «Ах, мой милый Аугустин, // Всё прошло, всё!» – как «Ах, мой милый Августин, // Всё прошло, прошло, прошло!» (*Х. К. Андерсен. Свинопас*); «Да, позолота вся сотрется, // Свиная кожа остается!» Т. Федоровой переведено как «Золотой узор сотрется, // Свиная кожа остается» (*Х. К. Андерсен. Старый дом*).

Еще один важный принцип, которого придерживались авторы издания, – максимально приблизить имена к их звучанию на датском языке. В частности, была проведена последовательная замена «г» на «х» в именах и названиях там, где в датском языке присутствует буква «h», обозначающая звук, фонетически близкий к русскому [х], и «х» на «к» там, где в датском языке присутствуют соответствующие буква и звук. Это отход от сложившейся традиции передачи германских имен в русском языке. Таким образом, вместо *Ганс Кристиан – Ханс Кристиан*, вместо *Ганс-чурбан – Ханс Чурбан*, вместо *Иб и Христиночка – Иб и Кристиночка*. Данный подход – по нашему мнению, оправданный – не препятствует узнаванию феномена, однако у опрошенных лиц, не являющихся скандинавистами, вызывает слабую негативную реакцию (реакцию неодобрения).

Можно констатировать, что в издании обоснованно реализован консервативный, за редким исключением, подход к ключевым словам – символам текстов – и компромиссный – во всех других отношениях. Стилистическая стратегия, избранная переводчиками, отличается от традиционной, что для внимательного читателя, не владеющего датским языком и не знакомого с оригиналами, служит сигналом подмены. Кроме того, как уже было сказано, различие в манере письма разных переводчиков может нарушать впечатление целостности при чтении сказок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявление и анализ ПФ, восходящих к творчеству Х. К. Андерсена, показали, что при работе с ними с момента их укоренения в русской культуре

[1]Андерсен Х.К. Сказки и истории. М.: Вагриус, 2005. Т. 1–4.

переводчики преимущественно следуют консервативной стратегии в отношении «символов прецедентного текста», равно как и других единиц с сигнальной функцией, что представляется оправданным, однако более свободно обращаются с иным языковым материалом.

Вопрос о функционировании конкретных текстов Андерсена является предметом дальнейших исследований, однако необходимость в новых переводах классических текстов, направленных на достижение большей адекватности, сомнения не вызывает. При этом новый перевод должен превосходить или, как минимум, не отличаться от предшествующего в худшую сторону с литературной точки зрения и превосходить его с точки зрения соответствия оригиналу, в противном случае, пропадает самый смысл его появления. Тем не менее надо учитывать, что при создании новых переводов текстов, ставших прецедентными в том виде, в каком они уже закрепились в культуре, могут возникать определенные сложности: неприятие читателем, вплоть до негативной реакции, разрушение сложившихся комплексов представлений, вплоть до их утраты в бытовой культуре. Изменения в отношении прецедентных имен и высказываний носят спорный, преимущественно негативный характер, при этом важно отличать данное явление от просто узнаваемых явлений, которые вполне могут подвергаться изменениям, но с учетом опасности утраты ими сигнальной функции. «Подмена» же прецедентного имени или высказывания создает риски разрушения связи произведения с принимающей культурой, что, в свою очередь, может привести к преждевременному устареванию и утрате самого прецедентного феномена.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Быкова Л. В. Немецкоязычная культура как сфера-источник прецедентных феноменов в современных российских печатных СМИ: дис. … канд. филол. наук. Сургут, 2009.
2. Елисеева С. В. Прецедентные феномены, восходящие к французской культуре, в современной российской и американской прессе: дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010.
3. Рогозинникова Ю. В. Прецедентные феномены советского и российского происхождения в американской и британской рекламе: дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2022.
4. Кузьмина Л. А. Прецедентные знаки высокой культуры со сферой-источником «Ф. М. Достоевский» в современных медиа: дис. … канд. филол. наук. М., 2022.
5. Ли Сяофэн. Определение и классификация прецедентных имен из сферы-источника «русская литература». Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2023. № 4 (79). С. 223–229.
6. Волкова Р. А. Прецедентные тексты как сегменты вербального культурного кода // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 7 (43). С. 1–4.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
8. Шарыпкин Д. М. Скандинавская литература в России. Л.: Наука, 1980.
9. Брауде Л. Ю., Шиллегодский С. П. Сказки Ганса Христиана Андерсена в России // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1959. Т. 198. С. 271–296.
10. Захаренко И. В. [и др.]. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1997. № 3. С. 62–85.
11. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация. 1997. Вып. 2. С. 5–12.
12. Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация. 1998. Вып. 4. С. 82–93.
13. Переслегина Э. В. Ханс Кристиан Андерсен. Биобиблиографический указатель. М.: Книга, 1979.

REFERENCES

1. Bykova, L. V. (2009). Nemetskoyazychnaya kul'tura kak sfera-istochnik pretsedentnykh fenomenov v sovremennykh rossiiskikh pechatnykh SMI = German culture as a source of precedent phenomena in contemporary Russian print media: PhD in Philology. Surgut. (In Russ.)
2. Eliseeva, S. V. (2010). Pretsedentnye fenomeny, voskhodyashchie k frantsuzskoi kul'ture, v sovremennoi rossiiskoi i amerikanskoi presse = Precedent phenomena originating from French culture in contemporary Russian and American journalism: PhD in Philology. Ekaterinburg. (In Russ.)
3. Rogozinnikova, Yu. V. (2022). Pretsedentnye fenomeny sovetskogo i rossiiskogo proiskhozhdeniya v amerikanskoi i britanskoi reklame = Precedent phenomena of Soviet and Russian origin in American and British advertising: PhD in Philology. Ekaterinburg. (In Russ.)

4. Kuz'mina, L. A. (2022). Pretsedentnye znaki vysokoi kul'tury so sferoi-istochnikom «F. M. Dostoevskii» v sovremennykh media = Precedent indicators of high culture from «F. M. Dostoevsky» in contemporary media: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
5. Li, Xiaofeng. (2023). Opredelenie i klassifikatsiya pretsedentnykh imen iz sfery-istochnika «russkaya literatura» = Definition and classification of precedent names from «Russian literature». Vestnik TvGU. Series: Philology, 4 (79), 223–229. (In Russ.)
6. Volkova, R. A. (2023). Pretsedentnye teksty kak segmenty verbal'nogo kul'turnogo koda = Precedent texts as segments of verbal cultural code // Russian Linguistic Bulletin, 7 (43), 1–4. (In Russ.)
7. Karaulov, Yu. N. (1987). Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' = The Russian language and linguistic identity. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Sharypkin, D. M. (1980). Skandinavskaya literatura v Rossii = Scandinavian literature in Russia. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
9. Braude, L. Yu., Shillegodskii, S. P. (1959). Skazki Gansa Khristiana Andersena v Rossii = Hans Christian Andersen's fairy tales in Russia. Uchenye zapiski LGPI im. A.I. Gertsena, 198, 271–296. (In Russ.)
10. Zakharenko, I. V. et al. (1997). Kognitivnaya baza i pretsedentnye fenomeny v sisteme drugikh edinits i v kommunikatsii = Cognitive Base and Precedent Phenomena in the System of Other Units and in Communication. Moscow University Philology Bulletin, 3, 62–75. (In Russ.)
11. Krasnykh, V. V. (1997). Sistema pretsedentnykh fenomenov v kontekste sovremennykh issledovanii = The system of precedent phenomena in the context of contemporary sdudies. Yazyk, soznanie, kommunikatsiya, 2, 5–12. (In Russ.)
12. Gudkov, D. B. (1998). Pretsedentnoe imya v kognitivnoi baze sovremennogo russkogo (rezul'taty eksperimenta) = Precedent names in the cognitive base of contemporary Russian (experimental results). Yazyk, soznanie, kommunikatsiya, 4, 82–93. (In Russ.)
13. Pereslegina, E. V. (1979). Khans Kristian Andersen. Biobibliograficheskii ukazatel' = Hans Chrisitan Andersen. Bibliographic index. Moscow: Kniga. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орлова Гаянэ Корюновна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры языков стран Северной Европы и Балтии
Московского государственного института международных отношений МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Orlova Gayane Koryunovna
PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of North European and Baltic Languages
Moscow State Institute of International Relations (University)

Статья поступила в редакцию	13.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	12.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'373.612.2

Насколько политкорректна политкорректность в африканских странах?

Л. В. Порохницкая[1], Е. Ю. Мищенко[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*lidie@list.ru*
[2]*misch.liz@mail.ru*

Аннотация. Основным камнем преткновения современной теории политкорректности следует считать выработку унифицированной языковой политики в отношении людей с ограничениями по здоровью, которая бы, с одной стороны, отражала существующие международные директивы в этой сфере, а с другой стороны, вписывалась в реалии конкретных социумов. Цель настоящего исследования – разработать алгоритм выявления и описания лингвокультурологических и концептуальных моделей номинации людей с инвалидностью в англоязычных странах Африки. Для достижения поставленной цели применялся комплекс методов, в частности, метод концептуального анализа, метод дефиниционного анализа, метод лингвокультурологической интерпретации единиц и метод корпусного анализа. В результате проведенного исследования были реконструированы фреймы эвфемистической и дисфемистической номинации инвалидности в англоязычных странах Африки, которые, отражая лингвокультурную специфику местного массмедийного дискурса в области здравоохранения, в целом соответствуют общепринятым стандартам англоязычных стран.

Ключевые слова: политкорректность, медкорректность, массмедийный дискурс, эвфемизм, дисфемизм, концептуальная модель, модель концептуального профилирования, семантическая амбивалентность

Для цитирования: Порохницкая Л. В. Мищенко Е. Ю. Насколько политкорректна политкорректность в африканских странах? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 77–84.

Original article

How Politically Correct is Political Correctness in African Countries?

Lydia V. Porokhnitskaya[1], Elizaveta Yu. Mischenko[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*lidie@list.ru*
[2]*misch.liz@mail.ru*

Abstract. The biggest challenge of the modern theory of political correctness should be considered the formulation of unified language policies for people with disabilities, which, on the one hand, would reflect already existing international guidelines in the area, and on the other hand, fit into the realities of specific communities. The purpose of this study is to develop an algorithm for identifying and describing linguistic, cultural and conceptual models for the nomination of people with disabilities in English-speaking African countries. To achieve this goal, a set of methods was used, in particular, the method of conceptual analysis, the method of definitional analysis, the method of linguistic and cultural interpretation of units and the method of corpus analysis. As a result of the conducted

research, the frames of euphemistic and dysphemistic disability nomination in English-speaking African countries were reconstructed, which, reflecting the linguistic and cultural specifics of local mass media discourse in the field of healthcare, generally correspond to the accepted standards of English-speaking countries.

Keywords: political correctness, medical correctness, mass media discourse, euphemism, dysphemism, conceptual model, conceptual profiling model, semantic ambivalence

For citation: Porokhnitskaya, L. V., Mischenko, E. Yu. (2024). How politically correct is political correctness in African countries? Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 12(893), 77–84. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия вопросы идеологии и языка политкорректности занимают одно из лидирующих положений в научных трудах как отечественных лингвистов, так и их зарубежных коллег. Авторы сосредоточивают свое внимание на культорологических [Остроух, 1998] и прагмалингвистических [Цурикова, 2001] аспектах феномена политической корректности, критериях выбора адекватной терминологии [Тер-Минасова, 2000], ведущих способах языковой реализации этого течения [Панин, 2004]. При этом складывается обманчивое ощущение, что идеология политкорректности – это некий монолитный конструкт, который распространил свое влияние не только на англоязычные страны, но и на большинство стран Европы, Азии, Латинской Америки.

Занимаясь изучением семантических и прагматических особенностей языковых единиц, фигурирующих в массмедийном дискурсе англоязычных стран африканского континента, мы столкнулись с большим разнообразием языковых средств, используемых при освещении широкого круга проблем, попадающих в сферу действия законов политкорректности. Одной из насущных проблем в англоязычных странах Африки представляется выработка адекватной языковой политики в отношении людей с инвалидностью и ограничениями по здоровью.

Актуальность нашего исследования заключается в изучении семантики и прагматики языковых единиц, обладающих определенной степенью эвфемистического / дисфемистического потенциала, которые используются в массмедийном дикурсе англоязычных стран Африки. Научная новизна данной работы обусловлена тем, что в ней впервые предлагается алгоритм анализа концептуальных моделей семантики эвфемистических, дисфемистических и амбивалентных единиц, номинирующих людей с ограничениями по здоровью.

На первом этапе исследования мы предприняли попытку собрать корпус языковых единиц, репрезентирующих основополагающие концепты медкорректного дискурса (***инвалид***, ***слепота***, ***глухота***, ***аутизм***, ***умственное заболевание*** и т. д.), коррелирующие с наиболее актуальными аспектами языковой политики в сфере здравоохранения на Африканском континенте. Языковой материал был отобран с применением метода сплошной выборки из наиболее известных англоязычных печатных изданий (см. табл. 1).

Таблица 1

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ СТРАНЫ АФРИКИ И ИХ ГЛАВНЫЕ СМИ ИСТОЧНИКИ

Страна	СМИ	Страна	СМИ
Респ. Ботсвана	Mmegi Online, The Botswana Gazette	*Респ. Маврикий*	Mauritius Times
Респ. Гамбия	The Point, The Standard	*Респ. Малави*	The Times
Респ. Гана	The Ghanaian Times, Daily Graphic	*Респ. Намибия*	The Namibian, Namibia Economist
Респ. Замбия	The Zambian Observer, Zambian Watchdog	*Фед. Респ. Нигерия*	The Guardian, Premium Times
Респ. Зимбабве	The Herald, The Chronicle	*Респ. Руанда*	The New Times
Респ. Камерун	Daily News Cameroon, Cameroon News Agency	*Фед. Респ. Сомали*	Hiiraan Online, Caasimada, Jowhar
Респ. Кения	The Star	*Респ. Уганда*	The Independent
Кор. Лесото	Informative Daily	*Кор. Эсватини*	Swazi Observer, Times of Swaziland
Респ. Либерия	Liberian Observer	*ЮАР*	The Mercury, Mail&Guardian

На втором этапе исследования мы ставили перед собой задачу верифицировать наличие эвфемистического / дисфемистического потенциала наиболее частотных языковых единиц нашего корпуса посредством лингвокультурологического и дискурсивного анализа отобранных единиц.

Следующим этапом было проведение концептуального анализа семантики единиц с применением авторитетных лексикографических изданий с целью выявления продуктивных моделей концептуального профилирования эвфемистической, дисфемистической, а также амбивалентной номинации.

На последнем этапе исследования мы ставили перед собой задачу верифицировать полученные результаты посредством электронных корпусов BNC и COCA, с целью сопоставить новейшие тренды политкорректного взаимодействия в области здравоохранения в англоязычных странах Африки, Великобритании и США.

Мы полагаем, что практическая значимость проведенного исследования обусловлена не только возможностью применения полученных результатов в практике преподавания различных вариантов английского языка и теоретических курсах по английской лексикологии, социолингвистике и переводу, но также в разработке специальных директив для иностранных специалистов, планирующих трудовую деятельность в англоязычных странах Африки.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЭВФЕМИЗМА И ДИСФЕМИЗМА: ФАКТОРЫ И УРОВНИ РЕАЛИЗАЦИИ

Хотя традиционно явления эвфемизации и дисфемизации рассматриваются в рамках теории эвфемии, в последние десятилетия начали появляться исследования, в которых ставится цель специального изучения природы дисфемистической номинации [Шишова, 2017; Бех, 2022].

Напомним, что существует два основных подхода к определению дисфемизма. Согласно первому, дисфемия – это самодостаточное лингвокультурное явление, иллокутивно противоположное эвфемии. Так М. Л. Ковшова подчеркивает, что «…дисфемизм – словесный арсенал для осуществления негативного общения» [Ковшова, 2007, с. 105]. Второй подход предполагает, что в парадигматике исследователь может лишь констатировать наличие у языковой единицы некоторой степени эвфемистического (дисфемистического) потенциала, реализация которого зависит от целого ряда факторов. На современном этапе изучения вопроса вариативности значения эвфемизма существенным оказывается учет таких факторов, как ролевые отношения участников коммуникации, а также их гендерные и возрастные характеристики, принципы реализации оппозиции «свой – чужой», а также «я – ты – он» грамматики коммуникации. Так абсолютно неприемлемая по отношению к собеседнику фразеологическая единица *англ.* to kick the bucket (умереть, отбросить коньки), которая в этом случае будет функционировать как стопроцентный дисфемизм, может поменять свой коннотационный маркер на противоположный, если человек воспользуется этой разговорной идиомой в отношении себя:

> When I kick the bucket you can have all my guitars! – Когда я отброшу коньки, можешь забирать все мои гитары!

Очевидно, что сниженная фразеологическая единица будет намного уместнее в описанной ситуации, чем, например, прямолинейная лексема *to die* или пафосный *to pass away*, так как благодаря своей иронично-шутливой коннотации позволяет снизить градус напряженности и неловкости при обсуждении табуированной темы.

Еще одна трудность установления релевантного эвфемистического статуса языковой единицы на синхронном срезе обусловлена сложностью определения ее функции в диахронной перспективе. В большинстве работ по проблемам эвфемии обычно отмечается, что при длительном использовании единицы ее эвфемистический потенциал постепенно нивелируется, т. е. имеет место явление пейорации. Во многих случаях этот процесс обусловлен постепенным выходом из употребления «нейтрального» ЛСВ (ФСВ), который в свою очередь запускает процесс обесценивания самого эвфемистического значения. Описанное явление в некоторых случаях может приводить к трансформации всей семантической структуры единицы с последующим выделением омонимов[1].

Представляется, что проблема нивелирования эвфемистического значения – одна из ключевых и, одновременно, самых комплексных проблем современной теории эвфемии, решение которой в каждом конкретном случае требует привлечения целого спектра данных лингвистического и экстралингвистического характера. Необходимо учитывать этимологию языковой единицы, трансформацию ее семантики, взаимодействие эвфемистического значения с другими значениями многозначного слова в рамках всей семантической структуры, в том числе при употреблении в разных

[1]Так, анализируя нивелирование эвфемистического потенциала лексемы *gay* в современном английском языке, Б. Уоррен отмечает, что на синхронном срезе *gay* (*гомосексуалист*) воспринимается не как одно из значений лексемы *gay*, а как омоним [Warren, 1992].

территориальных вариантах одного языка, корреляцию данной эвфемистической единицы с другими кореферетными единицами в составе трехполярной оппозиции, например: *to die* (в большинстве прагматических случаев прямое наименование) – *to pass away* (эвфемизм) – *to peg out* (*брит. англ.* дисфемизм), динамику отношения социума к изучаемому вопросу, место данного табуированного концепта в структуре смежных концептов описываемой концептуальной картины мира, а также место данного эвфемизма в цепочке кореферентных эвфемизмов, в которой каждый последующий элемент обладает более высоким эвфемистическим потенциалом, чем предыдущий[1].

Примеры таких эвфемистических рядов можно найти у Дж. Эйто в его книге «Wobbly Bits and Other Euphemisms». Так, описывая эволюцию табуированного концепта ***бедное государство***, автор приводит следующую цепочку ее эвфемистических репрезентантов: *underdeveloped – less (lesser) developed – developing – emergent – emerging – fledgling* [Ayto, 2007, с. 286]. Несмотря на то, что приведенный ряд языковых единиц представляет собой практически классический пример постепенного нивелирования эвфемистического потенциала предыдущего звена с появлением нового эвфемистического элемента с более высоким потенциалом, при внимательном изучении данных современных электронных корпусов можно заметить, что последний элемент приведенный Дж. Эйто, в современном английском языке характеризуется более низкой частотностью, чем его предшественник *emerging* (2460 единиц против 21544 (10 % против 90 %) в COCA и 147 единиц против 1563 (9 % против 91 %) в BNC). Интересно также, что эвфемизмы, которые появились значительно позже, например *HIPC* (*Heavily Indebted Poor Countries*), по всей видимости, так и остались на периферии языковой системы (24 единицы в COCA и 0 единиц в BNC).

Изучение подобных цепочек эвфемистических единиц с привлечением широкого спектра данных о семантике и прагматике языковой единице, общекультурном и политическом контекстах, а также данных современных электронных корпусов позволяет проследить трансформацию эвфемистической единицы не только в дисфемизм (например, *underdeveloped*), но и в некоторых случаях даже в прямое наименование табуированного явления (например, *toilet*).

В современном англоязычном политкорректном дискурсе наметилась еще одна тенденция, которая, по всей видимости, была инициирована социокультурными подвижками в американском обществе, и получила названия «рекламация» (от *англ.* reclaim). Речь идет, по сути, о возвращении некоторых элементов эвфемистической цепочки в активное употребление в новом качестве. В большинстве случаев этот процесс затрагивает языковые единицы, которые в определенный момент растратили свой эвфемистический потенциал, переродившись в дисфемизм. Впоследствии из-за прочных ассоциативных связей с определенной дискриминируемой социальной группой, они могут быть выбраны на роль прямого наименования или эвфемизма при употреблении членами самой группы, при этом в некоторых случаях оставаясь в статусе табуированной единицы для аутсайдеров. Так, благодаря процессу рекламации в активное употребление вернулись единицы *англ.* black[2] (чернокожий) и подвергнувшаяся расширению семантики *queer* (представитель сообщества ЛГБТ).

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МЕДКОРРЕКТНОЙ НОМИНАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ АФРИКИ

Одной из самых табуированных и чувствительных тем в англоязычном политкорректном дискурсе, по всей видимости, остается проблема наречения людей, имеющих определенные проблемы со здоровьем, главным образом, людей с инвалидностью. Данная проблема позволяет под новым углом взглянуть на все нюансы семантической амбивалентности эвфемизма, описанные выше, при непременном учете специфики реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой».

Особую актуальность нормы идеологии и языка политкорректности приобретают в англоязычных странах Африки, где по-прежнему сосуществуют разнообразные культурные традиции, политические системы, этические нормы и практики.

Материал для настоящего исследования был отобран методом сплошной выборки из наиболее авторитетных печатных изданий восемнадцати англоязычных стран Африки.

Общий объем проанализированного материала составил более 700 статей за период с 2014 по 2024 год. Для проведения сопоставленного анализа норм и прескрипций языка политкорректности для обозначения людей с инвалидностью в англоязычных странах Африки с нормами медкорректности в США и Великобритании был составлен корпус дисфемистичных, эвфемистичных и амбивалентных единиц. Данные были верифицированы

[1]С. Пинкер назвал описанное явление *euphemism treadmill* в книге «The Blank State» [Pinker, 2002].

[2]В британском английском единица *black* характеризуется стабильным дисфемистическим потенциалом при употреблении в отношении выходцев из Индии и Пакистана.

при помощи электронных корпусов COCA (Corpus of Contemporary American English) и BNC (British National Corpus).

Основной целью исследования явилось изучение факторов реализации эвфемистического потенциала выделенных единиц в рамках аутентичных речевых контекстов и выделение ведущих и периферийных моделей медкорректной номинации в англоязычных странах Африки.

Отобранные языковые единицы были распределены на две неравные в количественном отношении группы: единицы, обладающие высокой степенью эвфемистического потенциала, и единицы, обладающие высокой степенью дисфемистического потенциала. Кроме того, был составлен подкорпус амбивалентных единиц, которые могут выступать как дисфемизмы, эвфемизмы и в некоторых случаях как прямые обозначения номинируемого явления (см. рис. 1).

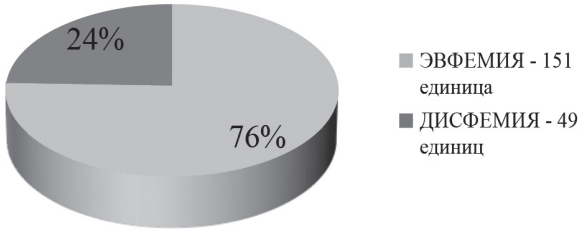

Рис. 1. Процентное соотношение отобранных единиц

Концептуальный анализ семантики отобранных эвфемистических единиц продемонстрировал, что ведущей моделью концептуального профилирования в рамках анализируемой номинативной сферы надо признать актуализацию фокуса ***наличие***, который призван акцентировать идею постоянного присутствия в жизни человека определенной медицинской проблемы, которая воспринимается как неотъемлемая часть его существования. Особенностью описанной модели в англоязычных странах Африки можно считать обобщенный характер фокусной идеи, например:

> Members of the Physically Challenged Empowerment Initiative (PCEI) have called on the state and federal governments to create platforms and infrastructure that will put an end to segregation, discrimination, and non-inclusivity experienced by *persons living with disabilities* (*PWDs*) (*Premium Times. 04.12.2021*).

> We have amongst us *people who have mental illnesses* and often we have come across someone or some people ridiculing such a person, and sadly most of us have not even intervened in such scenarios (*Mmegi Online. 22.08.2022*).

На языковом уровне описанная концептуальная модель реализуется преимущественно посредством формулы *People* (*persons, children*) *living / dealing with*..., что в целом подтверждает нашу гипотезу о значительном распространении в англоязычных странах Африки идеологии *People first language*[1].

Изучение контекстуальных реализаций медкорректной модели *persons / people* (*living*) *with*... позволяет выделить также модифицированный вариант, который отмечен в африканских странах достаточно высокой продуктивностью. Речь идет о модели *persons / people who use*..., которая реализуется преимущественно в сочетании *persons / people who use a wheelchair*, например:

> The movie opens with a glimpse into the future, precisely in 2060, where a lady accompanies a man who uses a wheelchair as they solemnly observe a small graveyard (*Premium Times. 24.12.2023*).

Следующей по частотности концептуальной моделью медкорректной номинации следует признать модель профилирующую идею ***преодоление***, которая на языковом уровне актуализируется преимущественно посредством описательных оборотов с элементом *challenged*. Обращает на себя внимание тот факт, что данная модель в большинстве случаев носит достаточно обобщенный характер, позволяя указывать на наличие некоторой медицинской проблемы без излишней конкретизации, например:

> Ruvimbo special school for *the physically and mentally challenged* in Sotherton was recently treated to an early Christmas with Zimbabwe Prisons and Correctional Services (ZPCS) in collaboration with the director of CAG buses and friends hosted a Christmas party for them (*The Herald. 08.12.2021*).

Еще одна модель, которая отмечена более низкой продуктивностью в медкорректном дискурсе англоязычных стран Африки – модель с концептуальным фокусом ***недостаток***, которая призвана акцентировать представление о серьезной медицинской проблеме (инвалидности) как об уменьшении возможностей организма под воздействием внешних факторов. На языковом уровне описанная модель реализуется при помощи лексемы *impaired*, например, в сочетании *visually impaired*, например:

[1]Об идеологии People first language см., например: [Ladau, 2015; Порохницкая 2022].

> Kilama Tony, a resident of Kitgum municipality says he hadn't believed the gospel songs he used to hear were sung by the *visually impaired* pastor until onetime he saw him perform it during a ceremony (*The Independent. 26.02.2021*).

Данный пример можно рассматривать как классический пример политкорректного *understatement*, так как в большинстве случаев за ним скрывается медицинский диагноз «слепота», т. е. полная потеря зрения.

Изучение концептуального аспекта семантики частотных языковых единиц, используемых в англоязычных странах Африки для номинирования проблем со здоровьем, позволило выделить также продуктивные концептуальные модели дисфемистической номинации в данной области.

Наиболее активной моделью по результатам анализа следует признать актуализацию концептуального фокуса ***отсутствие*** (***возможности***) преимущественно в узуальной языковой единице *(physically / mentally) disabled*[1], например:

> This museum is designed in a way that it will easily accommodate everyone *normal and disabled*, the toilets also cater for people in wheelchairs and there are elevators (*The Informative. 12.01.2022*).

Следующая концептуальная модель, которая характеризуется определенной продуктивностью на Африканском континенте – это модель с концептуальным фокусом ***затруднение***. На языковом уровне данная модель представлена, главным образом, лексемой *handicapped,* которая полностью растратила свой эвфемистический потенциал как в британском, так и в американском варианте английского языка, что зафиксировано в большинстве современных словарей, например:

> This outreach focuses on relieving those suffering of their needs because there are many *handicapped kids* (*Cameroon News Agency. 08.03.2018*).

Еще одной моделью, которая также не является больше продуктивной в британском и американском вариантах английского языка, по результатам проведенного анализа, следует признать фокусирование идеи ***ограничение***, на языковом уровне представленной лексемой *wheelchair-bound*, например:

> *WHEELCHAIR-BOUND* Makgosi Letimile, 37, from Woodstock, has decided to take her former employer, the Cape Town International Convention Centre (CTICC), to the Labour Court, suing it for more than R1.5 million (*The IOL. 28.11.2021*).

Характерной чертой массмедийного дискурса англоязычных стран Африки надо признать употребление некоторого числа амбивалентных языковых единиц, характеризующихся ситуационной вариативностью коннотации, преимущественно с целью номинирования людей, не имеющих ограничений здоровья. Вопрос поиска адекватных наименований для «здоровых» представляет собой, по всей видимости, еще более серьезный камень преткновения, чем медкорректное номинирование людей с инвалидностью. Особенностью реализации оппозиции «свой – чужой» в англоязычном массмедийном дискурсе африканских стран следует считать преимущественную актуализацию концептуальной модели ***наличие*** (***возможность***), которая репрезентируется двумя частотными языковыми единицами *able-bodied* и *non-disabled*. Указанные неологизмы, не зафиксированные в большинстве современных словарей, в зависимости от контекста могут реализовывать как эвфемистический потенциал, например:

> If these principles are embedded in our policies, persons with disabilities will be able to participate at an equal level with their *non-disabled* counterparts". (*The Herald. 07.10.2021*),

так и дисфемистический, например:

> Because to not demonstrate pity is merely to occupy a vacuum, defaulting to a logic of *able-bodied* supremacy, which is rooted in the assumption that *non-disabled* ways of being are a prerequisite for human worth (*Mail&Guardian. 21.11.2014*).

Менее продуктивной, чем в британском и американском вариантах английского языка, представляется концептуальная модель с фокусом ***отличие***, которая в нашем корпусе репрезентируется преимущественно амбивалентной единицей (*with*) *special needs* для номинирования людей с инвалидностью, например:

> They should teach other children how to interact with *children with special needs* and disabilities. Teachers should also be trained to identify learners who need support or help who are not *with special needs* (*Cameroon News Agency. 14.08.2020*).

[1]Важно отметить, лексема *disabled* изначально обладала достаточно высокой степенью эвфемистического потенциала, но в современном английском языке практически полностью переродилась в дисфемизм, что в частности отмечено Дж. Эйто [Ayto, 2007, с.286].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение значительного массива англоязычных массмедийных текстов, опубликованных в Африканских странах за период с 2014 по 2024 год с применением корпусных методов анализа языкового материала позволило сделать вывод о соблюдении основополагающих норм политкорректного языкового взаимодействия в области здравоохранения.

Концептуальный анализ семантики 200 лексических единиц и сочетаний, обладающих эвфемистическим и дисфемистическим потенциалом, а также характеризующихся ситуационной вариативностью коннотации, выявил наиболее частотные модели концептуального профилирования для эвфемистической и дисфемистической номинации (см. рис. 2).

Рис. 2. Модели концептуального профилирования эвфемистической и дисфемистической номинации

Ключевые концептуальные фокусы ***наличие***, ***недостаток***, ***преодоление*** образуют фрейм эвфемистического видения феномена инвалидности, в то время как концептуальные фокусы ***отсутствие***, ***затруднение*** и ***ограничение*** – фрейм дисфемистической номинации. Можно заметить, что вершинные идеи двух фреймов формируют концептуальную оппозицию («наличие – отсутствие»), представляющую базовую дихотомию в политкорректной репрезентации проблем со здоровьем.

На языковом уровне особенностью медкорректной номинации следует признать сосуществование новейших трендов (*People first language*) с узуальными эвфемистическими стратегиями, некоторые из которых уже начинают выходить из употребления в британском и американском вариантах английского языка. Сравните, например: *people who use a wheelchair* vs *wheelchair users*, *with physical impairments* vs *impaired*.

Настоящее исследование можно считать одной из первых попыток комплексного изучения концептуальных и лингвокультурологических моделей политкорректной номинации в англоязычных странах африканского континента. В дальнейшем представляется целесообразным расширить исследовательский фокус с целью изучить модели политкорректной репрезентации других табуированных концептов с привлечением данных современных электронных корпусов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Остроух А. В. «Политическая корректность» в США: культурологический аспект проблемы : автореф. дис. … канд. культурологии. М., 1998.
2. Цурикова Л. В. Политическая корректность как социокультурный и прагматический феномен. Воронеж, 2001.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». М.: Слово/Slovo, 2000.
4. Панин В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2004.
5. Шишова Е. В. Дисфемия в современном российском и американском политическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2017.
6. Бех Е. Ф. Феномен дисфемизма в современном англоязычном художественном дискурсе: дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2022.
7. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов // Краткий тематический словарь эвфемизмов. М. : Гнозис, 2007. С. 105.
8. Warren B. C. What Euphemisms Tell Us about the Interpretation of Words // Studia Linguistica. 1992. Vol. 46 (2). P. 128–172.
9. Ayto J. Wobbly bits and other euphemisms. London: A & C Black, 2007.
10. Pinker S. The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature. New York: Viking Press, 2002.
11. Ladau E. Four Disability Euphemisms that Need to Bite the Dust. URL: https://drcnh.org/rap-sheet/four-disability-euphemisms-that-need-to-bite-the-dust/.
12. Порохницкая Л. В. Концептуальная подоплека современных политкорректных трендов: новое или хорошо забытое старое? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 86–90.

REFERENCES

1. Ostrouh, A. V. (1998). “Politicheskaya korrektnost’” v SShA: kul’turologicheskij aspekt problemy = “Political correctness” in the USA: the cultural aspect of the problem: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Curikova, L. V. (2001). Politicheskaya korrektnost’ kak sociokul’turnyj i pragmaticheskij fenomen = Political correctness as a socio-cultural and pragmatic phenomenon. Voronezh. (In Russ.)
3. Ter-Minasova, S. G. (2000). Yazyk i mezhkul’turnaya kommunikaciya = Language and intercultural communication: A textbook for students, postgraduates and applicants for special education. “Linguistics and intercultural communication”. Moscow. Slovo. (In Russ.)
4. Panin, V. V. (2004). Politicheskaya korrektnost’ kak kul’turno-povedencheskaya i yazykovaya kategoriya = Political correctness as a cultural, behavioral and linguistic category: abstract of PhD in Philology. Tyumen. (In Russ.)
5. Shishova, E. V. (2017). Disfemiya v sovremennom rossijskom i amerikanskom politicheskom diskurse = Dysphemia in modern Russian and American political discourse: abstract of PhD in Philology. Kazan. (In Russ.)
6. Bekh, E. F. (2022). Fenomen disfemizma v sovremennom angloyazychnom hudozhestvennom diskurse = The phenomenon of dysphemism in modern English-language artistic discourse: abstract of PhD in Philology. Belgorod. (In Russ.)
7. Kovshova, M. L. (2007). Semantika i pragmatika evfemizmov - Kratkij tematicheskij slovar’ evfemizmov = Semantics and pragmatics of euphemisms. In A short thematic dictionary of euphemisms (p. 105). Moscow: Gnozis. (In Russ.)
8. Warren, B. C. (1992). What Euphemisms Tell Us about the Interpretation of Words. Studia Linguistica, 46(2), 128–172.
9. Ayto, J. (2007). Wobbly bits and other euphemisms. London: A & C Black.
10. Pinker, S. (2002). The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature. New York: Viking Press.
11. Ladau, E. (2015). Four Disability Euphemisms that Need to Bite the Dust. URL: https://drcnh.org/rap-sheet/four-disability-euphemisms-that-need-to-bite-the-dust/.
12. Porokhnitskaya, L. V. (2022). Konceptual’naya podopleka sovremennyh politkorrektnyh trendov: novoe ili horosho zabytoe staroe? = The conceptual background of modern politically correct trends: new or well-forgotten old? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(863), 86–90. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Порохницкая Лидия Васильевна

Доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

Мищенко Елизавета Юрьевна

преподаватель кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Porokhnitskaya Lydia Vasilievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of English
Moscow State Linguistic University

Mischenko Elizaveta Yurievna

Lecturer at the Department of English Lexicology
Faculty of English, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	01.10.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'373.612.2:821.111

Использование базисной метафоры для характеристики особенностей мировосприятия центральных персонажей (на материале романа «Мой мальчик» Н. Хорнби)

Ю. Л. Сапожникова

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия
sapojnikova.engl@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в изучении реализации базисной метафоры «жизнь – испытание / борьба за выживание» в романе «Мой мальчик» Ника Хорнби. Материалом исследования послужил оригинальный текст романа и составленная на его основе картотека из 30 контекстов, иллюстрирующих данную метафору. Методами исследования являются контекстуальный и лингвостилистический виды анализа. В результате исследования установлено, что базисная метафора «жизнь – испытание / борьба за выживание» становится способом отражения картины мира главных персонажей. Кроме того, данная метафора объединяет весь текст произведения, придает ему смысловую и образную целостность. Построенные на основе базисной метафоры дальнейшие аналогии, восходящие к различным сферам-источникам, формируют более сложные структуры. Они отчетливо демонстрируют трансформацию мировосприятия персонажей, их взаимоотношений с миром и людьми.

Ключевые слова: метафора, базисная метафора, картина мира персонажей, «Мой мальчик» Н. Хорнби, сфера-источник, трансформация персонажей

Для цитирования: Сапожникова Ю. Л. Использование базисной метафоры для характеристики особенностей мировосприятия центральных персонажей (на материале романа «Мой мальчик» Н. Хорнби) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 85–91.

Original article

The Use of a Basic Metaphor as a Means to Characterize the Peculiarities of Central Characters' Worldview (as exemplified in the novel "About a Boy" by N. Hornby)

Yulia L. Sapozhnikova

Smolensk State University, Smolensk, Russia
sapojnikova.engl@yandex.ru

Abstract. The article studies the implementation of the basic metaphor "life is a trial / struggle for survival" in the novel "About a Boy" by Nick Hornby. The material for the study was the original text of the novel and a card index of contexts illustrating this metaphor, compiled on its basis. The study is carried out with the help of contextual and linguistic stylistic analysis. The analysis of the text shows that this metaphor becomes a means of reflecting the main characters' worldview. In addition, the basic metaphor unites the entire text, gives it semantic and figurative integrity. Further analogies based on the basic metaphor, going back to various source spheres, form more complex structures. They clearly demonstrate the transformation of the characters' worldview, their relationship with the world and people.

Keywords: metaphor, basic metaphor, characters' worldview, "About a Boy" by N. Hornby, source sphere, transformation of characters

For citation: Sapozhnikova, Y. L. (2024). The use of a basic metaphor as a means to characterize the peculiarities of central characters' worldview (as exemplified in the novel "About a Boy" by N. Hornby). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 85–91. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, один из самых важных компонентов художественного текста – языковая выразительность, для которой характерны оригинальность, экспрессивность и образность. Добиться этой выразительности можно, в том числе, с помощью различных тропов, среди которых метафора занимает одно из первых мест по частотности употребления в литературных произведениях [Самофалова, Усатенко, 2022]. При этом большинством авторов метафора воспринимается не просто как стилистическое украшение, но и как основополагающий механизм мышления, находящий отражение в языковых единицах. Подобный подход к метафоре применяется при анализе текста в рамках когнитивной лингвистики. Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечали в своих работах, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь» и что вся «наша обыденная понятийная система… метафорична по самой своей сути» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 387]. По мнению ученых, метафора представляет собой осмысление явлений одной категории в терминах другой [Лакофф, Джонсон, 1990]. С. Пеппер выдвинул понятие «коренной метафоры», которая возникает, когда человек «выбирает какую-то область фактов, доступных пониманию на уровне здравого смысла, и смотрит, не сможет ли он понимать другие области в терминах данной», соответственно, эта «исходная область становится… его базисной аналогией» [цит. по: МакКормак, 1990, с. 383]. И в дальнейшем человек пытается интерпретировать все аспекты новой области исходя из особенностей и структуры базисной аналогии. Э. МакКормак предложил термин «базисная метафора» для обозначения этого феномена [МакКормак, 1990].

Во многих работах современных исследователей художественного текста (О. С. Камышева, Н. И. Маругина, З. И. Резанова, А. В. Соснин, К. С. Шиляев и др.) анализ произведений основан на интерпретации базисных, или ключевых, метафор, под которыми понимаются «механизмы познания, которые используются для производства новых смыслов посредством преобразования концептуальных структур…» [Маругина, 2003, с. 118]. Ключевые метафоры рассматриваются как обобщенные модели опыта, которые лишены конкретных деталей (например, *love is a journey*). Они могут создавать дальнейшие аналогии, а те, в свою очередь, приводят к возникновению значительного числа других метафор, которые формируют более сложные структуры [Маругина, 2003].

В литературном произведении подобная метафора может выполнять различные функции: например, передавать отношение автора к изображаемому, создавать образы героев, описывать их чувства и даже отражать их картину мира. В романе «Мой мальчик» Ник Хорнби активно пользуется базисной метафорой, изучение которой является целью нашего исследования. С помощью метода сплошной выборки были определены 30 контекстов, в которых реализуется эта метафора. Задача ее интерпретации выполняется с применением контекстуального и лингвостилистического анализа. Подробное рассмотрение того, как эта метафора помогает писателю показать систему взглядов персонажей и их трансформацию, способствует лучшему пониманию художественного замысла автора. Это объясняет практическую ценность нашей работы, так как ее результаты могут использоваться на практических занятиях со студентами, изучающими данный роман. Новизна работы обусловлена тем, что метафоры в этом романе еще не исследовались. Актуальность исследования связана с рассмотрением метафоры в произведении с позиций когнитивной лингвистики, а не в качестве обычного средства выразительности.

«МАЛЬЧИК» НИКА ХОРНБИ

Ник Хорнби родился в Великобритании в 1957 году. После окончания Кембриджского университета преподавал в нем английский язык. С 1983 года он начал пробовать себя в журналистике и писал статьи для различных газет и журналов. Его первое произведение, сборник эссе об американских писателях, вышло в 1992 году, а первый роман «Hi-Fi» – в 1995 [Раренко, 2006]. Характеризуя собственное творчество, Ник Хорнби сказал, что это его «попытка заполнить пустоту, зияющую между популярным чтивом и литературой для высоколобых» [цит. по: Раренко, 2006, с. 199]. В 2007 году литературное приложение издания «Нью-Йорк таймс» охарактеризовало писателя как английского интеллектуала, виртуозного рассказчика, книги которого ненавязчиво повествуют о современном ему времени, а также о его ценностях. При этом Хорнби не старается слишком философствовать или погружаться в психоанализ. Действительно, как отмечают многие критики, его произведения в основном показывают повседневную жизнь представителей среднего класса, но при этом вся сюжетная линия выстраивается таким образом, чтобы помочь читателям поверить в лучшее в человеке и в возможность торжества традиционных гуманистических принципов [Сидорова, 2010].

Роман «Мой мальчик» (английское название «About a Boy»), вышедший в 1998 году, концентрируется на судьбах двух персонажей – Уилле,

36-летнем холостяке, и Маркусе, 12-летнем школьнике, пути которых случайно пересекаются. Казалось бы, у них совсем мало общего: Уилл в детстве жил в обеспеченной семье, а сейчас отчисления за рождественский хит, созданный его отцом, гарантируют ему безбедное существование. Он не работает и просто наслаждается жизнью по максимуму. Родители Маркуса – представители среднего класса (мать – музыкальный терапевт, отец – социальный работник), которые живут достаточно скромно. Несмотря на отсутствие, на первый взгляд, каких бы то ни было точек соприкосновения, оба персонажа имеют много общего, что постепенно и замечает Уилл:

> But there was more than a whiff of the Freeman household in Fiona's flat: you got ***that same sense of hopelessness and defeat and bewilderment and straightforward lunacy*** (*выделено нами. – Ю. С.*)[1].

В этом описании автор подчеркивает, что, несмотря на разницу социального положения этих двух семей, атмосфера, царившая в их домах, совершенно идентична – она наполнена безысходностью, разбитыми надеждами, неразберихой, психическими проблемами. А это не могло не привести к проблемам с коммуникацией у членов семейств.

БАЗИСНАЯ МЕТАФОРА «ЖИЗНЬ – ИСПЫТАНИЕ / БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ» (*МАРКУС*)

Сходство жизненных обстоятельств в этом аспекте обусловило и одинаковое восприятие жизни у главных персонажей, которое реализуется в базисной метафоре «жизнь – испытание / борьба за выживание». Напрямую она не озвучивается в тексте, но Н. Хорнби подводит читателя именно к такому пониманию.

В случае с Маркусом самыми частотными единицами для описания его повседневной рутины становятся фразы – «to have a hard / shit time», что связано и с буллингом в школе и с проблемами с матерью, страдающей от депрессии.

Помимо просто констатирующих положение дел лексических единиц подобное восприятие мира как борьбы за выживание реализуется и метафорически через разные сферы-источники (термин О. С. Камышевой [Камышева, 2021]), например, «Дикая природа» и «Война / военные действия» у Маркуса.

> ...if they had never met him, Nicky and Mark would have had as much contact with Lee Hartley and the rest of them as ***koala bears*** have with ***piranha fish***. But now, because of him, ***the koala bears had fallen into the sea and the piranhas were taking an interest in them***... But insults were hurled in just the same way as ***missiles***, if you thought about it, and if other people happened ***to be standing in the line of fire*** they ***got hit*** too. That's what had happened with Nicky and Mark: he had made them visible, he ***had turned them into targets***[2] (*Hornby N. About a boy*)[3].

В данном контексте единицы, взятые из сферы-источника «Дикая природа» (*koala bears* и *piranha fish*) и из сферы-источника «Военные действия» (*missiles*, *in the line of fire*, *got hit*, *targets*), показывают рассмотрение повседневной жизни в терминах противостояния и борьбы.

Автор подкрепляет названную базисную метафору не только другими стилистическими приемами, прежде всего сравнениями, которые в данном отрывке вводятся с помощью двойного союза *as... as* и фразы *in just the same way as...*, но и через использование соответствующей лексики в других контекстах, например, *instinct for self-preservation / be eaten alive at school / survival strategies / he survived* (сфера-источник «Дикая природа») и *nuclear option / go nuclear / victim / being tormented* (сфера-источник «Военные действия»). Таким образом, единицы, взятые из этих сфер и используемые метафорически, образуют целую систему выражения «военного» отношения к жизни Маркуса.

Кроме того, аспект, связанный с необходимостью использования оружия для выживания, развивается еще в нескольких отрывках. В них Маркус размышляет о предстоящей поездке к отцу, после того как последний упал, получил довольно болезненные повреждения и вдруг вспомнил о сыне, захотел его увидеть. Мальчик решил взять с собой Элли, которая пообещала, что поможет ему разобраться с отцом. Мысленно Маркус сравнивает Элли с радиоуправляемой ракетой (*a guided missile*), которую он сможет нацелить на эгоистичного родителя. Элли уже выступала в его защиту, и, припоминая эти случаи, Маркус продолжает развивать свою аналогию с оружием и описывает их через слова соответствующей сферы-источника – что он направлял ее на цели, а она их просто уничтожала.

Однако обстоятельства складываются таким образом, что Элли, узнавшая о смерти своего кумира, Курта Кобейна, настолько расстроена, что забывает о своем обещании помочь Маркусу. Увидев, в каком она состоянии, мальчик наконец осознает, что он не может управлять ею, что она неконтролируема, а значит опасна, так как,

[1] Hornby N. About a Boy. London: Penguin Books, 2000. С. 126.

[2] Зд. и далее выделено нами. – *Ю. С.*

[3] В работе приведены примеры из книги: *Hornby N.* About a Boy. London: Penguin Books, 2000.

подобно ракете, она может взорваться в любой момент (*blow up in his face*).

Снова автор рисует осмысление Маркусом повседневных жизненных ситуаций в терминах войны, в его рассуждениях озвучивается мысль, что обладание оружием облегчает жизнь, помогает преодолевать проблемы и в таких случаях даже может приносить радость. Но одновременно он уже начинает осознавать и опасность, связанную с оружием.

БАЗИСНАЯ МЕТАФОРА «ЖИЗНЬ – ИСПЫТАНИЕ / БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ» (УИЛЛ)

В случае с Уиллом та же самая ключевая метафора «жизнь – испытание / борьба за выживание» раскрывается совершенно по-другому, что обусловлено, конечно же, разницей в возрасте и тем, что воспринимается Уиллом как главная опасность в жизни. Для Уилла это – эмоциональная привязанность к другим людям, вовлеченность в их жизнь. Соответственно, чтоб выжить, нужно исключить любую вероятность подобного взаимодействия. При этом через несобственно-прямую речь персонажа автор показывает его размышления о том, что жизнь легка для понимания, так как напоминает простую арифметику – если из почти восьмидесяти миллионов человек вас смогут полюбить (в лучшем случае) двадцать, стоит ли рисковать, ведь шансы явно не в вашу пользу. Уилл считает, что ответ очевиден и очень прост – идти на такой риск глупо.

Уилл, по мнению Л. В. Бондаренко, – еще один вариант типажа «английский чудак» [Бондаренко, 2015]. В своей книге журналист В. В. Овчинников пишет, что «английский образ жизни обладает способностью рождать индивидуалистов, которые не бросают вызов общепринятому порядку, но предпочитают отличаться от других людей какими-то специфическими склонностями или безвредными странностями» [цит. по: Бондаренко, 2015, с. 250]. Уилл подпадает под подобное описание – он сравнивает себя с островом, подчеркивая то, что не нуждается в других людях в эмоциональном плане, он старается общаться только с теми, кто поможет ему весело провести время. Он вообще не задумывается о смысле своей жизни и просто наслаждается каждым ее моментом.

Базисная метафора, описывающая отношение Уилла к миру, объясняется через другие метафоры, в первую очередь: «жизнь – попытки не утонуть / остаться на плаву».

> It wasn't easy, ***floating on the surface of everything***: it took skill and nerve, and when people told you that they were thinking of taking their own life, you could feel yourself ***being dragged under*** with them. ***Keeping your head above water*** was what it was all about, Will reckoned. ...***those who had reasons for living, jobs and relationships and pets, their heads were a long way from the surface anyway***. They ***were wading in the shallow end***, and only a bizarre accident, a freak wave from the wave machine, was going ***to sink them***. But ***Will was struggling. He was way out of his depth***... He ***needed someone buoyant to hang on to; he certainly didn't need a dead weight*** like Fiona... And that was the thing about Rachel: she was buoyant. She could ***keep him afloat*** (*Hornby N. About a boy*).

В данном контексте единицы, взятые из сферы-источника «Плавание», явно делятся на две группы: «ВЕРХ» («*above water*», «*a long way from the surface*») и «НИЗ» («*being dragged under*», «*to sink*»), каждая из которых, как отмечали еще Дж. Лакофф и М. Джонсон, могут использоваться для обозначения счастья (удачи, успеха), либо несчастья (грусти, неудачи), соответственно [Лакофф, Джонсон, 1990]. Эти метафоры четко описывают прагматичный подход Уилла к другим людям – с его точки зрения, они нужны лишь для того, чтобы стать для него своего рода буйками, которые помогут ему оставаться на поверхности. Тех, кто не могут выполнять эту миссию, он вычеркивает из своей жизни.

Автор развивает два аспекта названной метафоры еще в нескольких отрывках. Первый аспект связан с попыткой найти опору, то, что сможет удержать тебя на плаву, для Уилла – это в первую очередь материальные вещи (дорогая одежда, машины, модная мебель, диски и т. д.), которые он объединяет понятием «bubble» – защитным пузырем, спасающим его от реальности.

> You had ***to live in your own bubble***. You ***couldn't force your way into someone else's, because then it wouldn't be a bubble any more***. Will bought his clothes and his CDs and his cars and his Heal's furniture and his drugs for himself, and himself alone; if Fiona couldn't afford these things, and ***didn't have an equivalent bubble of her own***, then that was her lookout (*Hornby N. About a boy*).

Это понятие, в свою очередь, предполагает возведение преграды между собой и другими людьми, существование в мире, созданном исключительно для тебя. Этот аспект метафоры также раскрывается образно через приравнивание Уилла к зрителю, наблюдающему за событиями жизни других людей.

> ...you could just ***peek over the fence at other people's lives*** (*выделено нами* – Ю.С.), as lived in newspapers and *EastEnders* and films and exquisitely sad jazz or tough rap songs (*Hornby N. About a boy*).

Помимо того, что он – зритель на трагичном шоу (*real drama*), устраиваемом другими людьми, он может управлять их миром, по желанию либо закрывать к ним дверь (*shut life out*), либо изредка навещать их (*one of life's visitors*).

Таким образом, благодаря базисной метафоре «жизнь – испытание / борьба за выживание» и ее дальнейшим метафорическим порождениям «жизнь – попытки остаться на плаву / оградить себя защитным пузырем / отстраниться от других людей» автор создает образ достаточно беспринципного, абсолютно не думающего и не заботящегося о других человека, эгоиста, выше всего ценящего свой комфорт и оценивающего собственную крутость по тому, что он может себе позволить купить. Л. В. Бондаренко в качестве базовых характеристик Уилла называет свободу, независимость, игру и самоиронию [Бондаренко, 2015]. При этом, создавая портрет Уилла, Н. Хорнби смешивает авторскую речь и речь самого персонажа, тем самым предоставляя читателям право самостоятельно дать оценку герою.

ТРАНСФОРМАЦИЯ БАЗИСНОЙ МЕТАФОРЫ

По мере развития сюжета мы наблюдаем за трансформацией персонажей, Маркус благодаря Уиллу учится, как увереннее чувствовать себя в обществе сверстников и вписываться в молодежную культуру. Уилл показывает ему, что знание основных моментов массовой культуры создает точки соприкосновения с другими людьми и помогает понимать друг друга. А Уилл благодаря Маркусу открывается другим людям и находит смысл жизни в любви и отношениях. Эта трансформация подчеркивается и сменой метафор, отражающих их представления о мире.

В случае с Маркусом метафоры из сферы-источника «Война / военные действия» заменяются образом, предполагающим взаимодействие, поиск людей, которые смогут оказать тебе поддержку. В разговоре с отцом он сравнивает жизнь с пирамидой в цирке, которая состоит из множества людей, каждый из них стоит на своем месте, пока не найдет себе замены, чтобы создавать опору для тех, кто находится выше – на их плечах. При этом, с точки зрения мальчика, это не обязательно должны быть родители, так как они могут впасть в депрессию, наделать ошибок и уйти, не подумав о том, что лишают зависящего от них человека баланса.

В этой метафорической трактовке жизнь воспринимается как совместное представление, в котором участвует множество партнеров, и их цель – быть опорой для других, придавать им уверенность в том, что они выстоят. Та же мысль передается в конце книги в размышлениях Уилла о Маркусе, где он отмечает его способность «строить мосты» между людьми, создавать причудливые связи между ними.

Такой подход в корне отличается от первоначального, когда Маркус воспринимал остальных либо как хищников, либо как врагов, справиться с которыми можно лишь с помощью оружия.

В случае с Уиллом метафоре «жизнь в пузыре» противопоставляется образ цыпленка, выбравшегося из скорлупы и подвергающегося воздействию окружающего мира. Кроме того, персонаж, наконец, осознает, что никакие материальные ценности не могут выступать в качестве защиты и гарантии безопасности.

> He felt as if he were ***a chick whose egg had been cracked open***, and ***he was outside in the world shivering and unsteady on his feet...*** without so much as a Paul Smith suit or a pair of Raybans to protect him (*Hornby N. About a boy*).

А его первоначальное определение самого себя как зрителя / стороннего наблюдателя сменяется открытием того, что он вовлечен в события как полноправный их участник.

> ...somewhere among the popping cans and the rustling crisp packets ***they seemed to have become a trio***. ... Perhaps you didn't notice that ***you had created a feeling*** until you left it and went back to it, but ***there was a feeling now***... and ***Will could feel that he was inside it, rather than looking at it through a window*** (*Hornby N. About a boy*).

В обоих контекстах с помощью разных лексических средств (в первую очередь предлогов) выстраивается противопоставление согласно оппозиции «ВНУТРИ – СНАРУЖИ». Жизни внутри пузыря (*to live <u>in</u> your own bubble*) противопоставляется выход из защитной скорлупы, из зоны комфорта (*he was <u>outside</u> in the world*). На смену позиции вне человеческого сообщества, за высокой преградой (*peek <u>over</u> the fence*, *shut life <u>out</u>*, *looking at it <u>through</u> a window*) приходит эмоциональная и деятельностная вовлеченность (*he was <u>inside</u> it*). На подобную трансформацию Уилла указывают и другие языковые средства. Например, П. А. Ковалев, рассматривавший интенциональную лексику и ее роль в описании образа Уилла, приходит к выводу, что «наиболее часто встречающиеся семантические компоненты, которые имеются у интенционального глагола в романе "Мой мальчик", – это "нейтральная интенсивность интенции"

и “высокая интенсивность интенции”» [Ковалев, 2021, с. 2478]. С точки зрения ученого, это указывает на то, что в начале книги Уилл отказывается менять свою жизнь, но постепенно его отношение к жизни и к людям претерпевает трансформацию, и он решается стать другим [Ковалев, 2021].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Ник Хорнби в своем романе «Мой мальчик» с помощью использования базисной метафоры и ее развития показывает изменение картины мира главных персонажей. Схематически эта трансформация может быть изображена следующим образом (табл. 1).

На основании рассмотрения базисной метафоры в романе можно заключить, что она объединяет весь текст произведения, придает ему смысловую и образную целостность. Построенные на основе базисной метафоры дальнейшие аналогии, восходящие к различным сферам-источникам, образуют более сложные структуры. Вместе они помогают читателю понять особенности персонажей, их систему воззрений, а также важные для писателя темы и его главный посыл. Активное использование автором базисной метафоры позволяет предположить, что она может быть одним из излюбленных приемов Н. Хорнби, и это, в свою очередь, открывает перспективы для рассмотрения и сравнения метафор в других его текстах.

Таблица 1

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАРТИНЫ МИРА ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

БЫЛО	СТАЛО
МАРКУС: ЖИЗНЬ – ЭТО...	
испытание борьба за выживание военные действия	взаимодействие опора на других построение мостов
УИЛЛ: ЖИЗНЬ – ЭТО...	
испытание борьба за выживание попытки не утонуть пребывание в защитном пузыре возведение преграды между собой и другими людьми	открытость миру вовлеченность в события взаимодействие забота о других выход из зоны комфорта

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Самофалова М. В., Усатенко М. А. Особенности функционирования метафоры (на основе романов Н. Спаркса) // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 91. № 2. С. 93–96.
2. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
3. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 358–386.
4. Маругина Н. И. Ключевая текстовая метафора – механизм моделирования авторской картины мира: к проблеме перевода (на материале повести М. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на английский язык) // Миромоделирование в языке и тексте / ред. З. И. Резанова. Томск: Издательство ТГУ, 2003. С. 117–124.
5. Раренко М. Б. Феномен литературы EASY READING и романы Ника Хорнби // Постмодернизм: что же дальше (Художественная литература на рубеже XX-XXI веков). М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 198–209.
6. Сидорова О. Г. Литература в современном мире (некоторые аспекты творчества Ника Хорнби) // Иноязычный дискурс: проблемы интерпретаций и изучения. (Вопросы романо-германской филологии. Вып. 2). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010. С. 133–141.
7. Камышева О. С. Ключевая метафора рэгтайма и второстепенные метафоры со сферой-источником «Музыка» в романе Э. Л. Доктороу «Рэгтайм» // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (50). С. 250–253.
8. Бондаренко Л. В. Лингвокультурный типаж «английский чудак» в романе Ника Хорнби «Мой мальчик» // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2015. Вып. 33. С. 247–253.

9. Ковалев П. А. Интенциональная лексика и ее роль в описании образа Уилла Фримана, персонажа романа Ника Хорнби «Мой мальчик» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 8. С. 2475–2482.

REFERENCES

1. Samofalova, M. V., Usatenko, M. A. (2022). Peculiarities of the metaphor functioning (based on N. Sparks novels). The Humanities and Social sciences, 91(2), 93–96. (In Russ.)
2. Lakoff, G., Johnson, M. (1990). Metaphors we live by. Theory of metaphor. Moscow: Progress, 387–415. (In Russ.)
3. MakKormak, E. (1990). Cognitive theory of metaphor. Theory of metaphor (pp. 358–386). Moscow: Progress. (In Russ.)
4. Marugina, N. I. (2003). Klyuchevaya tekstovaya metafora – mekhanizm modelirovaniya avtorskoj kartiny mira: k probleme perevoda (na materiale povesti M. Bulgakova «Sobach'e serdce» i ee perevodov na anglijskij yazyk) = The key textual metaphor – the mechanism of modeling the author's worldview: towards the problem of translation (based on the material of M. Bulgakov's novel "The Heart of a Dog" and its translations into English). In Rezanova, Z. I. (Ed.), Miromodelirovanie v yazyke i tekste (pp. 117–124). Tomsk: Tomsk State University Publishing House. (In Russ.)
5. Rarenko, M. B. (2006). Fenomen literatury EASY READING i romany Nika Hornbi = The phenomenon of EASY READING literature and the novels of Nick Hornby. In Postmodernism: what's next (Fiction at the turn of the XX–XXI centuries) (pp. 198–209). Moscow: INION RAN. (In Russ.)
6. Sidorova, O. G. (2010). Literatura v sovremennom mire (nekotorye aspekty tvorchestva Nika Hornbi) = Literature in the modern world (some aspects of Nick Hornby's work). Foreign language discourse: problems of interpretation and study. (Questions of Roman-Germanic philology: issue 2, pp. 133–141). Yekaterinburg: Yekaterinburg State University Publishing House. (In Russ.)
7. Kamysheva, O. S. (2021). The key ragtime metaphor and secondary metaphors with the source sphere "Music" in the novel "Ragtime" by E. L. Doctorow. Journal of Shadrinsk State Pedagogical University, 2(50), 250–253. (In Russ.)
8. Bondarenko, L. V. (2015). The linguocultural type "the English eccentric" in Nick Hornby's novel "About a Boy". Foreign languages: linguistic and methodological aspects, 33, 247–253. (In Russ.)
9. Kovalev, P. A. (2021). Intentional vocabulary and its role in describing the image of Will Freeman, character of Nick Hornby's novel "About a Boy". Philology. Theory and Practice, 14(8), 2475–2482. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапожникова Юлия Львовна
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры английского языка Смоленского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sapozhnikova Yulia Lyvovna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor of the English Chair at Smolensk State University

Статья поступила в редакцию	20.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	12.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.1/.8

Одновременные конструкции как средство выдвижения на первый план в нарративах на русском жестовом языке

Е. В. Филимонова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
Институт языкознания РАН, Москва, Россия
ev.filimonova@list.ru

Аннотация. Целью исследования является выявление особенностей употребления одновременных конструкций и определение их роли в выдвижении ситуаций нарратива на передний план в русском жестовом языке. Исследование проводилось на материале корпуса текстов русского жестового языка. В статье рассматриваются функции одновременных конструкций в нарративах, анализируется роль и функционирование ведущей и вспомогательной руки, а также использование временных и аспектуальных показателей и различных типов предикатов в выявленных одновременных конструкциях. Результаты анализа показывают, что одновременные конструкции выполняют много функций и могут быть использованы как для обозначения ситуаций фона и основной линии, так и для обозначения событий, относящихся только к фону или только к основной линии.

Ключевые слова: русский жестовый язык, одновременные конструкции, нарратив, основная линия, фон

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РНФ №22-18-00120.

Для цитирования: Одновременные конструкции как средство выдвижения на первый план в нарративах на русском жестовом языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 92–98.

Original article

Simultaneous Constructions as a Foregrounding Device in Russian Sign Language Narratives

Elizaveta V. Filimonova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ev.filimonova@list.ru

Abstract. The article studies the role of simultaneous constructions in foregrounding and backgrounding in Russian Sign Language narratives. The research is based on Russian Sign Language corpus data. The article examines functions of the simultaneous constructions in narratives, role and functioning of the dominant hand and the non-dominant hand, use of temporal and aspectual markers and actionality in the found simultaneous constructions in Russian Sign Language narratives. The results of the research demonstrate that simultaneous constructions can be used as foregrounding device but also can describe events that belong only to foreground or only to background.

Keywords: Russian Sign Language, simultaneous constructions, narrative, foreground, background

Acknowledgments: The research is supported by Russian Science Foundation, grant №22-18-00120.

For citation: Filimonova E.V. Simultaneous constructions as a foregrounding device in Russian Sign Language narratives. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 92–98. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследование посвящено функционированию одновременных конструкций в нарративах на русском жестовом языке и их роли в выдвижении клауз на передний план нарратива. Нарративом считают текст, характеризующийся последовательным изложением событий [Longacre, 1996]. В нарративах выделяют первый план (основную линию) и фон. События, относящиеся к основной линии, продвигают историю вперед, тогда как ситуации, принадлежащие фону нарратива, поддерживают, комментируют и развивают основное повествование [Hopper, Thompson, 1980; Longacre, 1996].

В нашем предыдущем исследовании было показано, какую роль аспектуальные и временные показатели играют в последовательных конструкциях в нарративах на русском жестовом языке. Корпусный анализ нарративов русского жестового языка показал, что временные и аспектуальные показатели не могут последовательно использоваться для обозначения ситуаций основной линии и фона, так как не являются строго обязательными, однако могут указывать на пик нарратива или выпадение ситуаций из нарративной цепочки. Более последовательно используются акциональные типы предиката: ситуации основной линии обозначаются предикатами со значением событий и предельных процессов, ситуации фона — предикатами со значением процессов и состояний. Кроме того, используются специфические для языка визуально-кинетической модальности средства выдвижения на первый план: немануальные маркеры, такие особенности исполнения глагольного жеста, как амплитуда, наличие повтора, длительности [Филимонова, 2023].

При этом в зарубежных исследованиях, посвященных жестовым языкам, как средство выдвижения на передний план в нарративах в первую очередь упоминаются одновременные конструкции, представляющие собой исполнение разных жестов одновременно разными независимыми артикуляторами[1] [Miller, 1994; Engberg-Pedersen, 1994]. Эта особенность жестовых языков обусловлена использованием двух независимых мануальных артикуляторов, а также немануальных артикуляторов (лицо, тело).

Структура дискурса в русском жестовом языке была предметом интереса лингвистов [Прозорова, 2009; Kimmelman, 2014], однако нарративы в русском жестовом языке практически не изучались, в том числе и с точки зрения основной линии нарратива и фона.

Одновременные конструкции рассматривались в различных жестовых языках в рамках фигуры и фона [Supalla, 1982], основной линии и фона [Engberg-Pedersen, 1994; Nyst, 2007], социолингвистических аспектов жестовых языков [Leeson, Saeed, 2004], информационной структуры [Kimmelman, 2014], одновременного таксиса [Dushkina, 2019]. Исследователи затрагивают такие аспекты одновременных конструкций, как фонологические характеристики жестов, принимающих в них участие, роль и функционирование мануальных артикуляторов, а также характеристики носителей, использующих такие конструкции.

К. Миллер дает определение одновременной конструкции: «Distinct lexical elements are produced independently and simultaneously in autonomous channels, and these elements are bound together in some kind of syntactic relationship» («Разные лексические элементы исполняются одновременно и независимо по различным каналам, при этом эти элементы связаны синтаксическими отношениями»[2]) [Miller, 1994]. Жесты могут исполняться разными руками как полноценные жесты со всеми компонентами, включая движение, но чаще одна рука удерживает жест, пока другая выполняет жест с движением (или даже серию жестов): для описания такого поведения вспомогательной руки используется термин «weak hand holds» («удержания слабой руки») [Kimmelman, 2014, с. 36–37].

К. Миллер, привлекая материал разных жестовых языков, выделяет 5 видов одновременных конструкций: 1) два жеста исполняются одновременно разными руками; 2) одна рука удерживается, пока другая выполняет серию жестов; 3) конструкции типа «топик + коммент»; 4) перечисление списка; 5) локативные позиции аргументов [Miller, 1994]. Г. Л. Зайцева отмечает, что в РЖЯ помимо пространственных отношений одновременными конструкциями могут передаваться атрибутивные, причинно-следственные отношения [Зайцева, 2000].

Э. Энгберг-Педерсен указывает на роль ведущей и вспомогательной руки в одновременных конструкциях. Ведущая рука в жестовых языках обычно исполняет жест, если он является одноручным, или выполняет движение, если жест двуручный несимметричный (вспомогательная рука в таком случае не движется и служит местом артикуляции). Центральная информация об истории (принадлежащая к основной линии) передается ведущей рукой [Engberg-Pedersen, 1994]. К. Эммори указывает на то, что во время исполнения одновременных конструкций может двигаться только одна рука [Emmorey, 2001]. В. Душкина, рассматривая одновременные конструкции как средство передачи одновременного таксиса в РЖЯ, отмечает, что одновременное

[1]Органы или части тела, которые участвуют в образовании речи.

[2]Перевод наш. — *Е. Ф.*

движение обеих рук, исполняющих разные жесты, возможно, но в очень редких случаях (например, жесты ЕСТЬ и ПИСАТЬ.СМС, исполняемые разными мануальными артикуляторами) [Dushkina, 2019]. К. Ратманн указывает на то, что в случае, если две одновременных ситуации включают одушевленных участников, то по крайней мере один одушевленный участник должен быть общим для обеих ситуаций. Таким образом, одновременная конструкция возможна в контексте «пока я вел машину, мой друг постоянно стучал мне по плечу» (в разных ситуациях один участник выступает как агенс и как пациенс), но невозможна в контексте «пока я готовил, мой друг читал газеты» [Rathmann, 2005, с. 246].

Исследования одновременных конструкций также показывают, что они используются различными носителями жестовых языков неодинаково. Дети и люди, изучающие жестовый язык как иностранный, употребляют гораздо меньше одновременных конструкций, чем взрослые носители жестовых языков [Loos, German, Meier, 2022]. При этом носители языка, у которых есть глухие родственники, употребляют в речи больше одновременных конструкций, чем те, у которых их нет [Leeson, Saeed, 2004].

В задачи данного исследования входит поиск и сбор одновременных конструкций на русском жестовом языке в нарративах, входящих в корпус текстов русского жестового языка, и анализ полученного материала с точки зрения функционирования ведущей и вспомогательной руки, акциональных типов предиката и аспектуальных показателей в данных конструкциях и роли этих конструкций в обозначении ситуаций основной линии и фона.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили нарративные тексты из корпуса текстов русского жестового языка[1]. Корпус текстов русского жестового языка содержит различные типы текстов (нарративы, диалоги, анкеты и т. п.) от носителей РЖЯ из различных регионов России, включает глухих и слабослышащих разного пола и возраста.

Всего было проанализировано 64 нарратива, в 39 из них обнаружилось 149 одновременных конструкций; остальные не содержали одновременных конструкций. Далее они были проанализированы с точки зрения типов обнаруженных конструкций, их роли в основной линии и фоне, фонологических характеристик, субъекта ситуации, роли мануальных артикуляторов, акциональных типов предикатов и аспектуальных показателей.

[1]Буркова С.И. Корпус русского жестового языка / Руководитель проекта С. И. Буркова. Новосибирск, 2012– 2015. URL: http://rsl.nstu.ru/

ОДНОВРЕМЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В НАРРАТИВАХ НА РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

Роль одновременных конструкций в разграничении ситуаций основной линии и фона

Обнаруженные одновременные конструкции могут описывать различные ситуации. Некоторые из них можно рассматривать как противопоставление основной линии и фона. Так, в ситуации 1 показано положение участников ситуации, и этот жест удерживается, когда далее описывается совершаемое ими действие. В ситуации 2 показано расположение стола и далее действие и расположение субъекта ситуации. В ситуации 3 с помощью одновременной конструкции противопоставляется то, что субъект говорит, и то, что он думает. В ситуации 4 показано, что субъект ситуации делает и что он одновременно думает.

1. ПР: ВРАЧ CLF:МНОЖЕСТВО.СТОЯТЬ[2] МОЛЧАТЬ
   ЛР: ВРАЧ CLF:МНОЖЕСТВО.СТОЯТЬ_____[3]
   ‘Врачи стоят и молчат’[4].

2. ПР: СТОЛ Я СИДЕТЬ
   ЛР: СТОЛ_____
   ‘Там стол, я за ним сижу’[5].

3. ПР: НОРМАЛЬНО ДУМАТЬ ТЕРПЕТЬ
   ЛР: НОРМАЛЬНО_____
   ‘[Говорю]: «Нормально», — а сама думаю: терплю’[6].

4. ПР: CLF:МНОЖЕСТВО ИНТЕРЕСНО СЛУЧИТЬСЯ ЧТО CLF:МНОЖЕСТВО
   ЛР: CLF:МНОЖЕСТВО_____
   ‘Люди стоят и думают: интересно, что случилось?’

Однако некоторые одновременные конструкции можно отнести полностью к описанию либо фона, либо основной линии. Например, в ситуации 5 задается *сеттинг* истории, а в ситуации 6 жесты, исполняемые одновременно разными руками с удерживанием, описывают последовательные действия, продвигающие историю вперед. В ситуации 7 одновременная конструкция представляет собой сложное предложение с придаточным изъяснительным.

[2]Условные обозначения в глоссах: INDX — указательный жест; CLF — классификатор; K-M — передача слов с помощью дактиля; ПР — правая рука, ЛР — левая рука.

[3]Чертой обозначается длительность удержания жеста.

[4]Видео доступно в корпусе: http://rsl.nstu.ru/data/view/id/220/t/143630/d/146200.

[5]URL: http://rsl.nstu.ru/data/view/id/368/t/13510/d/14340

[6] URL: http://rsl.nstu.ru/data/view/id/299/t/170395/d/172195

5. ПР: МЕСТО ЯКУТИЯ МЕСТО РЕКА INDX БЫЛО
ЛР: МЕСТО_____
'Там место в Якутии, рядом с рекой'[1].

6. ПР: ОТКРЫТЬ.ДВЕРЦУ ЗАКРЫТЬ.ДВЕРЦУ
ЛР: ДОСТАТЬ.БУТЫЛКУ
'Открыл дверцу [шкафа], достал бутылку, закрыл дверцу'[2].

7. ПР: МОЛИТЬСЯ ДУМАТЬ НЕ ИГРАТЬ
ЛР: МОЛИТЬСЯ_____
'Я думала, что они молятся, не играют'[3].

Одновременные конструкции могут описывать действия, выполняемые как одним субъектом: например, в ситуации 8 человек одновременно жует и подпирает голову рукой, так и разными: в ситуации 9 герой истории смотрит на то, как другие люди заносят мебель в дом. При этом 70 % конструкций с двумя глаголами описывают действия, совершаемые одним субъектом, а не разными. Большинство одновременных конструкций в наших данных, содержащих два глагольных жеста, представляет собой описание позы, положения или удержания предмета во время выполнения основного действия. Материал РЖЯ также подтверждает гипотезу К. Ратманна: ситуации с одушевленными участниками имеют по крайней мере одного общего участника.

8. ПР: ЖЕВАТЬ_____
ЛР: ПОДПЕРЕТЬ.ГОЛОВУ.РУКОЙ
'Жует, подперев голову рукой'[4].

9. ПР: НЕСТИ СМОТРЕТЬ НЕСТИ
ЛР: НЕСТИ_____
'Смотрит, как заносят [мебель]'.

Таким образом, результаты анализа показывают, что в отношении основной линии и фона одновременные конструкции используются не только для выдвижения одной ситуации на фоне другой, но и для описания фона нарратива, и для описания последовательных действий, принадлежащих к основной линии повествования.

РОЛЬ ВЕДУЩЕЙ И ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ РУКИ

Результаты анализа показали, что жест, принадлежащий к основной линии нарратива, в подавляющем большинстве случаев исполняется ведущей рукой. Судя по корпусным данным, мануальные артикуляторы, исполняющие разные жесты, не выполняют движение одновременно, т. е. одновременные конструкции выполняются с удержанием вспомогательной руки. Вспомогательная рука может двигаться до того, как начинается жест, исполняемый ведущей рукой. Если жест, принадлежащий к фону нарратива, двуручный, то обе руки выполняют движение, пока не начинается исполнение другого жеста ведущей рукой, вспомогательная рука в это время удерживает предыдущий жест неподвижно (ситуация 10). Обе руки или вспомогательная рука могут начать двигаться снова, но в таком случае ведущая рука утрачивает движение или жест превращается обратно в двуручный (ситуация 11).

10. ПР: ВЕСТИ.МАШИНА МУЖЧИНА ВТОРОЙ ТУАЛЕТ ТЕРПЕТЬ НУЖНО
ЛР: ВЕСТИ.МАШИНА_____
'[Мужчина] ведет машину, второй мужчина [хочет] в туалет, нужно терпеть'[5].

11. ПР: СКАКАТЬ ИНТЕРЕСНО Ф-У СКАКАТЬ Ф-У-Ф-У СКАКАТЬ
ЛР: СКАКАТЬ_____
'Скачет [на лошади], интересно, [сказал] «фу», скачет быстрее, [сказал] «фу-фу», скачет еще быстрее'[6].

В полученных данных есть 5 примеров, где вспомогательная рука исполняет жесты основной линии нарратива: в таком случае она берет на себя роль ведущей руки (ситуации 12–13). Смена ведущей руки на коротких отрезках дискурса нередко встречается в жестовых языках [Vaid, Bellugi, Poizner, 1989, с. 954].

12. ПР: CLF:ДЕРЖАТЬ.РАСПЫЛИТЕЛЬ
ЛР: ОТКРЫТЬ.ДВЕРЬ
'Держа в руке распылитель, открыл дверь'[7].

13. ПР: CLF:ДЕРЖАТЬ.БИЛЕТ_____
ЛР: ОСКОРБЛЯТЬ
'[Бабка] держит в руке билет и оскорбляет [мужчину]'[8].

ТИПЫ ПРЕДИКАТА И АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

В одновременных конструкциях могут использоваться жесты, представляющие собой различные акциональные типы предикатов. Например,

[1] URL: http://rsl.nstu.ru/data/view/id/49/t/14120/d/21050
[2] URL: http://rsl.nstu.ru/data/view/id/182/t/63920/d/68640
[3] URL: http://rsl.nstu.ru/data/view/id/356/t/458650/d/459450
[4] URL: http://rsl.nstu.ru/data/view/id/226/t/49775/d/54235
[5] URL: http://rsl.nstu.ru/data/view/id/222/t/74938/d/78326
[6] URL: http://rsl.nstu.ru/data/view/id/67/t/50590/d/59190
[7] URL: http://rsl.nstu.ru/data/view/id/15/t/41453/d/48203
[8] URL: http://rsl.nstu.ru/data/view/id/282/t/104540/d/107980

в ситуации 14 два процесса одновременно — *барахтаться в воде* и *думать*, в ситуации 15 состояние и событие — *спать* и *ударить*.

14. ПР: БАРАХТАТЬСЯ Я ДУМАТЬ ЖИТЬ КОНЕЦ
    ЛР: БАРАХТАТЬСЯ_____
    'Барахтаюсь и думаю: все, конец'[1].

15. ПР: СПАТЬ МУХА.СЕСТЬ ХЛОП УДАРИТЬ
    ЛР: СПАТЬ_____
    'Сплю, на меня села муха, я ударил'[2].

Судя по полученным данным, одновременное исполнение двух предикатов со значением события с удержанием вспомогательной руки не будет означать одновременности этих ситуаций, это будет описание последовательных действий (ситуация 16).

16. ПР: ОТКРЫТЬ.ЯЩИК____
    ЛР: БРОСИТЬ
    'Открыла ящик и бросила туда шоколадку'[3].

Можно предположить, что в некоторых случаях удержание жеста может менять тип предиката. Так, жест, принадлежащий к событиям, при удержании обозначает уже результирующее состояние, возникшее в результате этого события. Например, в ситуации 17 после двуручного жеста ДВЕРИ.ОТКРЫТЬ, выполненного движением, вспомогательная рука удерживает жест неподвижно, и получается предложение, которое можно перевести как 'водитель говорит мне через открытую дверь, я не слышу'. В ситуации 18 классификаторный жест МНОЖЕСТВО иконически изображает, как люди рассаживаются по местам, потом удерживается неподвижно, изображая ситуацию сидения, что можно перевести как 'школьники расселись, сидят и учатся'.

17. ПР: ДВЕРИ.ОТКРЫТЬ Я ПРИМЕРНО INDX ГОВОРИТЬ СЛЫШАТЬ НЕ
    ЛР: ДВЕРИ.ОТКРЫТЬ_____
    '[Водитель автобуса] открыл двери и говорит [со мной], я не слышу'[4].

18. ПР: CLF:МНОЖЕСТВО.РАССЕСТЬСЯ УЧИТЬСЯ
    ЛР: CLF:МНОЖЕСТВО.РАССЕСТЬСЯ_____
    'Школьники расселись, сидят и учатся'[5].

Показатель перфектива УЖЕ/ВСЁ и показатель прошедшего времени БЫЛО практически не употребляются в одновременных конструкциях. Есть только два примера, где употребляется показатель прошедшего времени БЫЛО (ситуация 19). Помимо отсылки к событиям нарратива, происходившим ранее, жест было в данном случае также употребляется и для повышения достоверности высказывания, для придания значения 'я же точно говорила'.

19. ПР: БЫЛО ЗВАТЬ
    ЛР: CLF:ДЕРЖАТЬ.МИКРОФОН
    'Я же звала по микрофону'[6].

Таким образом, результаты исследования показывают, что одновременные конструкции имеют ограничения в своем употреблении, связанные с функционированием ведущей / вспомогательной руки, типом предиката, одушевленностью участников ситуации, социолингвистическими факторами, и помимо обозначения ситуаций основной линии и фона могут описывать ситуации, принадлежащие только к фону или только к основной линии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что одновременные конструкции используются для обозначения ситуаций основной линии и фона, но не ограничены только этой функцией: они могут описывать и ситуации фона, и последовательные ситуации основной линии. К тому же их функционирование связано с множеством ограничений. 40 % проанализированных текстов из корпуса не содержат одновременных конструкций, для обозначения ситуаций основной линии и фона в них используются акциональные типы предиката, изменение исполнения глагольного жеста и немануальные маркеры. Учитывая вышесказанное, одновременные конструкции нельзя назвать основным и специфическим способом выдвижения на передний план в нарративах на русском жестовом языке. Функционирование одновременных конструкций в русском жестовом языке также обнаруживает много сходств с другими жестовыми языками, что позволяет предполагать, что их использование и ограничения, с ними связанные, могут быть универсальны для жестовых языков.

[1] http://rsl.nstu.ru/data/view/id/370/t/62400/d/62760
[2] http://rsl.nstu.ru/data/view/id/15/t/14025/d/16110
[3] http://rsl.nstu.ru/data/view/id/366/t/232090/d/234980
[4] http://rsl.nstu.ru/data/view/id/198/t/748210/d/749060
[5] http://rsl.nstu.ru/data/view/id/66/t/7140/d/8970
[6] http://rsl.nstu.ru/data/view/id/255/t/148450/d/150100

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Longacre R. The Grammar of Discourse. New York: Springer Science & Business Media, 1996.
2. Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse. Language. Vol. 56 (2). 1980. P. 251–299.
3. Филимонова Е.В. Основная линия и фон в нарративах в русском жестовом языке: роль аспектуальности и акциональности. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии // По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2023). Том 22. 2023а. С. 69–78.
4. Miller C. Simultaneous constructions in Quebec Sign Language // Proceedings of the Perspectives on Sign Language Structure: Papers from the 5th International Symposium on Sign Language Research / Ed. by I. Ahlgren, B. Bergman, M. Brennan. 1994. P. 89–112.
5. Engberg-Pedersen E. Some simultaneous constructions in Danish Sign Language // Word-order Issues in Sign Language: working papers / Ed. by M. Brennan, G. Turner. 1994. P. 73–88.
6. Прозорова Е.В. Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке: дис. … канд. филол. наук. М., 2009.
7. Kimmelman V. Information Structure in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands. Amsterdam, 2014.
8. Supalla T. Structure and acquisition of verbs of motion and location in American Sign Language. San Diego, CA: University of California, 1982.
9. Nyst V. Simultaneous constructions in Adamorobe Sign Language (Ghana) // Simultaneity in signed languages / Ed. by M. Vermeerbergen, L. Leeson, O. Crasborn. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2007. P. 127–145.
10. Leeson L., Saeed J. I. Windowing of attention in simultaneous constructions in Irish Sign Language (ISL) // Proceedings of the Fifth Meeting of the High Desert Linguistics Society. 2004. P. 1–18.
11. Dushkina V. Simultaneity in polypredicative constructions in Russian Sign Language. Higher School of Economics Research, 2019.
12. Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: ВЛАДОС, 2000.
13. Emmorey K. Language, cognition, and the brain: Insights from sign language research. Psychology Press, 2001.
14. Rathmann C. Event Structure in American Sign Language. Ph.D. thesis. Austin: The University of Texas, 2005.
15. Loos C., German, Meier I. Simultaneous structures in sign languages: Acquisition and emergence. Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.992589.
16. Vaid J., Bellugi U., Poizner H. Hand Dominance for Signing: Clues to Brain Lateralization of Language. Neuropsychologia. T. 27. Вып. 7. 1989. P. 949–960.

REFERENCES

1. Longacre, R. (1996). The Grammar of Discourse. New York: Springer Science & Business Media.
2. Hopper, P., Thompson, S. (1980). Transitivity in grammar and discourse. Language, 56(2), 251–299.
3. Filimonova, E. V. (2023). Osnovnaya liniya i fon v narrativakh v russkom zhestovom yazyke: rol' aspektual'nosti i aktsional'nosti = Foreground and background in Russian Sign Language narratives: the role of aspect and actionality. In Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog", 22, 69–78. (In Russ.)
4. Miller, C. (1994). Simultaneous constructions in Quebec Sign Language. In Ahlgren, I., Bergman, B., Brennan, M. (Eds.), Proceedings of the Perspectives on Sign Language Structure (pp. 89–112): Papers from the 5th International Symposium on Sign Language Research.
5. Engberg-Pedersen, E. (1994). Some simultaneous constructions in Danish Sign Language. In Brennan, M., Turner, G. (Eds.), Word-order Issues in Sign Language (pp. 73–88): working papers.
6. Prozorova, E. V. (2009). Markery lokal'noĭ struktury diskursa v russkom zhestovom yazyke = Markers of local discourse structure: PhD thesis. Moscow. (In Russ.)
7. Kimmelman, V. (2014). Information Structure in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands. Amsterdam.
8. Supalla, T. (1982). Structure and acquisition of verbs of motion and location in American Sign Language. San Diego, CA: University of California.
9. Nyst, V. (2007). Simultaneous constructions in Adamorobe Sign Language (Ghana). In Vermeerbergen, M., Leeson, L., Crasborn, O. (Eds.), Simultaneity in signed languages (pp. 127–145). Amsterdam, Philadelphia: Benjamins.

10. Leeson, L., Saeed, J. I. (2004). Windowing of attention in simultaneous constructions in Irish Sign Language (ISL). In Proceedings of the Fifth Meeting of the High Desert Linguistics Society (pp. 1–18).
11. Dushkina, V. (2019). Simultaneity in polypredicative constructions in Russian Sign Language. Higher School of Economics Research.
12. Zaĭtseva, G. L. (2000). Zhestovaya rech'. Daktilologiya = Sign speech. Dactylology: study book for university students. Moscow.
13. Emmorey, K. (2001). Language, cognition, and the brain: Insights from sign language research. Psychology Press.
14. Rathmann, C. (2005). Event Structure in American Sign Language. Ph.D. thesis. Austin: The University of Texas.
15. Loos, C., German, Meier I. (2022). Simultaneous structures in sign languages: Acquisition and emergence. Frontiers in Psychology, 13. 10.3389/fpsyg.2022.992589.
16. Vaid, J., Bellugi, U., Poizner, H. (1989). Hand Dominance for Signing: Clues to Brain Lateralization of Language. Neuropsychologia, 27(7), 949–960.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филимонова Елизавета Владимировна
кандидат филологических наук
научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета
младший научный сотрудник Института языкознания РАН

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Filimonova Elizaveta Vladimirovna
PhD (Philology)
Researcher, Russian State University for the Humanities
junior researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	05.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	02.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.113.6

Функции *så* в шведском языке – ‘так’ и не только

Е. М. Чекалина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
etch1@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования является комплексный контекстуальный анализ семантики и функционирования шведского слова *så*, в задачи которого входит выявление синтаксических критериев, определяющих его функционально-семантический потенциал. С адвербиальной семантикой *så* употребляется в функциях обстоятельства степени качества и количества, а также образа действия. Как служебное слово *så* может употребляться в функции подчинительного союза следствия (реже причины) в сочетании с *att* или самостоятельно, а также сочинительного присоединительного союза. Кроме того, *så* используется как дискурсивное слово, маркирующее начало рематической части в высказываниях с инверсией при постановке распространенного обстоятельства в позицию темы, а также как усилительная частицы и междометие.

Ключевые слова: шведский язык, полифункциональные слова, анафорическое местоимение, обстоятельство степени качества, обстоятельство образа действия, союз, дискурсивный маркер, частица, междометие

Для цитирования: Чекалина Е. М. Функции ‘så’ в шведском языке – ‘так’ и не только // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 99–107.

Original article

Functions of ‘så’ in Swedish – ‘so’ and Much More

Elena M. Chekalina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
etch1@yandex.ru

Abstract. The research aims at a complex analysis of the semantic and functional properties of the Swedish word *så*. The task of the research is to discover the syntactic criteria which define its functional and semantic potential. When used adverbially, *så* functions as degree, extent and manner adjunct. As a syncategorematic word *så* can serve as a subordinating conjunction of consequence (less often of reason) in combination with *att* or on its own, but also as a coordinating copulative conjunction. Additionally, *så* is used as a discourse word, marking the beginning of the rhematic part of utterances containing an inversion with the placement of an expanded adjunct in the thematic position, as well as a reinforcing particle and an interjection.

Keywords: Swedish, polyfunctional words, an anaforic pronoun, a degree adjunct, a manner adjunct, a conjunction, a discourse marker, a particle, an interjection

For citation: Chekalina, E. M. (2024). Functions of ‘så’ in Swedish – ‘so’ and much more. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 99–107. (In Russ.)

Вы думаете, всё так просто?
Да, всё просто. Но совсем не так.

Альберт Эйнштейн

ВВЕДЕНИЕ

Среди полифункциональных лексем с адвербиальной семантикой в шведском языке особое место занимает слово *så*, описанию семантики и синтаксических функций которого посвящена предлагаемая статья. Актуальность исследования определяется теоретической и практической важностью полифункциональности и многозначности в изучении и преподавании иностранных языков [Гвишиани, 2019; Панков, 2004; Панков, 2018; Матишина, 2024]. Научная новизна предлагаемого в статье подхода обусловлена тем, что описание семантики и дистрибуции *så* впервые проводится на основе синтаксических критериев дедуктивным методом комплексного контекстуального анализа. В небольшой статье, опубликованной в научно-популярном журнале о языке «Språktidningen», современный шведский языковед Сара Лёвестам называет это слово, состоящее всего из двух букв, «грамматически безграничным», выделяя 8–9 различных случаев его употребления [Lövestam, 2019]. В ударной позиции *så* употребляется как местоименное наречие с анафорической или дейктической функцией, а при утрате динамического ударения используется как союз, проявляя в обоих случаях широкую функциональную вариативность. В статье рассматриваются примеры из произведений шведской художественной литературы последней четверти XX – начала XXI века, переведенных на русский язык и включенных в Национальный корпус русского языка. Полученные результаты могут использоваться в преподавании теоретической и практической грамматики современного шведского языка, одной из основополагающих особенностей которого являются порядок слов и синтаксическая позиция.

В «Шведской академической грамматике» *så* относится к логико-семантическому разряду соотносительных (relationella) местоименных наречий, которые выражают вербальную или ситуативную соотнесенность с содержанием другого высказывания [Teleman, Hellberg, Andersson, 1999, с. 666]. При этом в зависимости от контекста оно может выступать как в обстоятельственной функции образа действия, так и со значением степени проявления признака.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО СТЕПЕНИ КАЧЕСТВА ИЛИ КОЛИЧЕСТВА ПРИЗНАКА

В этой функции *så* употребляется в препозиции к качественному прилагательному или наречию, образуя в сочетании с ними один член предложения:

> På tåget förefaller mig livet så långt (*M. Gripe. Skugg-gömman. 1988*). – В поезде жизнь кажется мне такой длинной[1].

> De hade undrat varför han blev trött så snabbt och varför han hade så ont i ryggen (*K. Ohlsson. Glasbarnen. 2013*). – Они тогда удивлялись, почему он так быстро устаёт и почему у него так болит спина.

В экспрессивных высказываниях при выражении высокой степени проявления признака *så* приобретает дейктическую функцию:

> Gud så trött hon var (*M. Fredriksson. Anna, Hanna och Johanna. 1994*). – Господи, как же она устала.

> De var tysta. Aldrig hade de varit så tysta (*K. Ohlsson. Glasbarnen. 2013*). – Они молчали. Никогда прежде не были они такими молчаливыми.

В разговорной речи дейктическая функция маркируется сочетанием с указательным местоимением *här*:

> Det kan behövas när det är så här kallt (*U. Stark. En liten bok om kärlek. 2015*). – Это может понадобиться, когда так холодно.

Экспрессивность высказываний с *så* особенно ярко проявляется при усилении степени проявления качества стилистически маркированными оценочными наречиями, выражающими интенсивность признака с точки зрения говорящего:

> Det är så förfärligt förtvivlat enkelt att misslyckas med att vara vuxen (*F. Backman. Folk med ångest. 2019*). – Так ужасно безнадежно просто потерпеть неудачу, будучи взрослым.

> Ibland får vi ont, så frukansvärt ont (*F. Backman. Folk med ångest. 2019*). – Иногда нам становится больно, так ужасно больно.

> På våren ska alla vara så glada, så outhärdligt lyckliga (*K. Kieri. Dansar Elias? Nej. 2004*). – Весной все должны быть такими радостными, такими невыносимо счастливыми.

[1]Зд. и далее перевод наш. – *Е. Ч.*

При употреблении с отрицанием, напротив, выражается незначительная степень проявления признака:

Skolan är inte så rolig (*M. Florin. Syskonen. 1998*). – В школе не так уж весело.

Det var inte så lätt att veta (*L. Gustafsson. En kakelsättares eftermiddag. 1991*). – Знать это было не так легко.

Как видно из приведенных примеров, в высказываниях с отрицанием нередко содержится прагматический оттенок возражения или сомнения.

При выражении высокой степени проявления признака возможно употребление *så* с количественными местоимениями *många*, *mycket* (*много*) и *lite*(*t*) (*мало*):

Så många stationer jag passerade, så mycket jag mötte, så mycket jag svek (*G. Tunström. Ökenbrevet. 1978*). – Как много станций я миновал, как много я встретил, как много я покинул.

Trettio ord. Så lite det är (*A. Thor. Havets djup. 1998*). – Тридцать слов. Как это мало.

При выражении высокой степени проявления признака *så* может употребляться в составе опорного словосочетания с качественным прилагательным или наречием в главной части СПП перед изъяснительными придаточными, вводимыми союзом *att*:

I Blåvik, där jag bor, kan det bli så kallt på vintern att skeppens segel fryser i luften (*F. Nilsson. Ishavspirater. 2015*). – В Синей бухте, где я живу, зимой может быть так холодно, что паруса кораблей заледеневают от мороза.

Rösten i luren var så hög och entusiastisk att jag kunde höra den (*I. Ederfeldt. Skönheten och odjuret. 1995*). – Голос в трубке был таким громким и оживленным, что я мог слышать его.

В придаточных изъяснительных нередко содержится ограничительное наречие *nästan* (*почти*), которое относится к предикату; в таком случае придаточное приобретает дополнительный оттенок следствия:

Han talade så tyst att han nästan viskade (*M. Gripe. Tordyveln flyger i skymningen... 1978*). – Он говорил так тихо, что почти переходил на шепот.

Kunden var så tacksam att hon nästan grät (*M. Hermanson. Hembiträdet. 2004*). – Заказчица была так благодарна, что чуть не плакала.

В таких случаях в придаточной части нередко содержится отрицание:

Det var så mörkt att man nästan inte längre kunde se trädkronorna (*L. Gustafsson. En biodlares död. 1978*). – Было так темно, что вершин деревьев почти не было видно.

В обиходно-разговорной речи встречается также употребление *så* вместо *att* в функции подчинительного союза:

Det var så tungt så jag nästan tappade det på tårna (*U. Stark. Dårfinkar och dönickar. 2002*). – Он был таким тяжелым, что я чуть не уронил его на пальцы ног.

Можно предположить, что «повторное» употребление *så* является результатом синтаксической аттракции.

При выражении степени проявления признака *så* может также употребляться в препозиции к опорному слову в СПП с придаточными сравнения, вводимыми союзом *som*; при этом в главной части сложноподчиненного предложения часто содержится отрицание:

Det är inte så sorgligt som du tror (*M. Hermanson. Hembiträdet. 2004*). – Это не так печально, как ты думаешь.

В контекстах без отрицания союз *som* обычно опускается; при этом в придаточной части содержится тот же грамматический субъект, что и в главной, а в состав предиката обязательно входит модальный глагол *kunna*. В таких случаях синтаксическая структура СПП с придаточным сравнения приобретает экспрессивную функцию и служит для выражения крайне высокой степени проявления признака:

Britt-Marie ler så socialt hon kan (*F. Backman. Britt-Marie var här. 2014*). – Бритт-Мари улыбается как можно более социализированно.

Jag satt på kanten och betraktade henne så kallsinnigt jag bara kunde (*K. Östergren. Gangsters. 2005*). – Я сидел на краю и смотрел на нее, насколько мог, безразлично.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ

При самостоятельном употреблении в анафорической функции *så* обычно содержит указание на способ осуществления действия, названный в предыдущем высказывании:

Materien underkastas glödandet, vitnandet, mjuknandet, så omvandlas dess varande-former (*B. Trotzig. Smeden. 1998*). – Материя испытывает красное каление, потом белое, становится мягкой, так меняются формы ее бытия.

В других случаях содержание образа действия раскрывается в ближайшем следующем после *så* контексте в виде парцелляции адвербиального словосочетания или эллипсиса грамматического субъекта:

Det gick några sekunder och vi stod så. Med blickarna låsta i varandra (*J. Jägerfeld. Här ligger jag och blöder. 2010*). – Несколько секунд мы так и стояли. Не сводя друг с друга глаз.

Det var ju många som gjorde så på den tiden. Grävde ned sina saker (*D. Watin. Herr Isakovitz skatt. 2014*). – Многие ведь делали так в то время. Закапывали свои вещи.

В анафорической функции наречие может помещаться в начало высказывания:

Så levde de sina liv, sida vid sida, aldrig ensamma, alltid förenade (*N. Wähä. Testamente. 2019*). – Так они и жили всю жизнь, бок о бок, никогда в одиночку, всегда вместе.

При соотнесенности с бытийными предложениями с глаголом *vara så* выражает способ осуществления ситуации в целом:

Det är kallt och jävligt, det bara är så, det behöver inte vara på något annat sätt (*K. Kieri. Dansar Elias? Nej. 2004*). – Холодно и мерзко, так оно и есть, по-другому быть не может.

Om sommaren var vattnet kallt, om vintern varmt. Herren hade velat det så (*G. Tunström. Ökenbrevet. 1978*). – Летом вода была холодная, зимой теплая. Так захотел Господь.

В обиходно-разговорной речи дейктическая функция *så* может усиливаться сочетанием с наречием *här* (*здесь*):

Är det så här det känns, tänkte han? Är det så här dom menar? (*J. Karlsson. Brevet. 2009*) – Значит, это так чувствуют? – подумал он. Значит, это они имеют в виду?

При постановке в инициальную позицию *så* может утрачивать семантику образа действия и приобретать связочную функцию, вводя высказывание, которое является итогом предшествующей ситуации в целом:

Så förblev de en stund orörliga (*T. Lindgren. Bat Seba. 1984*). – Так на мгновение они оставались неподвижными.

Så blev det bestämt, fastän det kanske inte uttalades så i klartext (*B. Larsson. Kemisten som satte sin läromästare på plats. 2007*). – Так и решили, хотя, возможно, не говорили об этом вслух.

В инициальной позиции *så* может также служить указанием на резкий, иногда неожиданный поворот событий и наступление новой ситуации, не являющейся логическим следствием предшествующей:

Han lyfter upp kolossen från det dammiga golvet och vänder sig för att gå vidare. Så ändrar han sig (*K. Kieri. Dansar Elias? Nej. 2004*). – Он поднимает гигантский футляр с пыльного пола и поворачивается, чтобы уйти. Вдруг он меняет свое решение.

Det blir tyst i klassrummet. Så börjar någon skratta (*I. Edelfeldt. Utflykt. 1995*). – В классе становится тихо. Вдруг кто-то начинает смеяться.

При выражении смены ситуации и поворота событий в начало предложения перед *så* может помещаться соединительный союз *och*:

Chauffören lade i ettan, lossade handbromsen, och så rullade vi iväg. Först blev det mörkare, sedan ljusare på andra sidan rutorna, och så stannade bilen och motorn stängdes av (*N. Holmqvist. Enhet. 2006*). – Шофер нажал на первую скорость, снял руку с ручного тормоза, и мы покатили. Сначала потемнело, потом с другой стороны окон стало светлее, и вот машина остановилась и мотор затих.

В начало высказывания в таких случаях может помещаться также противительный союз *men*:

Men så fick jag då veta att hon var min syster (*M. Gripe. ...och de vita skuggorna i skogen. 1984*). – Но вот тогда я узнал, что она была моей сестрой.

Christian hade då genast påbörjat sina egendomliga mekaniska bugningar, men så hejdat han sig, och frågat (*Per Olov Enqvist. Livläkarens besök. 1999*). – Кристиан принялся было за свои странные механические поклоны, но вдруг остановился и спросил'.

Употребление *så* в начале предложения для выражения динамики сменяющихся событий возможно и в эллиптических высказывания:

Allra först morgonbrisen i trädens kronor, så sjöfåglarnas skrik, småfåglarnas kvitter och till slut också människornas kakofoniska kör av röster, motorer och musik (*M. Hermanson. Musselstranden. 1998*). – Сначала утренний бриз в кронах деревьев, потом птичьи крики, щебет пташек и наконец еще и какофония хора человеческих голосов, звука моторов и музыки.

I samma sekund briserade en bomb rakt i handen. Och så en till. Och en till (*J. Jägerfeld. Här ligger jag och blöder. 2010*). – В ту же секунду прямо в руке разорвалась бомба. И потом еще одна. И еще одна.

В функции обстоятельства образа действия *så* может выступать опорным словом главной части в СПП с придаточными изъяснительными, вводимыми союзом *att*:

Det var tydligen så att någon hade satt igång att renovera en stor gammaldags villa (*L. Gustafsson. En kakelsättares eftermiddag. 1991*). – Дело явно обстояло так, что кто-то начал ремонтировать большой старинный загородный дом.

Показательно, что при употреблении в качестве опорного слова *så* может обозначать высокую степень проявления процессуального признака, выраженного в предикате придаточной части:

Han sjöng så att väggarna skakade (*K. Lundberg Hahn. Lyckokakan. 2013*). – Он пел так, что тряслись стены.

När han slutade sjunga applåderade hon så att hon nästan tappade pärmen (*K. Lundberg Hahn. Lyckokakan. 2013*). – Когда он закончил петь, она зааплодировала ему так, что чуть не выронила папку.

При этом возможно опущение *att*, которое встречается и в других типах придаточных изъяснительных:

Han frös så han huttrade (*J. Karlsson. Brevet. 2009*). – Он так замерз, что дрожал.

Pappa snarkade så man tyckte hela huset skakade (*F. Nilsson. Ishavspirater. 2015*). – Папа храпел так, что, казалось, весь дом сотрясался.

Функция опорного слова перед изъяснительным придаточным служит синтаксическим «мостиком», открывающим возможность употребления *så* как подчинительного союза.

ФУНКЦИИ СОЮЗА

Подчинительный союз со значением следствия

В сочетании с *att så* может употребляться в функции подчинительного союза со значением следствия:

Hon skakar bara lätt på huvudet så att hästsvansen kittlar till i nacken (*M. Axelsson. Is och vatten, vatten och is. 2008*). – Она только слегка качает головой, так что волосы, собранные в хвост, щекочут шею.

В некоторых случаях союз *så att* приобретает оттенок причины, маркером которого выступает футуральная отнесенность предиката придаточной части:

Mamma stickade vantar och strumpor så att han inte skulle frysa (*U. Stark. En liten bok om kärlek. 2015*). – Мама связала ему варежки и носки, чтобы он не мерз.

Вместе с тем в некоторых случаях сложно провести границу между употреблением *så* как опорного слова в функции обстоятельства образа действия перед придаточным изъяснительным с союзом *att* и в составе союза *så att* со значением следствия:

De ljusa huslängorna är vinklade så att solen ska komma åt alla fönster och balkonger (*A. Thor. Havets djup. 1998*). – Светлые линии домов расположены под углом так, чтобы солнце падало на все окна и балконы (*обстоятельство образа действия*) / под углом, так чтобы солнце падало на все окна и балконы (*подчинительный союз следствия с оттенком причины*).

В обиходно-разговорной речи встречается и самостоятельное употребление *så* в функции подчинительного союза, как показывают примеры из одного контекста:

Jag hade ställt pappa på kakelugnshyllan så han skulle få det varmt (*U. Stark. En liten bok om kärlek. 2015*). – Я поставил папу на полочку над камином, так чтобы ему было тепло.

Så ställde jag fotot av mamma bredvid hans, så att han skulle få sällskap (*U. Stark. En liten bok om kärlek. 2015*). – Так что я поставил фотокарточку мамы рядом с его, так чтобы ему не было скучно.

Об употреблении *så* в функции подчинительного союза свидетельствует порядок слов в придаточной части, где фразовые обстоятельства помещаются перед личной формой глагола:

Några av oss lyckas aldrig få kontroll över kaoset, så våra liv bara pågår (*F. Backman. Folk med ångest. 2019*). – Многим из нас так никогда и не удается упорядочить этот хаос, так что наша жизнь просто продолжается.

Кроме того, *så* может употребляться в сочетании с союзом *som* в придаточных сравнения:

Flickan ler för att dölja besvikelsen, så som människor gör som inte förstår skillnaden mellan" en bostad" och" ett hem" (*F. Backman. Britt-Marie var här. 2014*). – Девушка улыбается, скрывая разочарование, как улыбаются люди, которые не понимают разницы между «жилплощадью» и «домом».

Однако и в этом случае провести четкую границу между функциями составного подчинительного союза с *som* (на что в приведенном примере явно указывает постановка запятой) и опорного слова с семантикой образа действия в СПП с придаточным сравнения, вводимым тем же союзом, иногда бывает достаточно сложно, если это не маркируется знаком препинания:

Det finns inte längre någon skapelse, utan livet fortsätter så som det gavs (*M. Florin. Trädgården. 1995*). – Сотворения мира больше нет, а жизнь продолжается такой, какой она была создана / Сотворения мира больше нет, а жизнь продолжается так, как она была дана.

Сочинительный союз со значением следования

Så может употребляться и как сочинительный союза, выполняя при этом функцию соединения с предшествующим контекстом:

Min penna är borta, så jag kan tyvärr inte skriva det här provet [Lövestam, 2019]. – У меня нет ручки, так что я, к сожалению, не могу писать эту контрольную.

На сочинительную связь указывает порядок слов во второй части сложносочиненного предложения после så с прямым порядком слов и постановкой фразового обстоятельства в постпозицию к личной форме глагола, как в простом предложении, а не в препозицию, как в придаточной части СПП. Особенно заметно это в примерах с фразовым отрицанием:

Hon kunde inte tala om det, inte ens med Dag, så det gick inte att forska i heller (*M. Gripe. Agnes Cecilia – en sällsam historia. 1981*). – Она не могла рассказать об этом, даже Дагу, так что разбираться в этом тоже не пришлось.

Употребление *så* в инициальной позиции в функции сочинительного союза, в отличие от обстоятельства образа действия, не вызывает инверсию:

Sebastian vet inte vad han ska svara på det. Så han säger: "Fin penna" (*F. Backman. Sebastian och trollet. 2017*). – Себастьян не знает, что ему ответить на это. Так что он говорит: «Хорошая ручка».

Så vi lär oss att låtsas, hela tiden, med våra jobb och våra äktenskap och våra barn och allting annat (*F. Backman. Folk med ångest. 2019*). – Итак, мы учимся притворяться, постоянно, на работе, в семье, с детьми и во всем остальном.

В предложениях с инверсией, обусловленной предфинитной позицией обстоятельства времени, на функцию сочинительного союза также указывает порядок слов, поскольку два обстоятельства с различной семантикой не могут занимать начальную позицию, следуя одно за другим:

Så på dagarna målade hon på papper, för det gjorde alla vuxna glada (*F. Backman. Ditt livs affär. 2017*). – Так что днем она рисовала на бумаге, потому что это радовало взрослых.

Встречаются, однако, и такие высказывания, когда в начальную позицию помещаются один за другим три компонента – противительный союз *men, så* и обстоятельство времени, вызывающее инверсию главных членов:

Men så en dag upptäckte jag att det gick att skönja någonting som liknade ett mönster i mitt liv (*M. Gripe. Skugg-gömman. 1988*). – Но вот однажды я обнаружила, что можно разглядеть что-то похожее на рисунок моей жизни.

Men så plötsligt dök hon upp (*M. Gripe. Glasblåsarns barn. 1964*). – Но вот она внезапно появилась.

В таких случаях *så* не может рассматриваться ни как обстоятельство образа действия, ни как сочинительный союз, поскольку нормы шведского синтаксиса не допускают контактное расположение в начале предложения ни двух обстоятельств с различной семантикой, ни двух сочинительных союзов. В таком случае, по всей вероятности, *så* переходит в разряд дискурсивных слов.

ФУНКЦИИ ДИСКУРСИВНОГО СЛОВА

Маркер синтаксической границы между темой и ремой

В предложениях с распространенным первым компонентом, являющимся темой высказывания, *så* может использоваться в качестве вставного элемента, выполняя функцию маркера синтаксической границы, указывающей на начало рематической части, и тем самым способствуя ее смысловому выделению:

> Precis som i sången så är de olika, många är långa, svåra att fånga, många syns inte men finns ändå (*N. Wähä. Testamente. 2019*). – Точь-в-точь как в песне, они разные, многие из них длинные и трудные для понимания, многих не видно, но они всё же есть.

Особенно показательны случаи употребления *så* после распространенных придаточных времени, условия и уступки перед главной частью СПП:

> Men när jag låg vaken i natt och tänkte på dig, så trodde jag en stund att jag hade hittat något (*M. Axelsson. Den jag aldrig var. 2004*). – Но когда я лежал этой ночью без сна и думал о тебе, то мне кое-что пришло в голову.

> Om ni vill bli riktigt bra forskare så måste ni också bli bra människor (*B. Larsson. Kemisten som satte sin läromästare på plats. 2007*). – Если вы хотите стать хорошими учеными, то вы также должны быть хорошими людьми.

> Även om han saknade erfarenhet på kärleksområdet, så stod det gnistrande klart att det inte var så enkelt (*B. Larsson. Kemisten som satte sin läromästare på plats. 2007*). – Даже если он не имел опыта в сердечных делах, то он четко понимал, что все не так уж просто.

На этой функции основано и употребление в устойчивом словосочетании с условным союзом и отрицанием *om inte… så… (если не… то…)* при соединении однородных членов предложения, первый из которых содержит нереальное условие, а второй – предположение или допущение:

> Jag gick inomhus till de vita pappren, till tron och tvivlet, till kosmos och kaos för att försöka organisera det liv som en gång varit och som i rekonstruktionen åter blir om inte hans så åtminstone ett liv, och om inte liv, så kanske en berättelse (*G. Tunström. Skimmer. 1996*). – Я пошел в дом к белым листам бумаги, к вере и сомнению, к космосу и хаосу, чтобы попытаться организовать ту жизнь, которая когда-то была и после реконструкции снова станет если не его, то по крайней мере жизнью, если не жизнью, то, может быть, рассказом о ней.

В СПП с бессоюзными придаточными условия, которые всегда помещаются в препозиции, употребление *så* как маркера синтаксической границы, маркирующей начало главной части, является предпочтительным:

> Får man blodförgiftning så kan man dö (*U. Eriksson. Himlens färg, hoppets. 2003*). – Если будет заражение крови, то можно умереть.

При употреблении бессоюзных придаточных условия с формами императива постановка *så* как маркера синтаксической границы является обязательной [Språkriktighetsboken, 2005, с. 377]:

> Livet är kort, använd det förflutna så känns det längre (*U. Eriksson. Himlens färg, hoppets. 2003*). – Жизнь коротка, но живи прошлым, и она покажется длиннее.

Встречаются также другие типы распространенных предложений с инверсией главных членов, перед которыми помещается маркер синтаксической границы:

> Jag förstod att jag var tvungen att begå ett val, ett rent livsavgörande val och för att inte förivra mig så försökte jag att komma undan, i gammal ordning, att fly därifrån, åtminstone i mina tankar, att fjärma mig och värja mig och liksom redan då och där tillgripa något annat, ett alternativ till det förhandenvarande (*K. Östergren. Gangsters. 2005*). – Я понимал, что должен сделать выбор, принять жизненно важное решение, и, чтобы сгоряча не натворить глупостей, я, по привычке, попытался увернуться и бежать, по крайней мере, мысленно, отстраниться и укрыться, найти, в сложившихся обстоятельствах, возможность альтернативного будущего.

> Men då, i juni 1979, var den där stunden full av löften och oavsett hur fortsättningen skulle gestalta sig så innebar den slutet på ett och början på ett annat (*K. Östergren. Gangsters. 2005*). – Но тогда, в июне 1979, мгновение это было полно обещаний и, независимо от того, каким будет продолжение, представляло собой конец одного и начало другого.

Частица

В предложениях с инициальной позицией обстоятельства маркер синтаксической границы приобретает функцию усилительной частицы, подобной русской частице *же*:

I den där pälsen så såg hon ut som den kvinnliga huvudrollen i någon rysk storfilm (*U. Stark. Dårfinkar och dönickar. 2002*). – В шубе же она была похожа на героиню какого-нибудь русского фильма.

В функции усилительной частицы *så* употребляется также после разделительных союзов *eller* и *antingen… eller…*:

Jag kvider till, högt, ändå märker hon inget. Eller så märker hon, men bryr sig inte om det (*C. Eriksson. De försvunna. 2015*). – Я громко вскрикиваю, но она ничего не замечает. Или же замечает, но не обращает на это внимания.

Antingen så gillar man det eller så gillar man det inte, men man är aldrig likgiltig inför det (*N. Wähä. Testamente. 2019*). – Или же это нравится, или же нет, но никто никогда не остается равнодушным.

Показательно, что в обоих случаях содержится уступительный оттенок, на что указывает следующий за конструкцией с разделительным союзом противительный союз *men*.

Междометие

В функции междометия *så* может употребляться как самостоятельно, так и в сочетании с другими междометиями:

Så! Nu har du den där jävla bilden på Albin! (*A.-H. Laestadius. Tio över ett. 2016*) – Вот! Вот, черт возьми, тебе фотка Альбина!

Då så, vad roligt att få vara här igen, med dig (*J. Virdborg. Efter födelsedagen. 2015*). – *Ну вот*, как здорово снова быть здесь, с тобой.

Så ja! Det ordnar sig nog [Lövestam, 2019]. – Ну же (успокойся)! Всё будет в порядке.

При обратном порядке следования компонентов составное междометие *jaså* выражает удивление: «Вот оно что! Надо же! Неужели?»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает анализ материала, полифункциональность *så* предопределена его анафорическим характером. Функция опорного слова перед придаточными с асемантическими союзами *att* и *som* служит основанием для перехода в разряд подчинительных союзов, а употребление в функции связочного наречия в начале предложения способствует утрате синтаксических свойств знаменательного слова и превращению в сочинительный союз. Функции дискурсивного маркера, частицы и даже междометия также связаны с отсылкой к предшествующему контексту. Синтаксическим критерием разграничения во всех случаях выступает порядок слов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гвишиани Н. Б. Полифункциональные слова в языке и речи. 2-е изд. М.: URSS, 2019.
2. Панков Ф. И. Полифункциональные слова // Книга о грамматике для преподавателей русского языка как иностранного / под ред. А. В. Величко. СПб.: Златоуст, 2018. С. 184–200.
3. Панков Ф. И. Проблема полифункциональности наречий (на примере лексемы близко) // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей. Вып. 28 / отв. ред.: В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 114–130.
4. Матишина И. Р. Изучение явления полифункциональности в курсе русского языка как иностранного (на материале компаративов больше, лучше, короче) // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Часть 1. С. 197–207.
5. Lövestam S. Inte så enkelt att förklara SÅ // Språktidningen. 2019. № 4. S. 2.
6. Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik. Band 2. Ord. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 1999.
7. Språkriktighetsboken. Utarbetad av Svenska språknämnden. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2005.

REFERENCES

1. Gvishiani, N. B. (2019). Polifunktsional'nye slova v yazyke i rechi = Polyfunctional words in language and speech. 2nd ed. Moscow: URSS Publ. (In Russ.)
2. Pankov, F. I. (2018). Polifunktsional'nye slova [Polyfunctional words]. In Velichko, A. V. (Ed.), Kniga o grammatike dlya prepodavatelej russkogo yazyka kak inostrannogo (pp. 184–200). St. Petersburg: Zlatoust Publ. (In Russ.)
3. Pankov, F. I. (2004). Problema polyfunktsional'nosti narechij (na primere leksemy blizko) = The problem of polyfunctional adverbs (instantiated by the lexeme blizko 'near'). In Krasnykh, V. V., Izotov, A. I. (Eds.), Iazyk,

soznanie, kommunikatsia (issue 28, pp. 114–130): collection of articles. Issue 28. Executive editors V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Moscow: MAKS Press Publ. (In Russ.)
4. Matishina, I. R. (2024). Izuchenie iavlenia polyfunktsional'nosti v kurse russkogo iazyka kak inostrannogo (na materiale komparativov *bol'she, luchshe*, *koroche*) = Study of the phenomenon of polyfunctionality in a course of Russian as a foreign language (on the basis of comparative forms *bol'she* 'bigger', *luchshe* 'better', *koroche* 'shorter'). Prepodavatel' XXI vek, 1–1, 197–207. (In Russ.)
5. Lövestam, S. (2019). Inte så enkelt att förklara SÅ. Språktidningen, 4, 2.
6. Teleman, U., Hellberg, S., Andersson, E. (1999). Svenska Akademiens grammatik (Band 2. Ord). Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag Publ.
7. Språkriktighetsboken (2005). Utarbetad av Svenska språknämnden. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag Publ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чекалина Елена Михайловна
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой германской и кельтской филологии филологического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chekalina Elena Mikhailovna
Doctor of Philology (Dr. habit.), Professor
Head of the Department of Germanic and Celtic Philology,
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	25.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.112.2'42'37

Оценочные параметры немецкой паремии «Ende gut, alles gut» в газетном дискурсе

В. А. Шевцова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
schewzowa_w@mail.ru

Аннотация. Целью данного исследования является комплексный анализ оценочности немецкой паремии «Ende gut, alles gut» в текстах газетного дискурса. Методология исследования базируется на теории оценки Дж. Мартина и П. Уайта. Материалом исследования послужили 25 контекстов употреблений данной пословицы в немецком издании «Der Tagesspiegel» на протяжении последних 20 лет. В результате была установлена частотность использования паремии в исходной или модифицированной формах, определена аксиологическая интерпретация оценочных элементов в контексте – слов и / или словосочетаний, объект оценочности и раскрыт тип оценочного параметра паремии.

Ключевые слова: оценочность, паремия, исходная и модифицированная форма, оценочные параметры, контекст, газетный дискурс

Для цитирования: Шевцова В. А. Оценочные параметры немецкой паремии «Ende gut, alles gut» в газетном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 108–114.

Original article

Evaluative Parameters of the German Proverb "Ende gut, alles gut" in the Newspaper Discourse

Valentina A. Shevtsova

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
schewzowa_w@mail.ru

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the evaluativeness of the German proverb *Ende gut, alles gut* in newspaper discourse texts. The methodology of the study is based on the theory of evaluation by J. Martin and P. White. The material of the study was 25 contexts of use of this proverb in the German edition "Der Tagesspiegel" over the past 20 years. As a result of the study, the frequency of use of the proverb in its original or modified forms was established, the axiological interpretation of other evaluative elements in the context – words and / or phrases – was determined, the object of evaluativeness was identified and the type of evaluative parameter of the proverb was revealed.

Keywords: evaluativeness, proverb, original and modified form, evaluative parameters, context, newspaper discourse

For citation: Shevtsova, V. A. (2024). Evaluative parameters of the German proverb "Ende gut, alles gut" in newspaper discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 108–114. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В рамках антропологической парадигмы лингвистических исследований категория оценки занимает одно из центральных мест. Авторы используют различные подходы для ее интерпретации. Отечественные работы, посвященные исследованию данного феномена, базируются на четырех критериях. Аксиологическая интерпретация является первым и основным критерием, поскольку языковая картина мира – это часть ценностной картины мира, когда «два значения аксиологического оператора – «хорошо / плохо» – позволяют выделить два типа оценки: положительную («друг») и отрицательную («враг»)» [Шевцова, 2024, с. 414]. В языковой картине присутствуют всегда наиболее важные ценностные доминанты, которые характерны для той или иной лингвокультуры.

Следующим критерием для определения оценки является наличие эмотивного компонента, когда «эмоциональное и рациональное в оценке подразумевает две разные стороны отношения субъекта к объекту, первая – его чувства, вторая – мнение» [Вольф, 2005, с. 42].

Характер оценки или ее мотивация – третий критерий, который положен в основу известной классификации частнооценочных значений Н. Д. Арутюновой, которая разграничивает «оценочные признаки («хорошо / плохо») и определяет характер дескриптивного признака (сенсорно-вкусовой, утилитарный и т. д.), а также соотношение эмоционального/ рационального в частных оценках» [Арутюнова, 1999, с. 198–199].

Четвертый критерий связан с реализацией семантики оценочных единиц в контексте, согласно которому различают две разновидности оценки: «ингерентную (языковую, системную, узуальную) оценку и адгерентную (речевую, контекстуальную, окказиональную) оценку» [Лукьянова, 1986, с. 52].

Среди зарубежных исследований наиболее популярной является теория оценки Дж. Мартина и П. Уайта, которая включает в себя три подкатегории: отношение (attitude), вовлеченность (engagement), шкалирование (gradation) [Martin, White, 2005]. Методика М. Беднарек базируется на данной теории и включает пять основных оценочных параметров: «понятность, эмоциональность, ожидаемость, важность, возможность / необходимость, которые отождествляют отношение говорящего к окружающей действительности. Четыре дополнительных параметра (надежность, доказательность, психическое состояние, стиль) используются для оценки высказываний и ментального мышления других субъектов речи» [Bednarek, 2006, с. 190–196]. При этом ведущая роль в определении оценки отводится контексту. Теория оценочных параметров набирает популярность не только среди зарубежных исследователей, она активно разрабатывается и отечественными лингвистами [Щипицына, 2019].

Отметим также работы последних лет, посвященные исследованию оценочных (коннотативных) характеристик текста точными методами [Жунусова, Нугуманова, Волкова, 2024; Салькова, 2024], в том числе, в русле корпусного подхода [Горожанов, 2023; Гусейнова, Горожанов, 2023].

Таким образом, многообразие подходов к изучению категории оценки и понятия оценочности отражает сложность рассматриваемого феномена, что является причиной неослабевающего интереса лингвистов к этой проблеме на протяжении многих лет, а, следовательно, говорит о высокой степени актуальности нашего исследования.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирической базой для проведения исследования послужил немецкий корпус текстов «Korpora in DWDS»[1], который включает электронную версию газеты «Der Tagesspiegel» с общим количеством вхождений более миллиона (1 174 195 вхождений на 27.07.2024). «Выбор корпуса определен такими экстралингвистическими факторами, как актуальность и популярность, а именно, возможность доступа к самым свежим и актуальным примерам. Второй фактор обусловлен тем, что ежедневная газета «Der Tagesspiegel» является самым цитируемым столичным изданием Германии» [Шевцова, 2024, с. 415–416]. В результате сплошной выборки за период с 2000 по 2023 годы, т. е. на протяжении более 20 лет, анализируемый корпус составил 25 контекстов употреблений с пословицей *Ende gut, alles gut* на последнюю дату обращения – 27 июля 2024 года.

Традиционно считается, что такие устойчивые языковые единицы, как фразеологизмы и паремии, обладают оценочным значением, благодаря своей образности, поэтому неслучайно изучение функциональных аспектов паремий в тексте связано с исследованием оценочности их семантики. В нашей работе мы исходим из положения, что оценочность – это выражение положительного или отрицательного отношения говорящего к содержанию речи. Реализация категории оценочности, в свою очередь, происходит в семантике оценочных средств. К ним относятся лексические (оценочная лексика, фразеологизмы, паремии), грамматические (суффиксы, префиксы), синтаксические (восклицательные предложения), стилистические (метафоры)

[1]URL: https://www.dwds.de/d/korpora

единицы. Наиболее частотной группой является лексическая, в кругу которой особое «оценочное» место занимают вторичные номинации – устойчивые языковые единицы – фразеологизмы, пословицы и поговорки.

Исходя из цели исследования были определены его задачи:

1) установление типа паремии в контексте: конвенциональный или модифицированный;
2) анализ контекста для выявления (кроме паремии) других оценочных элементов – слов и / или словосочетаний;
3) определение объекта оценочности и типа оценочного параметра паремии в контексте.

Для выполнения первой задачи была использована классификация оценочности английских паремий О. Н. Антоновой: «а) морфологические (внешние, внутренние и переход из одной части речи в другую); б) синтаксические (замена отрицательной формы на утвердительную, замена утвердительной формы на отрицательную, изменение коммуникативного типа предложения, дистантное расположение компонентов (разрыв)); в) изменение компонентного состава (расширение, замена компонента, сокращение компонентного состава (эллипсис)); г) семантические (приобретение паремией дополнительного оттенка значения, создание окказиональной коннотации, создание фразеологически насыщенного контекста, двойная актуализация, контекстуальная дефразеологизация); д) комбинированные» [Антонова, 2012, с. 14–16].

На втором этапе исследования проводился контекстуальный анализ с целью выявления других оценочных компонентов (кроме паремии) и установления их вида аксиологической интерпретации по параметру «хорошо / плохо», поскольку оценочные единицы текста образуют единое целое, при этом каждый последующий элемент усиливает оценочное значение предыдущего.

На заключительном этапе устанавливался объект оценивания и его аксиологическая интерпретация (положительная/отрицательная), а также тип усиления оценочности паремии по следующим параметрам: «Обычно / необычно», «Способность / неспособность», «Решительность / нерешительность», «Правдивость / неправдивость», «Этично / неэтично». Как уже указывалось выше, за основу методологии исследования была взята теория оценки Дж. Мартина и П. Уайта, дополненная классификацией оценочных параметров фразеологизмов в немецком и хорватском футбольном дискурсе в сопоставительном аспекте[1].

[1]URL: https://hrcak.srce.hr/file/379772

ВИДЫ МОДИФИКАЦИЙ ПАРЕМИИ

В газетных текстах паремии довольно часто используются в видоизмененном формате, поскольку исходный вариант известной пословицы – оригинал – часто хорошо знаком читателю, и проблем с пониманием ее контекстуального варианта не возникает. Изменения в структуре паремии происходят под влиянием ее контекстуального окружения, которое обусловлено различными прагматическими факторами. К таким прагматическим предпосылкам можно отнести тип дискурса / текста/ситуацию общения, интенции адресанта и адресата, их взаимоотношения. Пословицы, являясь популярным дидактическим языковым средством, применяются авторами для привлечения внимания читателя к теме статей / репортажей и для оказания влияния на его мнение и мировоззрение.

Немецкая паремия *Ende gut, alles gut* детерминирует позитивную оценку по модели: *X хорош, (то) и Y хорош*, где Y выступает как объект, порождаемый X. Словарное значение данной сентенции ‘bei glücklichem Ausgang einer Sache sind die vorausgegangenen Schwierigkeiten nicht mehr wichtig’ ‘если что-то имеет счастливый исход, трудности, которые этому предшествовали, уже не важны’[2] установлено на основе данных «Duden Band 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten»[3] и указывает на положительную семантику паремии. В десяти контекстах паремия *Ende gut, alles gut* реализует свое словарное значение: всего было выявлено восемь примеров с положительной и два примера с отрицательной оценкой. Большую часть исследуемого подкорпуса составляют контекстуальные модификации данной пословицы – 60 % (15 из 25 вхождений), поскольку паремии-трансформанты используются авторами, как правило, с целью привлечения внимания.

В настоящем исследовании были установлены все виды модификаций, за исключением, морфологических, что связано, в первую очередь, с тем, что паремия как синтаксически законченная единица языка и речи (предложение), в меньшей степени подвержена морфологическим трансформациям. Самым распространенным типом трансформации паремии оказались синтаксические модификации, среди которых следует назвать изменение коммуникативного типа предложения (с повествовательного на вопросительный или на восклицательный):

[2]Перевод здесь и далее наш. – *В. Ш.*

[3]Duden Band 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim: Bibliographisches Institut, 2013.

1. Meinung: **Ende gut, alles gut?** Die neue Regierung hat Erfolg – 2006 entscheidet sich ihr Schicksal Von Hans-Dietrich Genscher (*Der Tagesspiegel. 21.12.2005*).

2. Von Dirk Becker: Schauspiel, Musik und historische Fakten. Die Höfischen Festspiele Potsdam zeigen im August die Freiluft-Wanderoper „Lalla Rûkh – Eine orientalische Romanze". ... Die Rede ist von Lalla Rûkh, einer indischen Prinzessin. Ein Märchenwesen, das von seinem despotischen Vater zu einer Hochzeit mit einem unbekannten Prinzen gezwungen wird und sich ausgerechnet in einen Geschichtenerzähler verliebt. Aber wie in Märchen so üblich: ***Ende gut, alles gut!*** (*Der Tagesspiegel. 17.03.2011*).

Замена утвердительной формы на отрицательную была установлена в следующем примере:

3. Berlinale in der Krise: ***Ende gut, nicht alles gut***. Die Berlinale steckt in einer schweren Krise im Wettbewerb der großen Festivals. Immerhin hat sich die Jury weise entschieden – für «Child's Pose» (*Der Tagesspiegel. 16.02.2013*).

Менее частотными оказались комбинированные (семантико-синтаксические) модификации, когда дистантное расположение компонентов (разрыв) дополняется включением новых элементов и изменением коммуникативного типа паремии – она становится частью сложносочиненного предложения:

4. Verfassungsgericht billigt Suhrkamp-Umwandlung: ***Ende gut, alles ...Karlsruhe hat entschieden***: Der Suhrkamp Verlag darf in eine Aktiengesellschaft umgewandelt werden. Interessant und brisant bleibt es – denn auch bei Suhrkamp dürfte der Geist bald strengen wirtschaftlichen Kriterien folgen (*Der Tagesspiegel. 19.12.2014*).

Самым малочисленной оказалась группа, где имело место изменение компонентного состава – расширение или замена компонента:

5. Knut: Alle Beiträge zum Berliner Eisbär Knut. Das Problem: Momentan gibt es zwei Lizenzgeber. Von Annette Kögel Kommentare. ***Ende gut, alles Knut***. Berlins berühmtester Bär wartet als Plastik im Foyer des Naturkundemuseums (*Der Tagesspiegel. 19.01.2015*).

6. Sport: ***Ende gut, fast alles gut.*** Freiburg schlägt erst spät schwache Nürnberger 3:0 (*Der Tagesspiegel. 07.10.2012*).

ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНОЧНОСТИ ПАРЕМИИ

Как показал анализ практического материала, оценочное значение паремии *Ende gut, alles gut* в газетных текстах можно классифицировать по всем категориям. При этом, оценочный параметр «Правдивость / неправдивость» в данном исследовании был не установлен.

Наиболее многочисленной оказалась группа контекстов по оценочному параметру «Способность / неспособность», где паремия используется как в конвенциональном виде, так и модифицированном варианте:

1. Jan Kromschröder lehrt TV-Produktion Homepage: ***Ende gut, alles gut***. Jan Kromschröder lehrt TV-Produktion. „Man muss die Ideen fliegen lassen", sagt Jan Kromschröder. Zahlreiche Fernsehserien und Filme hat er bereits produziert. An der Potsdamer Hochschule für Film und Fernsehen (HFF) vermittelt er den Studenten das Handwerk des Produzierens in Zeiten sich wandelnder Medienformate (*Der Tagesspiegel. 07.02.2014*).

В данном контексте паремия усиливает положительное значение объекта оценивания (продюсер) по параметру «Способность». Ян Кромшредер выпустил множество телесериалов и фильмов, обучает этому искусству студентов и советует во времена меняющегося медиаформата давать волю своим идеям, т.е. из контекста можно заключить, что объект оценивания обладает способностью делать свою работу профессионально, хорошо.

2. ***U 17 gut, alles gut?***: Der WM-Titel der Junioren lässt sich nicht ...Deutschlands U-17-Fußballer haben erstmals den WM-Titel gewonnen. Es war eine beeindruckende Leistung von Team und Trainer. Vor zu viel Euphorie sei trotzdem gewarnt *(Der Tagesspiegel. 03.12.2023*).

В этом примере объектом оценивания выступает футбольная команда, а, точнее, 17 футболистов, которые впервые завоевали титул чемпиона мира и показали впечатляющее выступление команды и тренера. Модификационный вариант паремии используется автором для положительной характеристики команды по параметру «Способность» – умение побеждать.

3. Kanzler Scholz, Hamburgs Hafen und Peking: Auf der Suche nach der verlorenen Balance. Im Streit um Chinas Beteiligung am Container-Terminal wäre Deutschland beinahe von einem Extrem ins andere gefallen: erst Sorglosigkeit,

dann Überangst. Doch der Ausgang lässt hoffen. ...***Ende gut, alles gut?*** Nein. Nun kommt wohl ein veränderter Deal zustande. Der chinesische Staatskonzern Cosco darf nur mit knapp 25 Prozent am Containerterminal Tollerort einsteigen. Er hätte keine Sperrminorität oder andere Formen eines riskanten Einflusses (*Der Tagesspiegel. 25.10.2023*).

В данном примере мы наблюдаем ситуацию, когда автор прибегает к использованию паремии для усиления негативной оценки объекта – Германии, которая попадает из одной экстремальной ситуации в другую, испытывает беспомощность и сильный страх, она не способна конкурировать с Китаем. Поэтому оценочное значение в данном контексте паремии реализуется через параметр «Неспособность».

К категории «Этичность / неэтичность» были отнесены семь ситуаций, например, где паремия функционирует в конвенциональном виде:

4. Stimmen: „Beide Epochen gehören zu Potsdam" Auf positives Echo stieß die Nachricht vom Einzug der Kunsthalle in den Palast Barberini bei vielen Potsdamern. Für TV-Moderator Günther Jauch ist klar: „Das würde für Potsdam ja doch noch ein ***'Ende gut, alles gut'*** bedeuten (*Der Tagesspiegel. 23.05.2013*).

Паремия используется для усиления положительной оценочности такого культурологического события, как переезд Кунстхалле во дворец Барберини. Это событие получило положительный отклик у многих жителей Потсдама, и, следовательно, оценивается положительно с точки зрения морали, так как дворец был разрушен во время второй мировой войны и был восстановлен только в 2016 году.

5. Medizin-Nobelpreis: ***Ende gut, alles gut***. Telomere bewahren die Erbfäden vor dem Ausfransen. Beim Altern und bei Krebs spielen sie eine wichtige Rolle (*Der Tagesspiegel. 06.10.2009*).

Данный контекст описывает событие, посвященное вручению Нобелевской премии в области медицины. Объект оценивания – теломеры (части хромосом) – играют важную роль для человека, когда речь идет о старении и раковом заболевании. Для усиления положительной оценки объекта автор использует всем известную сентенцию в заголовке статьи.

Менее представленными категориями оказались «Обычно / необычно» и «Решительность / нерешительность», к которым были отнесены по пять контекстов соответственно.

В группу «Обычно / необычно» вошли контексты, к содержанию которых можно поставить вопрос, насколько традиционно (обычно / необычно) что-то происходит с точки зрения автора, например:

6. Von Dirk Becker: Schauspiel, Musik und historische Fakten. Die Höfischen Festspiele Potsdam zeigen im August die Freiluft-Wanderoper „Lalla Rûkh – Eine orientalische Romanze". ... Die Rede ist von Lalla Rûkh, einer indischen Prinzessin. Ein Märchenwesen, das von seinem despotischen Vater zu einer Hochzeit mit einem unbekannten Prinzen gezwungen wird und sich ausgerechnet in einen Geschichtenerzähler verliebt. Aber wie in Märchen so üblich: ***Ende gut, alles gut!*** (*Der Tagesspiegel. 17.03.2011*).

Объект оценивания – комическая опера «Лалла Рух – восточный романс» получает положительную оценку благодаря катафорической связи лексем с положительной денотативной оценочностью – *Festspiele* (*фестивали*), *Prinzessin* (*принцесса*), *Hochzeit* (*свадьба*), *Prinz* (*принц*), *verliebt* (*влюбленный*). Кроме того, положительная концовка подкрепляется фразой: *Aber wie in Märchen so üblich: Ende gut, alles gut! – Но, как водится в сказках: все хорошо, что хорошо кончается!*

7. ***Ende gut, alles gut.*** Das Poetenpack wird auch in diesem Sommer wieder im Belvedere auf dem Pfingstberg mit Shakespeare gastieren. Diesmal kommt die selten gespielte Komödie „Ende gut, alles gut" zur Aufführung (*Der Tagesspiegel. 19.07.2006*).

В данном примере паремия находится в начале текста и усиливает положительное значение всей ситуации по параметру «Обычно», которая подкрепляется дейктическими временными конструкциями *auch in diesem Sommer wieder* (*снова этим летом*).

Категория «Решительность / нерешительность» характеризуется тем, что в содержании контекста присутствуют, как правило, слова с денотативным значением 'решение', 'согласие', которые служат индикатором для определения оценочного параметра паремии, например:

8. Entscheidung in Sicht: Countdown für Karstadt. Am Donnerstag beraten die Gläubiger des Vermieters Highstreet in London über die Zukunft der Warenhauskette. Eine Einigung scheint in Sicht. ***Ende gut, alles gut?*** (*Der Tagesspiegel. 02.09.2010*).

В данной ситуации речь идет о принятии решения в отношении сети магазинов Карштадт. Положительная оценка выражается лексемой *Einigung* (*соглашение*) и фразеологическим оборотом *Entscheidung in Sicht* (*решение не за горами*), а усилителем служит модифицированная паремия в виде вопросительного предложения по параметру «Решительность».

Количественные результаты проведенного исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ ТИПА ПАРЕМИИ *ENDE GUT, ALLES GUT* (КОНВЕНЦИОНАЛЬНОГО И МОДИФИРОВАННОГО) И ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

Тип паремии	Категория оценочности				
	Способность / неспособность количество в %	Этичность / неэтичность количество в %	Обычно / необычно количество в %	Решительность / нерешительность количество в %	Количество (в %)
Конвенциональный	1	3	3	3	10
Модифицированный	7	4	2	2	15
Итого	8/32	7/28	5/20	5/20	25/100

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексный анализ свойств оценочности паремии *Ende gut, alles gut* на материале корпуса немецкого издания «Der Tagesspiegel» на протяжении последних 20 лет показал, что в большинстве случаев данная сентенция используется в модифицированном виде (60 %), при этом самым распространенным вариантом являются синтаксические модификации по типу «Изменение коммуникативного типа предложения».

При установлении аксиологического статуса объекта оценивания (положительный или отрицательный) учитывался весь спектр оценочных слов и конструкций, используемых автором в контексте. Как правило, превалируют языковые единицы с положительной денотативной оценочностью – *хорошо, свадьба, принцесса, соглашение* и т. п.

Теория оценки Дж. Мартина и П. Уайта позволяет более глубоко проникнуть в оценочный потенциал использования паремии в тексте и установить, что модифицированные варианты паремии используются чаще всего по параметру «Способность», затем следует параметр «Этичность», на третьем месте располагаются категории «Обычно» и «Решительность».

В своем неизменном варианте сентенция представлена в меньшей степени в оценочной категории «Способность», в остальных трех демонстрирует равную количественную представленность – по три вхождения.

Таким образом, оценочный потенциал паремии в газетном тексте заключается в усилении оценки, она служит дополнительным индикатором и ориентиром для читателя, каким образом должна быть прочитана и понята интенция автора. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения параметров контекстуальной оценочности на материале паремий и / или фразеологизмов других языков, в том числе, и в сопоставительном аспекте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шевцова В. А. Категория оценочности и ее контекстуальная реализация в немецкоязычных СМИ // Текст – дискурс – культура: материалы II Международной научной конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 414–419.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 2005.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
4. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986.
5. Martin J. R., White P. R. R. The language of evaluation. Appraisal in English. London: Palgrave Macmillan, 2005.
6. Bednarek M. Evaluation in media discourse. Analysis of a newspaper corpus. London, New York: Continuum, 2006.
7. Щипицына А. А. Оценка действий человека в новостях науки: анализ с использованием модели оценок Appraisal Model // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 38–43.

8. Жунусова Ж. Н., Нугуманова А. Н., Волкова Я. А. Фразеологизмы с оценочным компонентом в публичной речи современных политиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 232–247. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-1-232-247.
9. Салькова В. В. Использование категории оценки при анализе спорного текста на предмет наличия языковых признаков унижения чести и достоинства, умаления деловой репутации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 1. С. 55–58.
10. Горожанов А. И. Расширение стандартного сбалансированного лингвистического корпуса, построенного по правилам spaCy, коннотативными характеристиками // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 11. С. 3888–3893. DOI 10.30853/phil20230594.
11. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 6. С. 911–920.
12. Антонова О. Н. Функциональные свойства паремий-трансформов в англоязычном публицистическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

REFERENCES

1. Shevtsova, V. A. (2024). The category of evaluativeness and its contextual implementation in German-language media. Text – discourse – culture: materials of the II International scientific conference, 414–419. (In Russ.)
2. Wolf, E. M. (2005). Functional semantics of evaluation. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Arutyunova, N. D. (1999). Language and the world of man. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.)
4. Lukyanova, H. A. (1986). Expressive vocabulary of colloquial use: problems of semantics. Novosibirsk: Nauka. (In Russ).
5. Martin, R., White, P. R. R. (2005). The language of evaluation. Appraisal in English. London, UK: Palgrave Macmillan.
6. Bednarek, M. (2006). Evaluation in media discourse. Analysis of a newspaper corpus. London, New York: Continuum.
7. Shchipitsyna, A. A. (2019). Evaluation of human actions in science news: analysis using the Appraisal Model. Vestnik of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 1, 38–43. (In Russ.)
8. Zhunussova, Zh. N., Nugumanova, A. N., Volkova, Ya. A. (2024). Phraseologigal units with an evaluative component in public speech of modern politicians. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 15(1), 232–247. 10.22363/2313-2299-2024-15-1-232-247. (In Russ.)
9. Salkova, V. V. (2024). Using the evaluation category when analyzing a controversial text in order to find linguistic signs of honor and dignity humiliation, and also derogation of business reputation. Proceedings of Voronezh state university. Series: Philology. Journalism, 1, 55–58. (In Russ.)
10. Gorozhanov, A. I. (2023). Extension of a standard balanced linguistic corpus built according to spacy rules by connotative characteristics. Philology. Theory & Practice, 16(11), 3888–3893. 10.30853/phil20230594. (In Russ.)
11. Guseinova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 16(6), 911–920. (In Russ.)
12. Antonova, O. N. (2012). Functional properties of paremias-transforms in English-language journalistic discourse: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шевцова Валентина Анатольевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shevtsova Valentina Anatolyevna

PhD (Philology)
Associate Professor of the Department of Theory and Practice of the German Language
Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	13.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	02.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Обзорная статья
УДК 821

Ранняя рецепция творчества Ф. М. Достоевского в Швеции (1880-е годы). Статья первая

К. Р. Андрейчук

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
enantiosemia@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – изучение восприятия творчества Ф. М. Достоевского в Швеции в 1880-е годы. Методом первой статьи цикла стал анализ культурно-общественных явлений, на фоне которых шла рецепция классика. Автор выясняет, какими путями происходило ознакомление шведского читателя с творчеством Достоевского, подчеркивает роль Г. Брандеса, С. Ковалевской, Э. де Вогюэ, В. Бенедиктссон и Г. аф Гейерстама в этом процессе. Выясняются причины интереса шведов к Достоевскому и аспекты его творчества, актуальные для шведского читателя 1880-х годов.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, рецепция в Швеции, Г. Брандес, «Молодая Швеция», С. Ковалевская, В. Бенедиктссон, Г. аф Гейерстам, «Преступление и наказание», А. Стриндберг, Ч. Ломброзо

Для цитирования: Андрейчук Ксения Руслановна. Ранняя рецепция творчества Ф. М. Достоевского в Швеции (1880-е годы). Статья первая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 115–121.

Overview article

The Early Reception of F. M. Dostoevsky's Works in Sweden (1880s). Part 1

Kseniia R. Andreichuk

IMLI RAN, Moscow, Russia
enantiosemia@yandex.ru

Abstract. The aim of the research is the study of the perception of F. M. Dostoevsky's work in Sweden in the 1880s. The method of the first article of the cycle is the analysis of the background of cultural and social phenomena and the ways of introducing Dostoevsky to Swedish readers. The article describes the role of G. Brandes, S. Kovalevskaya, E. de Vogüe, V. Benediktsson and G. af Geijerstam. The result of two articles is the description of reasons of interest to Dostoevsky and the aspects of his work that appeared burning for Swedish readers.

Keywords: F. M. Dostoevsky, reception in Sweden, G. Brandes, "Young Sweden", S. Kovalevskaya, V. Benediktsson, G. af Geijerstam, "Crime and Punishment", A. Strindberg, C. Lombroso

For citation: Andreichuk, K. R. (2024). The Early Reception of F. M. Dostoevsky's Works in Sweden (1880s). Part 1. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 115–121. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Восьмидесятые годы XIX века – время стремительного усиления интереса Швеции (как и остальной Европы) к России, когда смягчаются антироссийские настроения середины века, связанные с Крымской войной (1853–1856), когда укрепляются экономические связи и вместе с ними – культурные. В настоящее время этот период рецепции русской литературы, в частности Ф. М. Достоевского, мало изучен в отечественной науке, что определяет новизну данного цикла статей. Если более поздней шведской рецепцией Достоевского занимались несколько авторов (например, О. С. Сухих, Д. В. Кобленкова, К. Р. Андрейчук [Андрейчук, 2021а; Андрейчук, 2021б; Андрейчук, 2021в]), то самому первому этапу посвящена лишь короткая (3 страницы) статья И. С. Маташиной [Маташина, 2015] и около страницы в основополагающем труде Д. М. Шарыпкина «Русская литература в скандинавских странах» [Шарыпкин, 1975] и его же статье «Достоевский в восприятии шведских читателей» [Шарыпкин, 1976]. В шведской науке тема затрагивается в большем числе работ, посвященных либо непосредственно творчеству Ф. М. Достоевского (например, в трудах популяризатора русской литературы в Швеции Н. О. Нильсена), либо рецепции всей русской литературы в Швеции (например, в книге Н. Хокансона о переводах русской литературы на шведский в период с конца XVIII по начало XXI века [Håkanson, 2012]). Непосредственно теме рецепции Достоевского в 1880-е годы посвящена не опубликованная дипломная работа С.- О. Сталфельта [Stalfelt, 1961] и несколько более ранних малодоступных статей, на которые Сталфельт ссылается.

Актуальность наших статей определяется усилением исследовательского интереса к кросс-культурным связям и, в частности, восприятию творчества русских авторов за рубежом. Если говорить о Достоевском, с 2018 года в ИМЛИ РАН им. А. М. Горького выходит журнал «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал», в недавних номерах которого были опубликованы статьи [Львова, 2024; Успенская, 2023; Борисова, Андрианова, 2023]. В 2021 г. увидела свет коллективная монография «“Записки из подполья” Ф. М. Достоевского в культуре Европы и Америки» [Гальцова, 2021], одним из авторов и редакторов которой выступила автор настоящей статьи.

Практическая значимость обусловлена возможностью использования материалов статей в дальнейшем исследовании рецепции творчества Достоевского в Швеции, а также при составлении лекций по зарубежной литературе и кросс-культурным связям.

Задачами настоящего цикла статей является изучение причин интереса издателей, критиков и читателей к творчеству Достоевского, для чего в данной статье применен социологический метод, выявление наиболее значимых фигур, сыгравших роль в деле ознакомления шведского читателя с работами Достоевского, для чего исследована критическая литература изучаемого периода. Материалом исследования явились шведские переводы произведений Достоевского, выполненные и опубликованные в 1880-е годы, критические работы и отдельные высказывания Г. Брандеса, Г. аф Гейерстама, В. Бенедиктссон, А. Стриндберга и художественные произведения Г. аф Гейерстама, В. Бенедиктсссон и А. Стриндберга.

ШВЕЦИЯ И РОССИЯ В 1880-е ГОДЫ

В 1880-е годы в Швеции публикуются ранее не переведенные книги западноевропейских авторов о России (сочинения А. Леруа-Больё, фундаментальный труд «Россия» 1877 года Д. М. Уоллеса, журналистские заметки Дж. Кеннана о сибирской ссылке), проходят выставки русских художников.

Швеция испытывала особенный интерес к русскому нигилизму, тем более что первым из русских классиков северяне открыли для себя И. С. Тургенева. Было создано как минимум два оригинальных произведения на шведском языке о русском нигилизме: рассказ финского автора Йоханнеса Альфтана (Johannes Alfthan) «Предполагаемый нигилист» («Den förmodade nihilisten», 1882), и «нигилистическая драма» Харальда Муландера (Harald Molander) «Графиня Гоголь» («Furstinnan Gogol»,1883). Оба произведения посвящены захватывающим интригам в среде российского высшего общества и приправлены романтизированным «нигилизмом» и иллюстрациями царского своеволия.

Было создано как минимум два оригинальных произведения на шведском языке о русском нигилизме: рассказ финского автора Йоханнеса Альфтана (Johannes Alfthan) «Предполагаемый нигилист» («Den förmodade nihilisten»), опубликованный в Швеции в 1882 году, и «нигилистическая драма» Харальда Муландера (Harald Molander) «Графиня Гоголь» («Furstinnan Gogol»), премьера которой состоялась в 1883 году. Оба произведения посвящены захватывающим интригам в среде российского высшего общества и приправлены романтизированным «нигилизмом» и иллюстрациями царского своеволия.

Дело в том, что в период «русского бума» в Швеции появляется все большее количество популяризированных представлений о внутриполитической ситуации в России. Шведы следили

за борьбой радикальной российской интеллигенции против царской власти, видя в российской политике обостренные недуги собственной страны. Становившиеся все более насильственными методы борьбы с царизмом, воспринимавшимся как азиатский деспотизм, вызывали восхищение у некоторых радикалов, романтизировавших русский нигилизм. Также шведам (и консерваторам, и либералам) импонировала борьба с самодержавной бюрократией.

В этом был определенный шаг вперед от того, как Россия воспринималась в Швеции в начале XIX века. Шведские романтики в это время идеализировали экзотическую для них страну Россию (вспомнить хотя бы поэму Э. Ю. Стагнелиуса «Владимир Великий» 1817 года, посвященную Александру I), но относились к России эссенциалистски, как к единой сущности, не разделяя народ и государство. Вместе с тем, если в начале XIX века Россия воспринималась положительно, то в конце века, при всем сострадании к народу и жертвам «азиатского деспотизма», Россия виделась шведам как представляющая угрозу страна, где царит хаос, власть имеющие злоупотребляют своей силой, а народ бедствует [Åselius, 1994].

Вместе с вниманием к политике растет интерес к русской литературе. С одной стороны, увеличивается количество переводов и изданий уже известных русских авторов, а с другой, в шведский культурный обиход входят новые русские имена. Кроме уже популярного на тот момент И. С. Тургенева, начинают в большом количестве переводиться сочинения Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, а также отдельные произведения других писателей разных поколений: А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова (в основном проза), Н. В. Гоголя, И. А. Крылова; И. А. Гончарова и А. К. Толстого; В. М. Гаршина, В. Г. Короленко, С. В. Ковалевской, В. Крестовского (псевдоним Н. Д. Хвощинской). Этот период шведский исследователь С.-О. Сталфелт называет «русским бумом» («den stora Rysslandsvurmen») [Stalfelt, 1961, с. 100].

ПРОВОДНИКИ ДОСТОЕВСКОГО: Э. ДЕ ВОГЮЭ, Г. БРАНДЕС И С. КОВАЛЕВСКАЯ

В деле ознакомления Швеции с фигурой Достоевского немалую роль сыграла известный математик Софья Васильевна Ковалевская, урожденная Корвин-Круковская (1850-1891), с 1884 года жившая в Швеции и посещавшая там женский литературный кружок, в который входили известные писательницы Э. Кей и А.-Ш. Леффлер.

В своей повести «Воспоминания детства» 1889 года впервые напечатанной на шведском под названием «Ur ryska lifvet. Systrarna Rajevski», т. е. «Из русской жизни. Сестры Раевские», под именем сестер Раевских Ковалевская вывела сестер Корвин-Круковских – то есть себя и свою сестру Анну. Наибольший интерес представляет часть повести, посвященная Федору Михайловичу Достоевскому, который проявлял интерес к старшей сестре Софьи Анне. Знакомство сестер с Достоевским началось с того, что восемнадцатилетняя Анна, боясь строгого отца, «ненавидевшего женщин-писательниц», как пишет Софья Ковалевская, тайком, через экономку, отправила ему свою повесть «Сон», на которую тот ответил письмом с похвалами и обещанием напечатать рукопись в ближайшем номере «Эпохи». Первый успех Анны придал ей бодрости, и она тотчас же принялась за другой рассказ, который окончила в несколько недель. На этот раз героем стал молодой человек Михаил, воспитанный вдали от семьи, в монастыре, дядей монахом. Эту вторую повесть Достоевский счел более зрелой. Образ Михаила представляет некоторое сходство с образом Алёши в «Братьях Карамазовых», написанных позднее. Софья Ковалевская, тогда уже знакомая с Достоевским, заметила это ему. Федор Михайлович,по воспоминаниям Софьи Ковалевской, сказал: «А ведь это, пожалуй, и правда! … но, верьте слову, я и забыл о Михаиле, когда придумывал своего Алешу. Разве, впрочем, бессознательно он мне пригрезился» (*Ковалевская С. В. Воспоминания детства*).

Позднее Федор Достоевский и Анна Ковалевская даже думали о свадьбе, но разошлись, оставшись друзьями, так как не смогли примирить свои взгляды: Анна, в будущем ставшая феминисткой и социалисткой, участницей Парижской коммуны, не могла поступиться ничем в угоду возможному мужу, как, конечно, не мог этого сделать и сам Достоевский [Андрейчук, 2023].

Интересно, что большая часть воспоминаний, посвященных Достоевскому, в первое русское издание 1890 г. не вошла. Возможно, Ковалевская писала эту часть именно для шведской аудитории, которой хотела показать личностный портрет русского классика.

Появлению в печати на шведском языке повесть «Воспоминания детства» обязана Вальборг Хедберг (Walborg Hedberg, 1859–1931) – первой шведской переводчице Достоевского, работавшей сначала с немецкими переводами его романов, но потом увлекшейся Россией и выучившей русский.

Ознакомление же шведских читателей не только с личностью, но и с творчеством Достоевского шло в контексте растущего интереса других европейских стран к русскому писателю. Важной вехой стала публикация в 1887 году Э. М. де Вогюэ книги

«Русский роман», в которой, наряду с другими русскими «реалистами» (как называет русских классиков XIX века Вогюэ), много внимания уделено Ф. М. Достоевскому. Вогюэ видел в Достоевском выразителя русского народного духа (и ввел в европейский обиход выражение «русская душа»), что было созвучно сострадательному отношению шведов к русскому народу и их устремлениям к узнаванию все еще экзотической для того времени страны России. Де Вогюэ ценил в русской литературе, в частности, в Достоевском как «изучение действительной жизни», так и стремление «постигнуть тайну мирозданья». При этом с высоты европейской цивилизации де Вогюэ осуждает «русский мистицизм» и представления Ф. М. Достоевского о Западе. Мистицизм у Достоевского осуждали вслед за Вогюэ и первые скандинавские критики.

Если Вогюэ был проводником Достоевского во Франции и шире – центральной Европе, то в Скандинавии таким проводником оказался известнейший датский критик Г. Брандес, провозвестник т. н. «литературы современного прорыва» (дат. det Moderne Gennembrud), т. е. социально активной литературы. Вообще благодаря Брандесу, в частности, его лекциям «Главные течения европейской литературы XIX века», Копенгаген в это время принимает роль посредника мировой литературы в Скандинавии. Брандес посвятил русской литературе, в том числе Достоевскому, довольно много работ: как газетные статьи, так и книгу «Впечатление от России», одна из глав которой называлась «Достоевский. Его оптимизм. Его сложные характеры. Его сложная эмоциональная жизнь. Его дебют. Белинский и Достоевский. Его арест и суд. Сибирская каторга. Его романы. Его деятельность как журналиста-славянофила» (*Brandes G. Indtryk fra Rusland)*.

Первое упоминание Достоевского Брандесом относится к январю 1883 года, когда Брандес пишет письмо поэту и романисту Софусу Шандорфу (Sophus Schandorph, 1836–1901): «Я очень доволен примечательным романом Достоевского “Раскольников”, который в свое время рекомендовал Эдварду (Брандесу, брату Георга. – *Прим. К. А.*) и о котором я сейчас кое-что пишу. В своем роде он не менее новый и значительный, чем “Западня” (Золя. – *Прим. К. А.*) [цит. по: Nolin, 1965, с. 237] (здесь и далее перевод с датского наш. – *Прим. К. А.*)]. Своему брату Эдварду Георг Брандес посоветовал напечатать «Раскольникова» как фельетон в газете «Morgenbladet», что и случилось в июле 1883 года (начиная с 20.07.1883). В следующем году роман вышел на датском отдельной книгой.

Брандес упоминает Достоевского еще в одном письме, написанном в тот же день, что письмо к Шандорфу, – к немецкому писателю Паулю Хейзе: «Знаете ли Вы удивительный роман Достоевского “Раскольников” (немецкий перевод от 1882). В психологическом отношении это одно из самых замечательных сочинений, которые я читал за всю жизнь. Прочитай его и советуй читать другим, если он малоизвестен в Мюнхене» [цит. по: Nolin, 1965, с. 237].

Проблема ценности каждой человеческой жизни волновала Брандеса и до его знакомства с «Преступлением и наказанием». В 1879 году он, отталкиваясь от реального судебного случая, обсуждает в статье для норвежской газеты «Dagbladet» убийство восьмидесятидвухлетней женщины одним из ее любовников. Эта женщина, по мнению Брандеса, могла быть и монстром, от убийства которого общество ничего бы не потеряло [прив. по: Nolin, 1965]. Ценность человеческой жизни, пишет он, относительна: если производство предмета роскоши требует работы, сопряженной с болезнями и опасностями, общество не вмешивается. Эти размышления Брандес использует как отправную точку в своей статье о «Преступлении и наказании» для «Morgenbladet» 28 июня 1883 года, в которой подробно пересказывает мораль Раскольникова, передавая его слова о том, что Кеплер и Ньютон были обязаны убить, если это было нужно для их открытий [прив. по: Brandes, 1888].

Брандес видит заслугу Достоевского в изображении характеров, но к остальным элементам романа, в особенности к композиции, критик отнюдь не благосклонен: Достоевский часто использует такие выражения, как «позднее», «припомнился случай», «ему стало ясно», пытаясь таким образом, по мнению Брандеса, прикрыть пробелы в повествовании. Эти и другие недостатки заставляют Брандеса сделать вывод, что Достоевский недостаточно искусен. Такое мнение о композиции у русского классика было распространенным: за композицию критиковали русского писателя, например, один из первых французских критиков Достоевского Жан Флёри или немецкий писатель Ойген Цабель (последний, правда, скорее всего под влиянием самого Брандеса). Возможно, сказывалась привычка Брандеса и его современников к четкой композиции французского романа.

Это эссе Брандеса о Достоевском было опубликовано в нескольких шведских, датских и норвежских газетах, переведено на английский, немецкий, болгарский и польский языки (в том числе в составе книги «Впечатления от России») и таким образом сыграло важную роль в формировании представлений о Достоевском в разных странах, а также способствовало появлению переводов.

Впрочем, позднее впечатление Брандеса меняется. В письме к Шандорфу от 28.07.1884, всего через полтора года после ранее упомянутого

восторженного письма, Брандес говорит, что ему неприятно изображение помешательства [прив. по: Nolin, 1965, с. 239]. «Аскетизм и христианская мистика» Достоевского чужды Брандесу [прив. по: Nolin, 1965, с. 242] (как и Вогюэ).

Брандес перерабатывает упомянутое эссе для публикации в книге «Впечатления от России», в частности, на основе прошедшей во время путешествия критика в Россию беседы со вдовой Достоевского. В книге Брандес пишет подробнее о других, кроме «Преступления и наказания», романах Достоевского, теперь уже переведенных на скандинавские языки. Говоря о «Братьях Карамазовых», он останавливается в основном на легенде о Великом Инквизиторе. «Только ради одного этого эпизода следовало перевести роман на датский», – пишет Брандес (*Brandes G. Indtryk fra Rusland*). Вместе с тем равным «Преступлению и наказанию» романом Брандес считает не «Братьев Карамазовых», а «Записки из Мертвого дома», которые интересуют Брандеса не только как образец психологизма, но и как историческое свидетельство о ситуации в России (*Brandes G. Indtryk fra Rusland*).

К моменту написания «Русских впечатлений» Брандес уже ознакомился с мнением Вогюэ о Достоевском и отчасти спорит с французским критиком. Вслед за Вогюэ Брандес описывает драматическую историю приговора к казни и помилования Достоевского и сравнивает Достоевского с Руссо, Гоголем и Тургеневым. Но если для Вогюэ Достоевский – варвар в отличие от европеизированного Тургенева, то по Брандесу романы Тургенева следует считать «эмигрантской литературой», в то время как Достоевский полностью стоит на русской почве, он «автохтонный писатель», «настоящий скиф» и, таким образом, всё же «истинный варвар без капли эллинской крови в жилах» (*Brandes G. Indtryk fra Rusland*).

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И ШВЕДСКАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПРЕССА

Уже сам факт того, что о русском писателе говорит критик «современного прорыва» Г. Брандес, известный своими либеральными взглядами, привел к однобокому взгляду на Достоевского в Скандинавии 1880-х годов. Он не был принят консервативной прессой и был парадоксальным образом воспринят как представитель русской революционной молодежи.

Шведам был интересен прежде всего не Достоевский, не его философия, а сама Россия, ее политические и культурные настроения. Надо сказать, что в Европе ситуация была в целом аналогичной. Характерно название первого перевода на шведский романа «Подросток» – «Unga Ryssland» (1887), т. е. «Молодая Россия». Это особенно любопытно в свете того, что в Швеции в 1880-х годы литературный тон задавала группа писателей реалистической (с вкраплениями натурализма) направленности, называвших себя «Молодая Швеция» (*шв.* det Unga Sverige), которых объединяло неприятие всего старого, острый интерес к современности и деятельное участие в актуальных общественных дискуссиях. В своей литературной практике они последовательно обращались к отображению реальной жизни народа, будней, стремясь обнажить изнанку, представить ее в точности такой серой и неуютной, какой ее видели, открыто выражали свое отношение, свое негодование по поводу общественной несправедливости, ставили острые моральные и психологические проблемы, пробуждая дух «нравственного беспокойства». В критике возникло даже особое пренебрежительное обозначение «литература негодования» (indignationslitteratur)[1].

Участники группы, в частности, Г. аф Гейерстам и В. Бенедиктссон, вослед Брандесу написали восторженные рецензии на творчество Достоевского (в основном на первый переведенный в Швеции роман «Преступление и наказание»), чем окончательно укрепили представление о связи Достоевского с политическим и культурным радикализмом. В их художественных произведениях нашли отражение образы и идеи Достоевского, о чем подробнее будет сказано в статье «Ранняя рецепция творчества Ф. М. Достоевского в Швеции (1880-е годы). Статья вторая».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восьмидесятые годы XIX века, когда смягчились антироссийские настроения середины века и начали укрепляться экономические связи, стали в Швеции периодом увлечения Россией и русской литературой, в особенности Тургеневым и Достоевским. В эти годы шведы активно интересовались российской политикой и общественными веяниями, нигилизмом, что сказалось на определенном ракурсе восприятия русской литературы. Достоевский оказался интересен не столько сам по себе, сколько как носитель «русской души» и представитель России. С легкой руки лидеров имевшего большой вес в шведской культуре того времени движения «Молодая Швеция» Г. аф Гейерстама и В. Бенедиктссон Достоевский был воспринят как представитель революционной «молодой России».

[1]Мацевич А. А. Молодая Швеция // Словарь течений литературы XX века. Россия, Европа, Америка. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 622-624. С. 623.

Помимо критических отзывов Гейерстама и Бенедикссон, популяризации Достоевского способствовали лекции и сочинения Э. де Вогюэ и Г. Брандеса, а также литературное посредничество С. Ковалевской, в воспоминаниях которой важное место уделено знакомству с Достоевским.

В статье «Ранняя рецепция творчества Ф. М. Достоевского в Швеции (1880-е годы). Статья вторая» речь пойдет о «визитной карточке» Достоевского в Швеции 1880-х гг. – романе «Преступление и наказание» и о том, как этот роман повлиял на т. н. «криминальную литературу», главным интересом которой была психология преступника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андрейчук К. Р. Социализм и/или христианство: влияние взглядов Ф. М. Достоевского на роман С. Лагерлёф «Чудеса Антихриста» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021а. Т. 26. № 3. С. 490–500.
2. Андрейчук К. Р. История переводов повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» на шведский язык // Новый филологический вестник. 2021б. № 1 (56). С. 292–310.
3. Андрейчук К. Р. Линии рецепции «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского в шведской литературе // Studia Litterarum. 2021в. Т. 6. № 1. С. 130–151.
4. Маташина И. С. История первых переводов романов Ф. М. Достоевского на шведский язык // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5 (150). С. 66–69.
5. Шарыпкин Д. М. Русская литература в скандинавских странах. Л.: Наука, 1975.
6. Шарыпкин Д. М. Достоевский в восприятии шведских читателей // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1976. С. 270–276.
7. Håkanson N. Fönstret mot öster. Rysk skönlitteratur i svensk översättning 1797–2010, med en fallstudie av Nikolaj Gogols svenska mottagande. Stockholm: Ruin, 2012.
8. Stalfelt S.-O. Dostojevskij i relation till svensk kritik, litteratur och litterärpublik under 1880-talet. Ej tryckt licentiatavhandling vid Uppsala Universitet, 1961.
9. Львова И.В. Книги Достоевского в произведениях американской литературы XX века (Н. Уэст, Д. Ирвинг, Ф. Рот) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 103–114.
10. Успенская Э. «Преступление и наказание» в сербском театре первой половины XX века // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 259–283.
11. Борисова В.В., Андрианова И.С. Какой он – «японский Достоевский»? (XVIII Симпозиум Международного общества писателя) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 284–304.
12. Гальцова Е. Д. (ред.) «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки. М.: ИМЛИ РАН, 2021.
13. Åselius G. The 'Russian Menace' to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm: Almqvist & Wicksell, 1994.
14. Андрейчук К. Р. Творчество и судьба С. В. Ковалевской как фактор формирования представления о женщине в русской и шведской биографической литературе // Слово, культура, история: теория и практика гуманитарного знания. К 25-летию Российско-шведского центра РГГУ. М.: РГГУ, 2023. С. 181–193.
15. Nolin B. Den gode européen: studier i Georg Brandes' idéutveckling 1871–1893 med speciell hänsyn till hans förhållande till tysk, engelsk, slavisk och fransk litteratur. Stockholm: Norstedts, 1965.

REFERENCES

1. Andreichuk, K. R. (2021a). Socialism and/or Christianity: F.M. Dostoevsky's Influence on S. Lagerlöf's novel "Antichrist's Miracles". Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship, 3(26), 490–500. (In Russ.)
2. Andreichuk, K. R. (2021b). The History of the Swedish Translations of F. Dostoevsky's "Notes from the Underground". Novyy filologicheskiy vestnik, 1(56), 292–310. (In Russ.)
3. Andreichuk, K. R. (2021v). Notes from the Underground: Major Trends in Swedish Reception. Studia Litterarum, 1(6), 130–151. (In Russ.)
4. Matashina, I. S. (2015). On The History of the First Swedish Translations of F. M. Dostoyevsky's Novels. Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 5(150), 66–69. (In Russ.)

5. Sharypkin, D. M. (1975). Russkaya literatura v skandinavskikh stranakh = Russian Literature in Scandinavian Countries. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
6. Sharypkin, D. M. (1976). Dostoevsky in the Eyes of Swedish Readers. Dostoevskii. Materialy i Issledovaniya (pp. 270–276). Leningrad: Nauka. (In Russ.)
7. Håkanson, N. (2012). Fönstret mot öster. Rysk skönlitteratur i svensk översättning 1797–2010, med en fallstudie av Nikolaj Gogols svenska mottagande. Stockholm: Ruin.
8. Stalfelt, S.-O. (1961). Dostojevskij i relation till svensk kritik, litteratur och litterärpublik under 1880-talet. Ej tryckt licentiatavhandling vid Uppsala Universitet.
9. Lvova, I. V. (2024). Dostoevsky's Books in 20th-Century American Literature (Nathanael West, John Irving, Philip Roth). Dostoevsky and World Culture. Philological journal, 1(25), 103–114. (In Russ.)
10. Uspenskaya, E. (2023). Crime and Punishment in Serbian Theatre in the First Half of the 20th Century. Dostoevsky and World Culture. Philological journal, 4(24), 259–283. (In Russ.)
11. Borisova, V. V., Andrianova, I. S. (2023). What Is He Like, the 'Japanese Dostoevsky'? About the XVIII Symposium of the International Dostoevsky Society. Dostoevsky and World Culture. Philological journal, 4(24), 284–304. (In Russ.)
12. Galtsova, E. D. (Ed.). (2021). "Notes from Underground" by F. M. Dostoevsky in the Culture of Europe and America. Moscow: IWL RAS Publ. (In Russ.)
13. Åselius, G. (1994). The 'Russian Menace' to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm: Almqvist & Wicksell.
14. Andreichuk, K. R. (2023). The Creativity and Life of S. V. Kovalevskya as a Factor in the Formation of the Concept of a Woman in Russian and Swedish biographical literature. Slovo, kul'tura, istoriya: teoriya i praktika gumanitarnogo znaniya. K 25-letiyu Rossiisko-shvedskogo tsentra (pp. 181–193). Moscow: RGGU. (In Russ.)
15. Nolin, B. (1965). Den gode européen: studier i Georg Brandes' idéutveckling 1871–1893 med speciell hänsyn till hans förhållande till tysk, engelsk, slavisk och fransk litteratur. Stockholm: Norstedts.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрейчук Ксения Руслановна
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andreichuk Kseniia Ruslanovna
PhD in Philology
Senior Researcher in A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	10.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.581

Любовная тематика в литературе Китая начала XX века: от развлекательности к социальным проблемам

Н. В. Захарова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
radaeva2002@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются произведения писательниц 20–30-х годов XX века. Новизна исследования состоит в том, что впервые в российской синологии объектом анализа становится творчество популярных писательниц Лин Шухуа, Лу Инь и Бин Синь. Делается вывод о том, что при всем тематическом разнообразии прозаических произведений китайских писательниц, значимую роль в них играют любовные переживания героинь. В отличие от авторов романов об «уточках-неразлучницах» первого десятилетия XX века писательницы 20–30-х годов расширяют изобразительный фон повествования, придают описываемым событиям социальное звучание.

Ключевые слова: современная китайская литература, любовная тематика, писательницы-прозаики

Для цитирования: Захарова Н. В. Любовная тематика в литературе Китая начала XX века: от развлекательности к социальным проблемам // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 122–127.

Original article

Love Themes in Chinese Literature of the Early Twentieth Century: from Entertainment to Social Problems

Natalya V. Zakharova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
radaeva2002@gmail.com

Abstract. The article examines the works of women writers from the 20s–30s. of XX century. The novelty of the research lies in the fact that, for the first time in Russian sinology, the works of popular writers Ling Shuhua, Lu Yin, and Bing Xin have been analyzed. The article concludes that, despite the thematic diversity of the prose works by Chinese women writers, romantic experiences of the female protagonists play a significant role. Unlike the authors of “butterfly romance” novels from the first decade of the 20th century, the women writers of the 1920s-30s broaden the narrative background and give the events they describe a social resonance.

Keywords: modern Chinese literature, love themes, prose women writers

For citation: Zakharova, V. N. (2024). Love themes in Chinese literature of the early twentieth century: from entertainment to social problems. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 122–127. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Литература Китая начала XX века всё еще наименее изученная тема российской синологии. Исследование генезиса жанров в период формирования современной китайской литературы до сих пор остается одной из наиболее актуальных задач как китайского, так и западного литературоведения. В российской синологии эта тема практически не изучена, что и определяет ее актуальность. Цель исследования – показать, как развлекательная литература об «уточках-неразлучницах» известных китайских писательниц Лин Шухуа, Лу Инь и Бин Синь, популярная в первом десятилетии XX века, приобретает новые художественные черты, трансформируясь в социальную прозу. Для достижения этой цели должны быть решены следующие задачи:

- охарактеризовать исторические, социальные, общекультурные и литературные факторы, повлиявшие на активизацию участия женщин в литературном процессе;
- определить степень значимости журналов, ориентированных на женскую аудиторию, в становлении китайских писательниц;
- выявить специфические особенности прозаических жанровых форм, популярных в Китае в исследуемый период;
- рассмотреть характерные черты прозаических сочинений Лин Шухуа, Лу Инь, Бин Синь.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы при подготовке лекций и семинарских занятий по истории литературы Китая Нового времени. Они также должны представлять интерес для ученых, занимающихся сравнительным анализом литературного процесса стран Азии и Африки в XX веке.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В 20-е годы XX века прозаические произведения писательниц стали заметным явлением на общем фоне литературы Поднебесной. Современные китайские критики Го Яньли и Го Чжэнь, авторы книги «Исследование китайской женской литературы», считают, что появление писательниц на литературной арене Поднебесной в начале XX века было обусловлено сложившейся в результате «движения за новую литературу и культуру» 1917 года ситуацией, способствовавшей приоритету прозы, бывшей до этого «недостойным жанром» [郭延礼，郭蓁, 2016, с. 101–102].

Немаловажным фактором, повлиявшим на активное участие женщин в литературной жизни Китая, стало распространение переводов западной литературы. Появление отечественных писательниц в первые двадцать лет XX века подготовило почву для участия следующего поколения девушек в литературном процессе 20–30-х годов.

Китайские писательницы, подобно известным литераторам Лу Синю, Чжоу Шужэню, Су Маньшу, начали свой путь на литературной стезе с художественных переводов. Китаянки из обеспеченных семей обучались иностранным языкам либо за границей (таких было меньшинство), либо в миссионерских школах (большинство). Они с удовольствием соглашались на переводы зарубежной беллетристики, которые можно было опубликовать в журналах и получить за это деньги. Их переводы отличались высокой художественностью, близостью к оригиналу, где, в отличие от переводчиков начала века, сохранялись описания деталей обстановки, пейзажные зарисовки и психологические портреты персонажей.

Следующим этапом в подготовке китаянок к роли авторов прозаических сочинений стал переход от переводческой к публицистической деятельности, которая в первую очередь была связана с участием в издании журналов, ориентированных на женскую аудиторию, и публикации в них статей и рассказов. Участие в периодических изданиях было типично для многих известных писательниц не только Китая, но и других стран Дальнего Востока, например, Японии и Кореи, где издательский бум приходится на первые десятилетия XX века. Так, в Корее известная писательница На Хесок также начинала свой путь на литературной стезе с публикаций в газете [Солдатова, Яковлева, 2021].

В таких журналах крайне мало, либо совсем не было редакционных и критических публикаций; основное пространство журналов заполняли политические публикации *чжэнлунь* (政论). Само желание китаянок заявить о своем участии в социальных преобразованиях наравне с мужчинами, прославиться благодаря публикациям было смелым решением. Многие из авторов даже не брали псевдонимов, что свидетельствовало об изменениях, происходивших в менталитете китаянок. Отличительной чертой участия китаянок в литературном процессе стало их стремление не только продемонстрировать свой творческий потенциал, но и иметь возможность получить средства к существованию, что повлияло на тематику их сочинений, как правило, любовную, т. е. востребованную женской аудиторией.

Начало творческой деятельности Бин Синь (冰心, 1900–1999), Лу Инь, Бай Цай (1894–1926), Фэн Юаньцзюнь (1900–1974), Лин Хуэйинь, Лин Шухуа совпало с патриотическим демократическим движением за новую культуру и литературу «4-го

мая»1919 года. По-разному они освещали волнующие их темы: бедность и богатство, добро и зло, отчуждение людей, войну и мир – вечные вопросы любого мыслящего человека. К ним добавляются еще и несущие национальную специфику – роль женщины в семье, живущей по законам конфуцианского общества, карьера или семейное счастье, любовь или семья. Особенностью творческой манеры писательниц стало их стремление в своих сочинениях коснуться вопросов социальной психологии – новое направление в китайской литературе.

Писательницы обращаются к разнообразной тематике – освобождение женщин от давления моральных оков, навязанных традиционными взглядами, изменение их положения в семье, стремление повысить свой социальный статус. Все эти темы освещаются через призму любовных переживаний героинь.

Из молодых писательниц, первые публикации которых датируются началом 20-х годов, внимание читателей привлекли представительницы «пекинской школы» – Лин Шухуа（凌叔华, 1900–1990）, Лу Инь (庐隐, (1898–1934), Бин Синь (冰心, 1900–1999). Они пришли в литературу во время движения 1919 года, познакомились в годы учебы в университете в Пекине и входили в один круг общения.

Лин Шухуа была дочерью высокопоставленного чиновника маньчжурской династии от его третьей наложницы. Со временем ее отец занял пост мэра Пекина. В семь лет ее отправили учиться в Японию в Киото, где буддийские храмы пробудили любовь девочки к традиционной японской культуре. В 1922 году Лин Шухуа стала студенткой университета Яньцзин в Пекине, изучала французский, английский и японский языки. Она посещала занятия вместе с Бин Синь, обе девушки увлеклись литературным творчеством. Их дружба продолжалась и после возвращения Бин Синь из Америки в 1923 году и потом, уже после замужества обеих. Разные взгляды на социальную роль литературы не повлияли на их отношения, продолжавшиеся более пятидесяти лет. Сближала писательниц и любовь к женской теме в творчестве.

Первые публикации Лин Шухуа вызвали скандал в литературном сообществе Пекина: Лу Синь обвинил ее в плагиате, заимствованиях у Кэтрин Мэнсфилд (Katherine Mansfield, 1888–1923), новозеландской писательницы, прославившейся короткими рассказами и новеллами. Лин Шухуа не отрицала влияния прозы Мэнсфилд на свое творчество, занималась переводом ее сочинений на китайский язык.

Критики ассоциируют произведения Лин Шухуа с женским письмом, находя в ее прозе элементы субъективизма и сентиментализма [Hxia, 1999]. В творческом мышлении Лин Шухуа доминируют мотивы феминизма, она пишет о социальных проблемах, акцентируя внимание на давлении традиционной морали на уровне как семьи, так и общества. Главная ее тематика – китаянка в условиях меняющегося после движения «4-го мая» общественного сознания, но не всегда умеющая соответствовать новым условиям. Ее героини – представительницы семей среднего достатка, горожанки. Они не страдают от нищеты и унижений городских бедняков, не замучены физическим трудом крестьянки, но их тяготят моральные невзгоды. Такова героиня рассказа «Вечером в праздник Середины осени» («中秋晚», 1925), находящаяся в плену традиционных суеверий. Герои рассказа переживают счастливые дни медового месяца и уверены в прочности своей любви. Согласно китайским верованиям, вечером одного из главных народных праздников – «Середины осени», когда на небе самая круглая в году луна, символизирующая единение семьи, все родственники должны собраться за ужином. Но муж, несмотря на уговоры молодой жены, уходит навестить свою умирающую сестру. Конфликт между молодыми разрастается, и семейный союз рушится[1]. Внешние атрибуты благополучной семьи скрывают моральную пропасть между мужем, отрицающим феодальные суеверия, и его женой, отказывающейся принять новые взгляды на жизнь.

Взяв за основу повествования сюжетно-содержательный уровень текста, Лин Шухуа демонстрирует свой талант рассказчицы, на протяжении всего повествования удерживающей внимание читателя. Этот ее талант проявляется и в рассказе «Чай» («吃茶», 1925) героиня которого, получившая западное воспитание и полностью обеспечивающая свою жизнь работой на фирме, влюбляется в коллегу и рассчитывает на взаимность. Развитие сюжета рассказа держит в напряжении читателя, где в финале героиня получает приглашение на свадьбу коллеги, что является полной неожиданностью и для нее, и для читателя.

В отличие от романов об «уточках-неразлучницах» первых двух десятилетий XX века, любовные отношения героев прозы Лин Шухуа уже не являются основой сюжетной линии. Лин Шухуа избегает описания жизни обитательниц «веселых кварталов» и их поклонников, ее героини – представительницы средней буржуазии. Лин Шухуа затрагивает проблемы положения женщин в семье, создает образы китаянок, пытающихся восстать против однообразия своей жизни, успешных дам, пожертвовавших семейной жизнью ради карьеры,

[1]凌叔华: 中秋晚 = Лин Шухуа. Вечером в Праздник Середины осени. Чанша: Изд-во Синь шицзе чубаньшэ, 1998.

девушек, получивших образование, но не имеющих возможности реализоваться из-за запрета отцов или мужей.

Любовно-социальная тематика – отличительная черта прозаика Лу Инь, также входившей в «пекинкую школу». Ей принадлежат романы, сборники рассказов и эссе, в которых повествуется о социальных преобразованиях, затронувших китайских женщин XX века.

Многие сочинения Лу Инь автобиографичны, в этом она схожа с Бин Синь. Но в отличие от счастливого детства и любящих родителей Бин Синь, свои детские годы Лу Инь вспоминает с чувством горечи. Уже само рождение будущей писательницы были омрачено семейным горем: в этот же день умер ее дед по отцу, что, по китайским верованиям, предопределило несчастную жизнь новорожденной. Спустя несколько лет скончался отец Лу Инь, ее мать осталась вдовой с четырьмя детьми. Чтобы не платить за обучение дочери, родные отдали ее в миссионерскую школу. Обучение она продолжила в Пекинской высшей женской педагогической школе, а затем в университете Яньцзин. Лу Инь, как и многие пекинские студенты, принимала участие в студенческих демонстрациях и акциях протеста, что побудило ее ступить на литературный путь. Публикации в популярной газете «Шиши синьбао» （时事新报） приносят ей известность и звание феминистки. В последующие годы она часто публикуется в периодике и заявляет о себе, как об авторе рассказов и повестей на любовную тематику. Она публикует повесть «Подруги на побережье» («海滨故人», 1925), сюжетная линия которой построена на описании любовных коллизий пяти героинь, в начале повествования рисующих свое будущее в радужных красках, а к финалу разочаровавшихся в мечтах.

Если в повествованиях об «уточках-неразлучницах и бабочках» авторы не задумывались о создании психологического портрета своих героинь, то теперь Лу Инь не только дает описание их внешности, но старается показать их характер, объяснить мотивацию поступков. Все пять героинь отличаются одна от другой. Главная, Лу Ша, внешне напоминает писательницу: такая же невысокая и крепкая телосложением, как и Лу Инь, она часто бывает задумчива, но в общении с подругами жива и остроумна. Судьба ее во многом напоминает жизнь писательницы: лишенная любви родителей в детстве, она и в стенах миссионерской школы остается одинокой. Ее подруга Лин Юй любит и смеяться, и плакать, она небезразлична к похвале, скромна и нежна. Лин Юй склонна к философским рассуждениям, считает, что любовь – главное в жизни, составляет смысл существования. Юнь Цин отличается рациональностью, она с осторожностью относится к подругам. Несмотря на то что она готова помочь им, каждый раз думает, как они воспримут ее помощь. Совсем другие Лянь Чан и Цзун Ин: они любят музыку, наряжаются, принимают похвалу и не в меру болтливы[1].

Подобные женские образы – открытие современной китайской литературы. Это те девушки, чьи родители имели возможность обеспечить им образование если не заграницей, то в миссионерских школах Китая. Они прошли путь от восторженного восхищения революционными лозунгами и участия в студенческих обществах до разочарования, наступившего в середине 20-х годов, когда в стране после победы милитаристских группировок началось преследование прогрессивно настроенной интеллигенции. Героини повести, еще окрыленные идеями движения за обновление страны, полны надежд на духовное освобождение китаянок, они верят в образование как действенный способ избавиться от пут конфуцианской идеологии и хотят обрести свободу и право на любовь. Героини считают своей миссией «познание жизни», но, имея малый опыт, не находят ответа на вопрос «что такое жизнь». Они полны фантазий, надежд на то, что станут востребованными обществом личностями, но при столкновении с жизненными коллизиями испытывают разочарование, впадают в депрессию. Главная героиня, Лу Ша, погружается в бесконечные размышления о том, «что такое жизнь на самом деле», ее подруги также понимают, что оказались в плену утопических идей.

Поиски возвышенных любовных отношений приносят подругам разочарование. Роман Лу Ша с Цзы Цином вызывает всеобщее порицание (так же, как и свадьба писательницы с ее вторым мужем, который значительно моложе ее). Юнь Цин, пожертвовавшая любовью ради создания идеальной семьи, не выдерживает морального давления родственников и принимает решение остаться одной. Цзун Ин, Линь Юй и Лянь Чан также страдают от несбывшихся любовных надежд и противоречий между идеалом и реальностью. Внешнее благополучие не делает этих женщин счастливыми, их переживания и неудачи закономерны. Неустойчивость и душевная неустроенность – вот главная причина разочарований, типичная для молодой интеллигенции в 20–30-е годы.

Развитие социальной темы в творчестве китайских писательниц продолжила Бин Синь, которая на протяжении всей свой творческой жизни обращалась к женской тематике. На ее художественной манере в большей степени, нежели у Лин Шухуа

[1]庐隐. 海边故人 = Лу Инь. Подруги на побережье. Гуанчжоу: Хуанчэн чубаньшэ, 2011.

и Лу Инь, сказались взгляды авторов американской и европейской беллетристики, с которой она познакомилась во время обучения в миссионерском университете города Сиэттла (США), где провела три года (1921–1923).

Если в одном из первых своих рассказов «Две семьи» («两个家庭», 1919), в котором сравниваются счастливая и несчастная семьи, Бин Синь видит причину бед только в характере хозяйки несчастливой семьи, то в прозе, созданной после возвращения на родину, Бин Синь пишет о том, что та свобода, которой пользуются европейские женщины, отстоявшие свое право самим выбирать свою судьбу, должна стать доступной и китаянкам. Бин Синь понимает, что это – социальная проблема и решение ее выходит за рамки отдельной семьи.

В 30-е годы происходит резкий поворот в творческой манере Бин Синь. Вместо прежнего умиления собственным детством и счастливыми родителями она обращается к критике тех своих соотечественниц, что составляли интеллектуальную элиту Пекина – образованных, обеспеченных женщин, пользующих высоким положением своих мужей. Писательница высмеивает своих «героинь»: их образ жизни, систему ценностей, мораль. Если в ранних произведениях Бин Синь автор и нарратор совпадали, то теперь они расходятся. Бин Синь создает картину своего нового окружения, в котором она оказалась после замужества, но в то же время дистанцируется от него, используя стилистические приемы сатиры и гротеска.

Персонажи рассказа Бин Синь «Гостиной нашей госпожи» («我们太太的客厅», 1933) предстают людьми малозначимыми, поглощенными ежедневной суетой, самолюбованием. Хозяйка гостиной и ее гости за пустыми фразами о служении искусству, любви к родине, готовности к жертвам во имя высших целей пытаются скрыть духовную пустоту, низменные интересы, мещанскую психологию.

Прообразом героев рассказа послужили гости известного в 30-е годы в Пекине культурного салона, созданного на французский манер поэтессой и женой крупного пекинского архитектора Линь Хуэйинь, поэтессы и подруги Бин Синь по университету. В доме супругов собирались видные представители столичной интеллектуальной и культурной элиты: модный поэт Сюй Чжимо, философ Цзинь Юэлинь, археолог Ли Цзи, политик и писатель Ху Ши, писатель Шэнь Цунвэнь. Не исключено, что на этих встречах бывала и Бин Синь, ставшая к этому времени одной из популярных поэтесс и эссеистов и, как Линь Хуэйлинь, входившая в круг «столичной элиты». В рассказе «Гостиная нашей госпожи» все, интересовавшиеся жизнью пекинских литераторов, увидели сатирическое изображение знакомых им лиц. Линь Хуэйинь, до этого дружившая с Бин Синь, разорвала с ней связи.

В рассказе Бин Синь скрупулезно описан интерьер гостиной, вся обстановка которой подобрана хозяйкой с большим вкусом и призвана убедить в этом ее гостей. В собственной утонченности госпожа нисколько не сомневается, подобно героине рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья». Она уверена в собственных талантах: рисует, сочиняет стихи, музицирует, слывет тонким знатоком европейской литературы. Госпожа собирает в своей гостиной исключительно мужчин, потому что считает, что женщины «мелочны и консервативны». Единственная представительница слабого пола, которой госпожа позволяет бывать у себя, – художница. Госпожа принимает ее, считая, что «во-первых, каждая женщина должна иметь подругу, во-вторых, госпожа красива, а художница – нет, и в-третьих, художница обожает госпожу»[1].

Вечер, события которого составили основу повествования, заканчивается неудачно: гости разъезжаются, поездке госпожи в театр мешает неожиданно вернувшийся муж, и такой непредвиденный финал спланированного ею вечера заставляет госпожу задуматься о бессмысленности и пустоте своей жизни. Однако пройдет несколько дней, и она опять пригласит к себе друзей, и вечерние разговоры принесут радость хозяйке гостиной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прозу Лин Шухуа, Лу Инь и Бин Синь 20–30-х годов XX века объединяет стремление писательниц через описание любовных переживаний своих героинь показать изменения, произошедшие в мировоззрении китаянок в ходе социальных преобразований в Китае в начале XX века. Они не отказываются от изображения любовных коллизий своих героинь (в большей степени Лин Шухуа и Лу Инь, в меньшей – Бин Синь), но в отличие от авторов романов об «уточках-неразлучницах» расширяют изобразительный фон повествования, придают описываемым событиям социальное звучание.

[1]冰心：小说散文选集 = Бин Синь. Избранные рассказы и эссе. Пекин: Изд-во Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1954. С. 102. Перевод наш. – *Н. З.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 郭延礼，郭蓁. 中国女性文学研究 (1900–1919). 济南：山东教育出版社 2016 = Го Яньли, Го Чжэнь. Исследование китайской женской литературы. 1900–1919. Цзинань: Шаньдун цзяоюй, 2016.
2. Солдатова М. В., Яковлева Л. Н. Вклад женщин-писательниц в расширение тематики корейской литературы в колониальный период // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 4 (846). С. 213–224. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/4_846_H.pdf
3. Hxia C. T. A History of Modern Chinese Fiction. Third edition. Bloomington: Indiana University Press, 1999.

REFERENCES

1. 郭延礼，郭蓁 (2016). 中国女性文学研究 (1900–1919). 济南：山东教育出版社 2016 = Go Yanli, Go Chzhen. (2016). A study of Chinese women's literature. 1900–1919. Tszinan: Shandun tszyaoyuj. (In Chinese)
2. Soldatova, M. V., Yakovleva, L. N. (2021). Women writers' contribution to thematic widening of Korean literature in the colonial period. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(846), 213–224. http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/4_846_H.pdf (In Russ.)
3. Hxia, C. T. (1999). A History of Modern Chinese Fiction. Third edition. Bloomington: Indiana University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Захарова Наталья Владимировна
доктор филологических наук
зав. отделом литератур стран Азии и Африки
Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zakharova Natalya Vladimirovna
Doctor of Philology
Head of Department of Literatures of Asian Countries and African Countries
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	10.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	12.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 82-32:821.161.1.

Рассказы В. А. Никифорова-Волгина об А. С. Пушкине: документальная основа и ее трансформации

Е. А. Осьминина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
eleosminina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются документальная основа и историко-культурный контекст двух рассказов В. А. Никифорова-Волгина: «Пушкин и митрополит Филарет», «Васька Кирпичников и А. С. Пушкин». Первый рассказ публиковался в России в сокращенном виде, второй никогда не публиковался. Путем сопоставления текстов показано, где Никифоров-Волгин следует документам (или тому, что считает документом), а где отходит от известных фактов. Предложено объяснение причин вымысла.

Ключевые слова: Никифоров-Волгин, Пушкин, митрополит Филарет, пушкинский домик в Пскове, ссылка в Михайловское, «Дар напрасный, дар случайный…», «И ныне с высоты духовной…»

Благодарность: профессору Псковского государственного университета И. В. Мотеюнайте за консультацию в процессе написания статьи.

Для цитирования: Осьминина Е. А. «Рассказы В. А. Никифорова-Волгина об А. С. Пушкине: документальная основа и ее трансформации» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып.12 (893). С. 128–133.

Original article

V. A. Nikiforov-Volgin's Stories About A. S. Pushkin: the Documentary Basis and Its Transformations

Elena A. Osminina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
eleosminina@mail.ru

Abstract. The article examines the documentary basis of two stories by V. A. Nikiforov-Volgin: "Pushkin and Metropolitan Filaret", "Vaska Kirpichnikov and A. S. Pushkin". The first story was published in Russia in a truncated form, the second was never published. By comparing the texts, it is shown where Nikiforov-Volgin follows the documents (or what he considers a document), and where he departs from the known facts. The reasons for the writer's fiction are explained.

Keywords: Nikiforov-Volgin, Pushkin, Metropolitan Filaret, Pushkin's house in Pskov, exile to Mikhailovskoye, "A gift in vain, an accidental gift…", "And now from a spiritual height…"

Acknowledgments: I thank T. V. Marchenko and Professor I. V. Moteyunaite from Pskov State University for consultations during the writing of the article.

For citation: Osminina, E. A. (2024). V. A. Nikiforov-Volgin's Stories about A. S. Pushkin: the documentary basis and its transformations. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 128–133. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

225-летие со дня рождения А. С. Пушкина, которое празднуется в настоящем году, стимулировало обращение к новым источникам и документам, – в том числе и к материалам, опубликованным в Русском Зарубежье во второй половине 1930-х годов. Тогда столетие со дня смерти писателя, отмеченное и в Советской России и в эмиграции в 1937 году, стало общей вехой в истории двух русских литератур.

Провело ряд юбилейных мероприятий и русское меньшинство в Прибалтике. Очерк и два рассказа В. А. Никифорова-Волгина (1901–1941), русского писателя и журналиста из Эстонской Республики, разбираемые в настоящей статье, также связаны с юбилейной датой. Очерк «Встреча композитора И. Тульчиева, проживающего в Нарве, с современниками А. С. Пушкина (Письмо из Эстонии)» был опубликован летом 1936 года и начинался с указания на грядущее столетие со дня смерти поэта. Рассказ композитора, который приведен в очерке, был представлен как один из материалов, собираемых к грядущему столетию. Данный очерк послужил документальной основой рассказа «Васька Кирпичников и А. С. Пушкин (Из цикла сказаний о великих людях)»: в газетной сноске к рассказу даже было указание на очерк (правда, даты его публикации не приведено). Рассказ «Пушкин и митрополит Филарет» был опубликован в 1938 году, и одним из его источников мы предполагаем книгу митрополита Анастасия (Грибановского) «Пушкин и его отношение к религии и православной церкви», вышедшую в памятном 1937 году.

Очерк и написанный на его основании рассказ были напечатаны только в рижской газете «Сегодня», в России они неизвестны. Рассказ «Пушкин и митрополит Филарет» до настоящего времени печатается в России только в усеченном виде; хотя в газете «Сегодня», в сборнике писателя «Дорожный посох» (Таллин, 1938), в сборнике С. А. Журавлева «“И ныне с высоты духовной…”: Как православ. церковь Латвии чтила память А. С. Пушкина (1880–1899–1937–1999)» (Рига, 2000) он опубликован полностью. Как фактические материалы, положенные в основу произведений, так и их писательская интерпретация представляют несомненный научный интерес.

Поэтому в настоящей статье анализируется и историко-культурный контекст, фактическая основа двух рассказов Никифорова-Волгина о Пушкине, и сам писательский замысел. Цель статьи двоякая: во-первых, выявить документальную основу рассказов и постараться объяснить ее трансформацию; во-вторых, в этой связи, понять смысл и функцию образа великого поэта в рассказах.

А. С. ПУШКИН В ПСКОВЕ

Очерк «Встреча композитора И. Тульчиева, проживающего в Нарве, с современниками А. С. Пушкина (Письмо из Эстонии)» (1936) – мемуарного характера. Это воспоминания И. И. Тульчиева, записанные Никифоровым-Волгиным как журналистом (выступающим под литерой «В»).

Иосиф Иванович Тульчиев (1860–1938) – русский композитор, начинавший с церковного пения в г. Вознесенске (Херсонской губернии). В 1882 году он стал регентом архиерейского хора епископа Псковского и Порховского, в Пскове (где ему много помог псковский мещанин и любитель церковного пения М. Н. Литвинов). В 1891 году Тульчиев окончил Санкт-Петербургскую консерваторию. Был основателем и дирижером Псковского симфонического оркестра, преподавал музыку и пение в Псковском кадетском корпусе. При отступлении Эстонской народной армии из Пскова ушел вместе с ней, с конца 1919 года проживал в Нарве. Был капельмейстером 4-й пехотной дивизии Северо-Западной армии, участвовал в организации борьбы с тифом, преподавал в 1-й Нарвской городской русской гимназии, Нарвской эмигрантской гимназии, был членом Нарвского русского общественного собрания.

Написал квартет для струнных инструментов, торжественную кантату памяти А. С. Пушкина, увертюру «Медный всадник», оперы «Горийская башня», «Безмерный подвиг Архипа Осипова», «Граф Розенвальд» (две последние – не закончены); писал и духовную музыку (песнопения в часть православных святых, сборник 1910 года).

Понятно его хорошее знакомство с Никифоровым-Волгиным, жившим в Нарве до конца 1935 – начала 1936 года и около 13 лет прослужившим псаломщиком Спасо-Преображенского собора. Никифоров-Волгин также был связан с Северо-Западной армией, имел как журналист много знакомых среди музыкантов, артистов и художников Нарвы.

Очерк «Встреча композитора И. Тульчиева, проживающего в Нарве, с современниками А. С. Пушкина (Письмо из Эстонии)» начинается с рассказа Тульчиева о собственном доме в Пскове, который он купил в 1897 году у вдовы Литвиновой (предположительно, вдовы М. Н. Литвинова – *Е. О.*) и с описании купчей на дом. Процитирован текст (видимо, часть текста) купчей: характеристика дома – деревянного, одноэтажного на каменном фундаменте; адрес – Сергиевская улица, № 22; площадь дома,

сада и надворных построек – шестьсот тридцать четыре квадратных сажени (по современному калькулятору, это 28, 86 соток). Дополнительно (не в купчей, а в очерке) указано, что от дома шел подземный ход к реке Великой.

Этот дом, как рассказывает Тульчиев, некогда принадлежал Ольге Сергеевне Пушкиной, родной сестре великого поэта, и сам Пушкин приезжал в дом и гостил там по нескольку дней. Вдохновленный думами о поэте, Тульчиев написал в этом доме Пушкинскую кантату, которую Российская Академия наук удостоила почетной награды и диплома.

Очевидно, что ни Тульчиев, ни Никифоров-Волгин не сомневались в принадлежности домика О. С. Пушкиной. Пушкинисты и краеведы указывают, что Пушкин приезжал в Псков из Михайловской ссылки (август 1824 г. – сентябрь 1826 г.). Однако сведений о пребывании в городе его сестры, Ольги Сергеевны Пушкиной (1797–1868), в замужестве Павлищевой (с 1828 г.), нет.

В современной статье А. В. Филимонова «О судьбе “Пушкинского домика” в Пскове» приведена фотография дома И. И. Тульчиева в Пскове, на стене которого в 1899 году была установлена мемориальная доска в память об А. С. Пушкине» [Филимонов, 2018, с. 22], а также подробно изложена и история легенды о «пушкинском доме» и ее опровержение, со ссылками и анализом работ предыдущих краеведов. Дом сгорел летом 1944 года, во время отступлений немцев из Пскова.

Кроме истории дома, в очерке приводятся воспоминания двух современников А. С. Пушкина, с которыми беседовал композитор: это некая Демидова и купец Василий Кирпичников.

Демидова охарактеризована как дряхлая старушка, с которой Тульчиев встретился в Петровском посаде Псковской губернии. Приведен ее рассказ о приездах Пушкина к сестре и о самом поэте. Из этого рассказа можно узнать о любви поэта к картежной игре и анисовому варенью (в саду дома на Сергиевской росли яблони-анисовки), о веселом характере, особенности смеха, о рыцарском отношении к женщине. Псковская молва, как вспоминал Тульчиев, утверждала, что Демидова была влюблена в Пушкина. Сама она об этом композитору никогда не рассказывала, однако упоминала, что Пушкин часто провожал ее до дома; что говорил при этом, она не помнила.

Фамилия Демидовой фигурирует в книге краеведа И. И. Василева (1899). Она называется обитательницей Петровского посада. История ее отношений с поэтом выглядит по-другому. И. И. Василев пишет, что Демидова вместе с ученицами одного пансиона гонялась по Пскову за поэтом. По сведениям Демидовой, сообщенных Василеву, Пушкин в Пскове останавливался в доме Литвинова на Сергиевской улице, где впоследствии был Ольгинский приют, и ходил оттуда на площадку соборной горы города [Филимонов, 2018].

Второй современник Пушкина, с которым встречался Тульчиев в Пскове, – купец Василий Кирпичников. В очерке он сначала упоминается в воспоминаниях Демидовой: она рассказывает, что именитых людей Пскова поэт удивлял своей дружбой с Кирпичниковым, «молодым тогда и ражим ухарем»[1]. Демидова вспоминает, что Пушкин бродил с Кирпичниковым по Пскову, записывал слова последнего в записную книжку, награждал рассказчика деньгами.

Далее в очерке приведен рассказ о Кирпичникове уже самого Тульчиева. Описана внешность купца: «Типичный русак был. Борода с аршин. Широкий в кости»[2], местонахождение его торговли (на углу улиц Плоской и Великолуцкой), а также речь, плавная и образная, насыщенная «подлинным черноземным юмором, и редкими русскими словечками»[3]. Приведены и характеристики Пушкина, которые давал Кирпичников в разговоре с Тульчиевым: купец вспоминал доброту и щедрость поэта, его любовь к женщинам и «мужицкому» языку, намерение пройти по русской земле пешком (вместе с самим Василием).

Заметим здесь, что П. В. Анненков, первый биограф поэта, писал о пребывании Пушкина в Пскове: о том, что поэт изучал народную жизнь и живую народную речь «в самом ее источнике» [Анненков, 1984, с. 153]: ходил по базарам, терся между людьми, переодевался в мещанский костюм. Привел П. В. Анненков и свидетельство П. В. Кириевского о тетради песен, собранных Пушкиным в Псковской губернии. Сам биограф процитировал два стихотворения Пушкина: «Сказку о медведихе» и «Сват Иван, как пить мы станем…» – как образец поэзии, проникнутой духом народных сказаний.

Рассказ «Васька Кирпичников и А. С. Пушкин (Из цикла сказаний о великих людях)» написан на основе очерка, но и герой, и пафос произведения меняются.

Герой очерка – Пушкин, цель – сохранить воспоминания современников о великом поэте. Герой рассказа («сказания») – Василий Кирпичников (Васька), причем характеристики его здесь несколько другие. Васька в рассказе – не купец, но

[1]В. Встреча композитора И.Тульчиева, проживающего в Нарве, с современниками А. С. Пушкина (Письмо из Эстонии) // Сегодня. 1936. № 190. С. 10.

[2]В. Встреча композитора И. Тульчиева, проживающего в Нарве, с современниками А. С. Пушкина. 1936. С. 10.

[3]В. Встреча композитора И.Тульчиева, проживающего в Нарве, с современниками А. С. Пушкина .1936. С. 10.

сказитель, который ничем не занимается, добывая деньги на выпивку талантом сказителя и певца.

«Ухарство» героя распространено до горького пьянства. Говорится о худой славе Васьки как «завьюженного пьяницы и буяна», которого порой, «здоровенного, жилистого, мутного, красноносого и в дым пьяного» [Никифоров-Волгин, 1940, с. 4], и в церковь не пускали. Трезвого же его любили, называли по имени-отчеству, потому что не было во Пскове «человека богаче и щедрее его на побасенку, ловкое русское словцо, древнюю побыль, сказку» [там же].

Добавлен рассказ Васьки о том, как его черным ходом приводят в покои грозного псковского архиепископа, большого любителя русских народных сказаний; как архиепископ слушает сказания и награждает сказителя деньгами. Предположительно, это архиепископ Ярославский и Ростовский Евгений (Казанцев) (1778–1871), занимавший Псковскую кафедру с февраля 1822 по ноябрь 1825 года; его резиденцией был псковский Снетогорский в честь Рождества Пресвятой Богородицы монастырь.

Сведения о том, что Пушкин записывал слова Василия в записную книжку, что награждал деньгами, – перешли из очерка в рассказ. Добавлена история знакомства Кирпичникова с Пушкиным. По рассказу самого Васьки, это произошло у монастырских ворот, где последний «пел лазаря». Кроме того, приведено название одного из сказаний Васьки – «Как скоморохи во святой град Иерусалим ходили» – это сказание Пушкин просил героя повторить.

Добавлен в рассказ и отрицательный персонаж – предводитель псковского дворянства, определяющий Пушкина как «афеиста и отступника» [Никифоров-Волгин, 1940, с. 4].

Таким образом, Пушкин непосредственно в рассказе не действует, но становится мерилом и оценкой Васькиного таланта, свидетельством и подтверждением подлинности живого русского слова, опирающегося на древний сказ. Можно сказать, Пушкин – своего рода «верительная грамота» герою: похваляющемуся пьянице и истинному таланту, которого «Господь Бог в голову поцеловал!» [там же].

А. С. ПУШКИН И МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ

Для рассказа «А. С. Пушкин и митрополит Филарет» можно предположить, в качестве документальной основы, ряд источников. Прежде всего диалог воспроизведен в первой биографии митрополита, пера Н. В. Сушкова: «Записки о жизни и времени святителя Филарета Московского» [Сушков, 1858]. В этой книге, в том числе, приведено описание внешности митрополита, его распорядка дня, процитированы две его резолюции. Возможно, что соответствующие описания в рассказе Никифорова-Волгина взяты из этой биографии.

Кроме того, диалог поэта и митрополита приводился в речи преосв. Филарета, епископа Рижского и Митавского, произнесенной в 1880 году и дважды опубликованной в газете «Рижский вестник» (в 1880 и 1899 годах)[1]. Эта речь могла быть известна П. М. Пильскому, критику рижской же газеты «Сегодня», автору наибольшего числа юбилейных публикаций о Пушкине в данной газете. Пильский был хорошо знаком с Никифоровым-Волгиным, принимал живое участие в литературной судьбе писателя и мог сообщить ему о речи преосв. Филарета.

И наконец диалог разбирался в книге митрополита Анастасия (Грибановского) «Пушкин и его отношение к религии и православной церкви» (1937). Близость года выхода книги к году выхода рассказа также позволяет предположить ее в качестве источника писателя.

С этими источниками есть расхождения и в фактах, и в интерпретациях диалога. Сначала о фактах.

Во-первых, Никифоров-Волгин с ошибками цитирует стихотворения Пушкина и митрополита Филарета, причем эта ошибка повторена и в газетной и в книжной публикации рассказа. У Пушкина: «Жизнь, зачем ты мне дана? <…> Ты на казнь осуждена?», у Никифорова-Волгина: «Жизнь, на что ты мне дана? <…> Ты на смерть осуждена?» [Никифоров-Волгин, 1938, с. 4]. У митрополита Филарета, по Сушкову: «На печаль осуждена» [Сушков, 1858, с. 126], по митр. Анастасию: «И на казнь осуждена» [Митрополит Анастасий, 1999, с. 40], у Никифорова-Волгина: «На тоску осуждена» [Никифоров-Волгин, 1938, с. 4]. При этом отрывки из «Бориса Годунова» в первой части рассказа Никифоров-Волгин цитирует точно. На данный момент мы предполагаем, что первая неточность – следствие газетной опечатки, которая потом перешла в сборник. Но если удастся найти публикацию стихотворений с такими же ошибками – она и будет источником Никифорова-Волгина.

Во-вторых, и Сушков, и митрополит Анастасий, и современные биографы поэта [Альтшуллер, 2009] указывают, что со стихотворением Пушкина «Дар напрасный, дар случайный» познакомила митрополита Филарета Е. М. Хитрово. У Никифорова-Волгина это делает И. В. Киреевский.

Указанная неточность кажется нам сознательным вымыслом. И. В. Киреевский своей

[1]Речь, сказанная преосвященным Филаретом, епископом рижским и митавским, в рижском кафедральном Петропавловском соборе 6-го июня, по случаю поминовения А. С. Пушкина // Рижский вестник. 1880. 16 июня. № 135.

личностью символизирует близость науки и религии, знания (философии) и веры (православия); «Афин» и «Иерусалима», если воспользоваться обозначением Тертуллиана. Эта гармония светского и духовного; не противоречие, не противоположность, а синтез – важны для самого Никифорова-Волгина.

Теперь о расхождениях в интерпретации. И у преосвященного Филарета, и у митрополита Анастасия главный герой диалога – Пушкин, который являет пример смирения великого человека перед авторитетом церкви. У преосв. Филарета говорится о «сердечном раскаянии поэта», благоговении к священному авторитету вразумляющего[1]. Митрополит Анастасий пишет о Пушкинском «глубоком смирении сердца, не боящегося всенародной исповеди в своих заблуждениях и страстях» [Митрополит Анастасий ... 1999, с. 41]. То есть и у преосвященного Филарета, и у митрополита Анастасия главный герой диалога – А. С. Пушкин. Герой же Никифорова-Волгина – митрополит Филарет.

В первой части рассказа говорится о том впечатлении, которое произвели на митрополита сцены «Бориса Годунова». После этого чтения митрополит с «тревогой и беспокойством» пересматривает жизнь. [Никифоров-Волгин, 1938, с. 4]. Здесь также появляется отрицательный персонаж – «суховидный» лицом архимандрит, который называет поэта «повесой и греховных дел искусником», «вольнодумцем и престола монаршего чревоточецем!» [там же].

Во второй части рассказа повествуется о желании митрополита уйти на покой и отказе от этого желания, после чтения пушкинских стихов: дабы утешать и спасать «тех великих и малых», «кои томятся тоскою и сомнениями в присномутном житии нашем!» [там же]. Стихотворение же Пушкина «В часы забав иль праздной скуки...» для митрополита является подтверждением действенности этого утешения.

Таким образом, и во втором рассказе А. С. Пушкин – не действующий герой, но мерило прекрасного, образец совершенства слова и «побудительный мотив» митрополита (мотив утешения – важнейший в творчестве Никифорова-Волгина).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трансформации документальной основы рассказов, как нам кажется, имеют схожие причины. В рассказе «Васька Кирпичников и А. С. Пушкин» изменение главного героя (по сравнению с очерком) призвано усилить двойственность Кирпичникова. Роль Пушкина, значение его оценки, таким образом, увеличивается. Пушкин – мерило и верительная грамота таланта Кирпичникову, при всем пьянстве и безудержной похвальбе последнего.

В рассказе «Пушкин и митрополит Филарет» появление И. В. Киреевского (вместо Е. М. Хитрово) обозначает синтез светской и духовной культуры. Пушкин и здесь – зеркало и мерило прекрасного, эстетический идеал, высшая оценка, в том числе и деятельности митрополита Филарета для него самого.

Сам же А. С. Пушкин в художественных произведениях Никифорова-Волгина не является действующим лицом, но возникает в рассказах или размышлениях героев. Отношение же поэта и отношение к поэту – основная их характеристика: и грешника Васьки, и святого (прославленного ныне в лике святых) митрополита.

Таким образом, синтез, гармония светской и духовной культуры проявляются на уровне персонажей и на уровне пафоса рассказов.

Можно предположить, что и для самого Никифорова-Волгина этот синтез и гармония были несомненны. Бывший церковнослужитель, он в своих произведениях рассказывал о церковном богослужении, выделял особенности праздничных и постных служб. Эта его особенность отмечалась и в прижизненной критике, и в современном литературоведении.

И в то же время Никифоров-Волгин с глубоким почтением, чуть ли не с благоговением относился и к светской культуре, к русской литературе; его любимые писатели – Пушкин, Толстой и Чехов (в одном из своих «сказаний» он даже примирил Толстого с церковью...). Об этом пришло время сказать на основании новых, недавно обнаруженных произведений писателя и его публицистики.

[1]Речь, сказанная преосвященным Филаретом, епископом рижским и митавским, в рижском кафедральном Петропавловском соборе 6-го июня, по случаю поминовения А. С. Пушкина // Рижский вестник. 1880. 16 июня. № 135.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Филимонов А. В. О судьбе «Пушкинского домика» в Пскове // Псков. 2018. № 49. С. 18–23.
2. Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М. : Современник, 1984.
3. Никифоров-Волгин В. Васька Кирпичников и А. С. Пушкин (Из цикла сказаний о великих людях) // Сегодня. 1940. 26 мая. № 145. С. 4.

4. Сушков Н. В.Записки о жизни и времени святителя Филарета Московского. М.: Типография А. П. Мамонтова 1858.
5. Митрополит Анастасий (Грибановский). Пушкин и его отношение к религии и Православной церкви. Мюнхен: Обитель преп. Иова Почаевского в Мюнхене, 1999.
6. Никифоров-Волгин В. Пушкин и Митрополит Филарет //Сегодня. 1938. 11 сент. № 251. С. 4.
7. Алтьшуллер М. Г. В часы забав иль праздной скуки… // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб.: Нестор-История, 2009. Вып. 1. А–Д. С. 232–235.

REFERENCES

1. Filimonov, A. V. (2018). O sud'be «Pushkinskogo domika» v Pskove = About the fate of the "Pushkin House" in Pskov, 49, 18–23. (In Russ.)
2. Annenkov, P. V. (1984). Materialy dlja biografii A. S. Pushkina = Materials for the biography of A. S. Pushkin. Moscow: Sovremennik. (In Russ.)
3. Nikiforov-Volgin, V. (1940). Vas'ka Kirpichnikov i A. S. Pushkin (Iz cikla skazanij o velikih ljudjah) = Vaska Kirpichnikov and A. S. Pushkin (From the cycle of tales about great people). Segodnja, 145, 4. (In Russ.)
4. Sushkov, N. V. (1858). Zapiski o zhizni i vremeni svjatitelja Filareta Moskovskogo = Notes on the life and times of St. Filaret of Moscow. Moscow: Tipografija A. P. Mamontova. (In Russ.)
5. Mitropolit Anastasij (Gribanovskij). (1999). Pushkin i ego otnoshenie k religii i Pravoslavnoj cerkvi = Pushkin and his attitude to religion and the Orthodox Church. Munich: Obitel' prep. Iova Pochaevskogo v Mjunhene. (In Russ.)
6. Nikiforov-Volgin, V. (1938) Pushkin i Mitropolit Filaret = Pushkin and Metropolitan Filaret. Segodnja, 251, 4. (In Russ.)
7. Alt'shuller, M. G. (2009). V chasy zabav il' prazdnoj skuki… = In the hours of fun or idle boredom… In Pushkinskaja jenciklopedija: Proizvedenija (issue 1: A–D, pp. 232–235). St.Petersburg: Nestor-Istorija. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осьминина Елена Анатольевна
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета
профессор кафедры коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Osminina Elena Anatolyevna
Doctor of Philology, Associate Professor
Professor of the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University
Professor of the Department of Communication Technologies, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	02.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК.82

Образ ученого в романах П. Акройда «Журнал Виктора Франкенштейна» и Дж. Уинтерсон «Целую, твой Франкенштейн: История одной любви»

Е. В. Сомова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
shalot1@rambler.ru

Аннотация. Статья анализирует художественное своеобразие интерпретации образа ученого, созданного в романе М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей», в литературе XXI века. На протяжении более двух столетий роман привлекает к себе внимание, став неотъемлемой частью поп-культуры, что и определяет актуальность темы исследования. Цель исследования – проследить развитие образов претекста в современной прозе. В диалоге с М. Шелли современные писатели ставят акцент на теме ответственности ученых в области новых технологий и искусственного интеллекта. Творение человеческого разума может оказаться разрушительной силой, если его создатель не задумывается о перспективах и целях научного эксперимента.

Ключевые слова: Шелли, Франкенштейн, ученый, постмодернизм, Акройд, Уинтерсон

Для цитирования: Сомова Е. В. Образ ученого в романах П. Акройда «Журнал Виктора Франкенштейна» и Дж. Уинтерсон «Целую, твой Франкенштейн: История одной любви» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 134–140.

Original article

The Image of a Scientist in the Novels by P. Ackroyd “The Casebook of Victor Frankenstein” and J. Winterson “Frankissstein: A Love Story”

Elena V. Somova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
shalot1@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the artistic originality of the interpretation of the image of the scientist created in M. Shelley`s novel «Frankenstein, or the Modern Prometheus» in the literature of the 21st century. For more than two centuries the novel has attracted attention, becoming an integral part of pop-culture, which determines the relevance of the research topic. The purpose of the work is to trace the development of pretext images in modern prose. In a dialogue with M. Shelley modern writers focus on the topic of responsibility of scientists in the field of new IT technologies and artificial intelligence. The creation of the human mind can be a destructive force if its creator does not think about the prospects and goals of a scientific experiment.

Keywords: Shelley, Frankenstein, scientist, postmodernism, Ackroyd, Winterson

For citation: Somova, E. V. (2024). The image of a scientist in the novels by P. Ackroyd “The Casebook of Victor Frankenstein” and J. Winterson “Frankissstein: A Love Story”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 134–140. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В романе «Франкенштейн, или Современный Прометей» («Frankenstein: The Modern Prometheus», 1818) Мэри Шелли затронула важнейшие вопросы человеческого бытия, которые пронизывают философские, научные и этические искания на протяжении многих столетий: может ли человек выступать в роли Творца; имеет ли он право на вмешательство в законы природы; каким образом происходит зарождение жизни. Как отмечает А. Н. Глущенко, М. Шелли, на примере двух главных персонажей, ученого и его творения, отрицает возможность человека выступать в роли создателя жизни искусственным путем [Глущенко, 2016].

Проблема сотворения жизни, до XIX века связанная с образом Творца, становится актуальной в литературе XX, а затем и XXI века. Новый интерес к этой теме в художественном творчестве связан со стремительным движением вперед научно-технического прогресса. Роман М. Шелли, удивляя силой прогностического видения, становится отправной точкой в развитии научной фантастики XX века и своеобразным предупреждением будущему. Плата за научные технологии, инновации, бесконечные усовершенствования не только механизмов, но и живых организмов, становится столь высока, что переходит критическую черту и ставит под сомнение существование человечества. В эпоху постмодернизма роман М. Шелли выступает в качестве интертекстуальной основы, позволяющей использовать легкоузнаваемый сюжет для создания современной картины мира. Образы, созданные английской писательницей, вводят в мировую литературу тему ответственности ученого за проводимые им научные эксперименты. *Актуальность* темы связана с современным научным подходом к исследованию новых художественно-эстетических возможностей, возникающих в мировой литературе XXI века. *Научная новизна* определяется недостаточной изученностью романов Дж. Уинтерсон и А. Саадави в отечественном и зарубежном литературоведении.

Материалом исследования являются романы П. Акройда «Журнал Виктора Франкенштейна» (2009), А. Саадави «Франкенштейн в Багдаде» (2013), Дж. Уинтерсон «Целую, твой Франкенштейн: История одной любви» (2019).

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗА УЧЕНОГО, СОЗДАННОГО М. ШЕЛЛИ, НА МИРОВУЮ КУЛЬТУРУ

В киноиндустрии образ Франкенштейна оказал большое влияние именно на массовое кино. Начиная с первой экранизации немого фильма «Франкенштейн» (1910, реж. Дж. Сирл-Доули), в котором сюжет романа представлен тринадцатиминутной притчей о борьбе добра и зла в душе человека, насчитывается более восьмидесяти фильмов, где действующими лицами являются ученый Виктор Франкенштейн и его создание. В современном культурном пространстве продолжают появляться фильмы, вдохновленные романом М. Шелли, что свидетельствует о непрекращающейся популярности романа.

В 1965 году выходит повесть Г. Гаррисона «Наконец-то, правдивая история Франкенштейна» («At last, the true story of Frankenstein»), где создание изображено как кукла, с которой Виктор выступает в шапито, высмеивая современные нравы. В 1975 году Р. Дж. Майерс публикует роман «Крест Франкенштейна» («The Cross of Frankenstein»), где главным героем становится сын ученого, которому предстоит встретиться с монстром, созданным его отцом. В 1976 году О. Ноулен и У. Лэрнинг пишут драму «Франкенштейн. Человек, который стал Богом», сюжет которой схож с оригинальным романом, но жанр представляет собой пример «викторианской мелодрамы».

Некоторые писатели по-своему переосмысливают образ ученого, как сделал А. Грей в постмодернистском романе «Бедные-несчастные» («Poor Things: Episodes from the Early Life of Archibald McCandless M.D. Scottish Public Health Officer», 1992), стилизованном под дневник шотландского врача XIX века. Ученый оживляет девушку, стремясь создать себе идеальную спутницу, но пересаживает ей мозг ребенка, с последствиями чего ему придется справляться на протяжении всего повествования. На русском языке несколько раз переиздавался роман американского теоретика контркультуры Т. Рошака «Воспоминания Элизабет Франкенштейн» («The Memoirs of Elizabeth Frankenstein», 1995), в котором главным персонажем становится не ученый, а его невеста, пострадавшая от рук монстра.

В XXI веке тема сложных взаимоотношений Франкенштейна и его создания не утрачивает своей актуальности. В 2009 году появляется постмодернистский роман Питера Акройда «Журнал Виктора Франкенштейна» («The Case of Victor Frankenstein»), написанный от лица ученого, где автор с неожиданной стороны раскрывает образ Виктора.

В 2013 году Ахмед Саадави в романе «Франкенштейн в Багдаде» («Frankenstein in Baghdad») перевоссоздает образную систему романа М. Шелли в арабской литературе. А. Р. Фаттахова и Л. И. Гареева подчеркивают, что «появление фантастического героя на фоне реальных исторических событий не добавляет роману ощущения невозможности происходящего, а, наоборот, обостряет атмосферу

неопределенности, в которой живут иракцы» [Фаттахова, Гареева, 2020, с. 112].

В романе А. Саадави «ученого» зовут Хади, он проводит свои дни в поисках антиквариата для продажи, грабя людей и их дома, в процессе чего становится свидетелем ужасного разорения страны и постоянных терактов. Его пугает количество незахороненных людей на улицах, поэтому он подбирает их останки, сшивает между собой, и у него выходит цельное тело из кусков людей, убитых во время террористических атак. В развитии сюжета можно говорить о гротеске: тело случайно оживает и сбегает от своего «хозяина». У создателя монстра не было цели пойти против Природы, он стал жертвой обстоятельств.

Хади называет свое создание Безымяном, т. е. в современном романе сохранился мотив того, что создание не имеет собственного имени, как и в романе М. Шелли. Больший интерес вызывает то, как показано отношение монстра к своему создателю. Он не признает значимости Хади в своей жизни, называя его инструментом в руках судьбы: «Ты просто инструмент, одноразовая резиновая перчатка на руке судьбы, которая передвигает фигуры по шахматной доске жизни» (*А. Саадави. Франкенштейн в Багдаде*). При этом сам Хади в конце романа осознает свою вину за создание монстра и признает себя виновным во всех преступлениях, которые совершал Безымян. Другими словами, в романе, где больший акцент делается на создании, также можно говорить о необходимости ученого признавать свои ошибки.

В 2019 году Дженет Уинтерсон пишет роман «Целую, твой Франкенштейн: История одной любви» («*Frankissstein: A Love Story»)*, где поднимает тему ответственности ученого за свои открытия уже на фоне изобретения XXI века – искусственного (artificial intelligence).

На основе романа М. Шелли не только снимаются фильмы и пишутся книги, но и ставятся пьесы. Первая известная постановка была представлена через несколько лет после публикации романа и датируется 1823 годом, а последняя представлена в мае 2024 года в петербургском театре «Среда 21» (реж. Н. Кубайлат). В описании пьесы «Франкенштейн» утверждается, что оригинальный роман является не научной фантастикой, хоррором или социальным памфлетом, а размышлением о том, «что такое человек и человеческое». Используется сюжет романа и в музыкальных клипах, к примеру, клип на песню американской исполнительницы Тейлор Свифт «Fortnight» (реж. Р. Прието) был во многом вдохновлен фильмом «Бедные-несчастные».

Таким образом, текст романа М. Шелли современные писатели переосмысливают сквозь призму актуальных социальных и этических проблем, выводят один из глобальных вопросов цивилизации на новый уровень – всегда ли намерение ученых открыть что-то новое является благом, или существуют области знания, в которые человеку вторгаться опасно? Этот вопрос стал еще более актуальным и важным в связи с быстрым развитием технологий и искусственного интеллекта (ИИ).

Вызванные к жизни силой авторского воображения, фигуры Виктора Франкенштейна и его создания обрели свободу и существуют в последующие эпохи уже независимо от воли писательницы, не только породив целую литературную плеяду героев-ученых, но и, что более важно, помогая в XXI веке вновь вернуться к важным философским проблемам.

ОБРАЗ УЧЕНОГО В РОМАНЕ П. АКРОЙДА «ЖУРНАЛ ВИКТОРА ФРАНКЕНШТЕЙНА»

Питер Акройд (род. 1949) – британский литературный критик и писатель-постмодернист, творчеству которого, как отмечает М. П. Блинова, в значительной степени свойственна «интертекстуальность» [Блинова, 2013, с. 27]. Роман «Журнал Виктора Франкенштейна» можно, по мнению Т. А. Негляд назвать «научной фантастикой [Негляд, 2018, с. 43] и одновременно альтернативной историей», где сплетаются биографические факты из жизни писателей, история придуманных ими персонажей и события, которые были выдуманы самим автором. Как отмечают Л. М. Рыльщикова и К. В. Худяков, тема альтернативной реальности популярна в массовой культуре, что объясняет рост интереса к людям со сверхспособностями и к новому взгляду на научно-технический прогресс [Рыльщикова, Худяков, 2011, с. 36].

Главная линия в развитии сюжета связана с ученым. Роман написан в форме дневника, как и текст М. Шелли. Исповедальная интонация позволяет глубже проникнуть в сознание главного героя, восстановить весь путь размышлений и действий в процессе создания монстра.

Как отмечает Н. Р. Ленкова, сюжет П. Акройда напоминает историю о докторе Фаусте. Виктор Франкенштейн – это воплощение Фауста, который стремится к познанию Природы, а «Перси Биши Шелли здесь выступает в роли Мефистофеля, рассказывая Виктору о гальванизме, чем еще более разжигает в молодом ученом одержимость идей создания новой жизни» [Ленкова, 2017, с. 166]. Виктор Франкенштейн пишет в дневнике, указывая на свои недостатки: «…худшим из моих изъянов было честолюбие. Я желал познать мир и огромную

вселенную без остатка» *(П. Акройд. Журнал Виктора Франкенштейна)*. То есть герой знает, к чему он стремится, но не может противостоять своему желанию проникнуть в тайны природы.

Виктор постоянно подчеркивает свои честолюбивые цели: «…меня сочли бы героем. Вдохнуть жизнь в вещество мертвое или спящее, осенить простую глину огнем жизни – то был бы триумф замечательный и достойный восхищения! Так я устремился навстречу своей погибели». (*П. Акройд. Журнал Виктора Франкенштейна)*. Он формулирует цель своей жизни так: «К тому времени я уже навсегда отстранился от обычных стремлений человеческих. Мой ум заполняла собой одна мысль, одна идея, одна цель. Я желал достигнуть большего, куда большего, нежели мое окружение, и был всецело убежден, что мне предстоит проложить новый путь, исследовать неведомые силы и открыть миру глубочайшие тайны творения» (*П. Акройд. Журнал Виктора Франкенштейна)*.

Виктор перед началом эксперимента понимает, что именно он совершает, но не в силах остановиться. У него оставалось несколько часов, чтобы повернуть назад и избежать последствий, которые его действия за собой повлекут, когда еще не поздно было заключить мир с людьми и Богом, – но он до того был ослеплен перспективами успеха и славы, что потратил их бессмысленно.

После удачного завершения эксперимента он наконец осознал, какую роковую ошибку совершил, но было уже поздно: «Я устрашился себя; устрашился того, чего могу достигнуть, и того, чему могу сделаться свидетелем» (*П. Акройд. Журнал Виктора Франкенштейна)*. Окружающие начинают замечать, что Виктор не в себе и что его что-то подтачивает изнутри. Например, Перси Биши Шелли, являющийся одним из главных героев, видит на его лице выражение нравственных страданий. Виктор, испугавшись своего создания, старается забыть о нем, сделав вид, что ничего не произошло, но создание не позволяет этому случиться и начинает мстить своему создателю. Только теперь Виктор полностью осознает свою ответственность и совершенную ошибку: «На мне лежало проклятье. Я противопоставил себя Божьему мирозданию. Я посягнул на роль Творца» (*П. Акройд. Журнал Виктора Франкенштейна*).

Важное место в романе занимает отношение создания к своему создателю – он обращается к Виктору со словами упрека и при этом говорит о прочной связи между ними. Монстр призывает Виктора к ответственности за свои действия: «Создавши жизнь, вы должны нести ответственность за нее. Вы и есть в ответе!» (*П. Акройд. Журнал Виктора Франкенштейна*). Здесь монстр, как и в романе М. Шелли, просит ученого сотворить похожее на него создание, чтобы ему не было одиноко в мире людей. Виктор же отказывается создать подругу для него, на что монстр отвечает: «Коли вы не желаете создать мне спутницу, я выбираю в супруги вас» (*П. Акройд. Журнал Виктора Франкенштейна*). Этим он еще раз подчеркивает свою неразрывную связь с ученым. Создание считает себя выше своего «родителя» и предупреждает, что он не раб его, а господин.

Состояние ученого ухудшается после встречи с созданием – он испытывает страх, упадок сил, нерешимость. Создание же все это время продолжает угрожать своему создателю, постоянно следует за ним по пятам. Ближе к финалу сюжета создание говорит Виктору, что во всех убийствах виноват не он, а лишь тот, кто дал ему эту жизнь: «Но разве не вам, сэр, следует раскаиваться? Не по своей воле пришел я в этот мир. Я не хотел воскресать подобным образом. Чудовищен ли я? Или же чудовищны вы?» (*П. Акройд. Журнал Виктора Франкенштейна)*.

Только в финале романа читателю становится понятно, что Виктор Франкенштейн – душевнобольной, а весь дневник представляет собой записки человека одержимого. Его идея создать новую жизнь настолько поглотила его, что у него помутился рассудок. Монстра не существует: все убийства – вина только самого Виктора, а эксперимент – это лишь игра его воображения, с помощью которой он пытался убедить себя в правильности своих действий. В романе П. Акройда Виктор до конца своей жизни заперт в психиатрической больнице. Таким образом, автор приводит читателя к выводу, что зло живет в самом человеке, причем он не всегда может это осознавать.

ОБРАЗ ВИКТОРА ФРАНКЕНШТЕЙНА В РОМАНЕ ДЖ. УИНТЕРСОН

Дженет Уинтерсон (род. 1959), британская писательница конца XX – начала XXI века, является лауреатом нескольких литературных премий, а также офицером Ордена Британской Империи. В 2019 году опубликован роман «Целую, твой Франкенштейн: История одной любви», номинированный на Букеровскую премию, что и стало причиной внимания к ее творчеству зарубежных и отечественных исследователей.

В романе действие ведется в двух временных параллелях: в прошлом, во времена создания романа М. Шелли, и в наши дни. Благодаря такому приему писательница вводит в текст образы героев-двойников – Виктора Франкенштейна в XIX веке и Виктора Штейна в настоящем. Как отмечает А. С. Щербакова, Мэри Шелли часто появляется

в романах XX–XXI веков как одно из действующих лиц, что связано с личностью и жизнью писательницы, «полной драматизма» [Щербакова, 2017, с. 82], а также с историей создания ее романа.

Мэри Шелли как персонаж Дж. Уинтерсон, размышляя о сюжете собственного романа и о характере героя, говорит о нем: «Героя рассказа я назову Виктором. Имя Виктор означает «победитель», и он решит победить саму жизнь и смерть, загорится идеей проникнуть в тайны Природы. Виктор создаст человеческое существо, гиганта, и оживит его при помощи электричества. Подобно Прометею, он украдет искру жизни у богов. Какой ценой? Я подведу его к краю пропасти и заставлю прыгнуть. Покажу испытанный им триумф и ужас» (*Дж. Уинтерсон. Целую, твой Франкенштейн: история одной любви*). Капитан Уолтон характеризует его как человека, одержимого единственной целью, заслонившей ему мир людей.

Сам же Виктор говорит о себе в разговоре с Мэри: «А я – чудовище, которое создали вы» (*Дж. Уинтерсон. Целую, твой Франкенштейн: история одной любви*). Виктор в романе Дж. Уинтерсон показан мучеником, ставшим жертвой собственного эксперимента. Он сравнивает себя со своим созданием, говоря, что он так же не ведает жалости, дьявольски коварен, но также, как и его создание, испытывает страдания.

Вторая сюжетная линия, действия в которой разворачиваются в настоящем времени, связана с Виктором Штейном. С момента появления на страницах романа он привлекает внимание смелыми высказываниями, в которых рассуждает о глупости рода человеческого, убеждая слушающих в необходимости искусственного интеллекта (ИИ): «Человек порядком наломал дров, вообразив себя венцом творения: изменение климата, массовое уничтожение животных и растений, а также их естественной среды обитания, непоправимый ущерб дикой природе, загрязнение атмосферы, неконтролируемый рост населения, чудовищная жестокость и вместе с тем глупый инфантилизм» (*Дж. Уинтерсон. Целую, твой Франкенштейн: история одной любви*).

В современном ему мире науки Виктор также спорит с законами Природы, меняются лишь его средства и возможности. По мнению А. А. Илуниной, Дж. Уинтерсон рассуждает «о вмешательстве человека в природу уже на витке развития современной цивилизации» [Илунина, 2021, с. 34]. В XIX в. Виктор хотел одержать победу над смертью, оживив мертвую материю, в XX в. он стремится заменить человеческое сознание искусственным. Его главная цель – создание совершенного интеллекта. Так же, как и герою М. Шелли, Виктору Штейну свойственно стремление поставить себя на место Бога и поменять законы Природы. Он обращается к образам Богов в качестве аргумента для своих экспериментов: «Боги принимали облик людей и животных, а простых смертных обращали в деревья и птиц. Это все истории о будущем. Мы уже тогда знали, что не ограничены формой, данной при рождении» (*Дж. Уинтерсон. Целую, твой Франкенштейн: история одной любви*).

Ученый не видит опасности своей идеи, он слеп и не слышит предостережения окружающих, считая, что старается на благо человечества: «Чем плохо наше желание победить смерть? Вся надежда лишь на искусственный интеллект». В любом случае, вряд ли он окажется хуже человека» (*Дж. Уинтерсон. Целую, твой Франкенштейн: история одной любви*). Другие герои видят Виктора эгоистом, но не могут противостоять ему, не до конца осознавая, куда идет Виктор в своей жажде обмануть Природу.

Виктор готов пожертвовать жизнями других людей ради достижения своей цели. Он считает себя представителем человечества и говорит от имени всех людей: «Прогресс дается ценой несчастных случаев, ошибок, сделанных в спешке, и непредвиденных последствий. И что с того? Человек не узник собственного тела. Мы можем жить вечно. Вырвавшись из темницы тела, мы, наконец, воплотим нашу мечту» (*Дж. Уинтерсон. Целую, твой Франкенштейн: история одной любви*).

В конце романа Виктор начинает свой эксперимент, но не ясно, получился ли он или нет. Важно то, какую огромную цену готов был заплатить ученый, за то, чтобы осуществить свою цель. Для Франкенштейна наука – лишь средство достичь честолюбивых целей, он творит ради любопытства, стремясь доказать неограниченные возможности человеческого разума, проникнуть в тайны Природы любым способом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Писатели XX–XXI веков, интерпретируя образы, созданные М. Шелли, поднимают актуальные и важные для своего времени проблемы. П. Акройд, деконструируя роман английской писательницы, создает новый текст на основе художественных принципов постмодернизма. А. Саадави, используя образ монстра, поднимает проблему войны в Ираке и рассуждает на тему границ между добром и злом. Дж. Уинтерсон ставит акцент на теме ответственности современных ученых в области новых технологий и искусственного интеллекта. Творение человеческого разума может оказаться

мощной разрушительной силой, если его создатель не задумывается о перспективах и целях научного эксперимента.

Стремясь найти новые пути в исследовании неизвестных сил природы, открыть миру сокровенные тайны мироздания, Франкенштейн, подобно Фаусту, преступил черту запретного знания. В начале пути ученый, уподобив себя Творцу, гордится творческими созидательными возможностями человека, мечтает о выполнении дерзновенных планов, но затем – растерян, раздавлен грузом своего открытия. Встреча с собственным творением не только не возвышает его над миром, но и делает его жертвой страстей, игрушкой в руках высших сил, неподвластных человеку.

Идеи М. Шелли сохраняют актуальность и значимость в современной литературе. Мысль о том, что наука должна быть обращена во благо, а не во зло людям, стала основой романов К. Исигуро «Не отпускай меня» («Never Let Me Go», 2005), М. Уэльбека «Элементарные частицы» («Les Particules élémentaires, 1998), «Возможность острова» («La possibilité d'une île», 2005). Подчинение природы, проникновение в ее тайны, познание глубин Вселенной для человека чревато и опасными последствиями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глущенко А. Н. Реализация темы «Человек-Творец» на основе романа Мари Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» // Актуальные проблемы филологии: материалы II Международной научной конференции. 2016. С. 44–47.
2. Фаттахова А. Р., Гареева Л. И. Документальность и вымысел в романе Ахмеда Саадави «Франкенштейн в Багдаде» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. № 12 (1). С. 112–119.
3. Блинова М. П. Функции интертекста в биографических романах П. Акройда // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 93 (09). С. 23–35.
4. Негляд Т. А. Интертекстуальность в творчестве Питера Акройда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (81). С. 42–45.
5. Рыльщикова Л. М., Худяков К. В. Альтернативная реальность как популяризованный элемент научно-фантастического дискурса // Lingua Mobilis. 2011. №7 (33). С. 34–39.
6. Ленкова Н. Р. Фаустианская тема в романе Питера Акройда «Журнал Виктора Франкенштейна» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: материалы VI научной конференции молодых учёных. 2017. С. 165–171.
7. Щербакова А. С. Претексты романов П. Акройда «Дом доктора Ди» и «Журнал Виктора Франкенштейна» // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 5. С. 80–84.
8. Илунина А. А. Интертекстуальные связи романа Дженет Уинтерсон «Frankissstein» и романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей»» // Филологические науки. Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2021. № 1 (110). С. 34–42.

REFERENCES

1. Glushchenko, A. N. (2016). Realizatsiya temy «Chelovek-Tvorets» na osnove romana Mari Shelli «Frankenshtein, ili Sovremennyi Prometei». Aktual'nye problemy filologii (pp. 44–47): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)
2. Fattahova, A. R., Gareeva, L. I. (2020). Dokumental'nost' i vymysel v romane Ahmeda Saadavi "Frankenshtejn v Bagdade". Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya, 12(1), 112–119. (In Russ.)
3. Blinova, M. P. (2013). Funkcii interteksta v biograficheskih romanah P. Akrojda. Nauchnyj zhurnal KubGAU, 93(09), 23–35. (In Russ.)
4. Neglyad, T. A. (2018). Intertekstual'nost' v tvorchestve Pitera Akroida. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 3(81), 42–45). (In Russ.)
5. Ryl'shchikova, L. M., Hudyakov, K. V. (2011). Al'ternativnaya real'nost' kak populyarizovannyj element nauchno-fantasticheskogo diskursa. Lingua Mobilis, 7(33), 34–39.
6. Lenkova, N. R. (2017). Faustianskaya tema v romane Pitera Akroida «Zhurnal Viktora Frankenshteina». Aktual'nye voprosy filologicheskoi nauki XXI veka (pp. 165–171): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)

7. Shcherbakova, A. S. (2017). Preteksty romanov P. Akrojda “Dom doktora Di” i “Zhurnal Viktora Frankenshtejna”. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. № 5, 80–84.
8. Ilunina, A. A. (2021). Intertekstual’nye svyazi romana Dzhenet Uinterson “Frankissstein” i romana Meri Shelli “Frankenshtein, ili Sovremennyi Prometei”. Filologicheskie nauki. Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva, 1(110), 34–42. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сомова Елена Викторовна
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Somova Elena Viktorovna
Doctor of Philology, Associate Professor
Professor the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.112.2

Алхимический код в творчестве Новалиса

И. Б. Чернявский

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
chernyavskiy_ib@mail.ru

Аннотация. В статье выявляется специфика восприятия и репрезентации алхимической образности и символики в поэтике Новалиса на материале его стихотворений и романа «Генрих фон Офтердинген». Были задействованы культурно-исторический и мифопоэтический методы, объединенные системным подходом. Алхимия является паранаучной магической практикой, связанной с философско-мистической традицией герметизма, своеобразно воплотившейся в эстетике и творчестве Новалиса. Алхимический аллегерико-символический код используется Новалисом для выражения идеи духовной трансформации субъекта и универсума, а также для свойственного романтическому мышлению синтеза науки, магии, философии и искусства в словесном творчестве.

Ключевые слова: йенский романтизм, алхимия, Новалис, мистическая символика, герметизм

Для цитирования: Чернявский И. Б. Алхимический код в творчестве Новалиса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 141–147.

Original article

Alchemical Code in the Works of Novalis

Ivan B. Chernyavskiy

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
chernyavskiy_ib@mail.ru

Abstract. The article reveals the specificity of perception and representation of alchemical imagery and symbolism in the poetics of Novalis on the material of his poems and the novel “Heinrich von Ofterdingen”. To achieve this goal, cultural-historical and myth criticism methods were used, united by a systemic approach. Alchemy is a parascientific magical practice associated with the philosophical and mystical tradition of Hermeticism, which was singularly embodied in the aesthetics and creativity of Novalis. The alchemical allegorical-symbolic code is used by Novalis to embody the idea of spiritual transformation of the subject and the universe, as well as for the synthesis of science, magic, philosophy and art in verbal creativity, which is peculiar for the romantic mindset.

Keywords: Jena romanticism, alchemy, Novalis, mystical symbolic, hermeticism

For citation: Chernyavskiy, I. B. (2024). Alchemical Code in the Works of Novalis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 141–147. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Новалис (Novalis, Friedrich von Hardenberg, 1772–1801) является значимой фигурой для истории мировой литературы и культуры. С его именем связывается начало романтического движения в Германии, а в его творчестве магистральные тенденции романтизма выразились наиболее явно и полно. Так, например, А. В. Карельский пишет, что Новалис в целом задает «формулу, парадигму романтического мироощущения» [Карельский, 2007, с. 191]. Характерный для романтизма интерес ко всему необычному, таинственному, потустороннему у Новалиса принял форму активного мифотворчества и обращения к различным мистико-философским, оккультным или религиозно-эзотерическим феноменам. В ряду этих явлений выделяется алхимия, образами и символами которой изобилуют многие художественные произведения Новалиса, включая стихотворение «Познай себя» («Kenne dich selbst», 1798), Песню горняка I (Bergmannslied I), Песню горняка II (Bergmannslied II) и Сказку Клингсора (Klingsohrs Märchen) из романа «Генрих фон Офтердинген» («Heinrich von Ofterdingen», 1802). Общий объем этих наиболее репрезентативных произведений Новалиса, являющихся материалом исследования, составляет 1,35 п. л.

Тем не менее в отечественной германистике изучение репрезентации алхимической образности в творчестве Новалиса зачастую сводилось либо к отдельным отрывочным наблюдениям, либо к комментированию и дешифровке тех или иных образов и мотивов, которые не рассматривались системно. Так, например, В. Б. Микушевич обстоятельно комментирует отдельные места из художественного наследия Новалиса в примечаниях к изданию Новалиса в серии «Литературные памятники». В. Б. Микушевич выявляет те или иные алхимические образы и мотивы, однако подобное комментирование носит скорее пропедевтически-герменевтический, нежели системно-исследовательский характер. А. В. Михайлов как раз подчеркивает, что изучение алхимико-герметической традиции важно для понимания романтизма и его загадок, что необходимо «тщательное изучение традиционного языка символов – как системы» [Михайлов, 1987, с. 35]. Однако комплексные исследования подобного аспекта романтизма в целом и творчества Новалиса в частности в силу ряда обстоятельств долгое время не могли быть осуществлены. Этим обусловлена *научная новизна* настоящего исследования.

Возрастающим интересом в современной гуманитарной науке к фигуре Новалиса, с одной стороны, и к междисциплинарным проблемам изучения магии и мистики в различных сферах и преломлениях, с другой стороны, определяется *актуальность исследования*. С этими обстоятельствами также связана практическая ценность работы, определяемая возможностью использовать ее результаты при чтении лекций и подготовке семинаров по истории зарубежной литературы и истории немецкой литературы, а также при разработке спецкурса по взаимодействию литературы с философией и поэтике мистического в зарубежной литературе в высших учебных заведениях

Для достижения цели исследования, заключающейся в построении системы алхимической репрезентации в поэтике Новалиса, необходимо решить *две основные задачи*: 1) выявить характерные особенности алхимической традиции; 2) изучить ее символико-аллегорический язык в стихотворениях Новалиса и в романе «Генрих фон Офтердинген». Первая задача предполагает обращение к культурному контексту и учету влияния герметизма на романтическую эстетику Новалиса, поэтому для решения этой задачи применяется культурно-исторический метод. Вторая задача связанна с непосредственным филологическим анализом текста, поэтому для ее решения используется мифопоэтический метод, позволяющий на конкретном текстовом материале рассмотреть воплощение и трансформацию автором той или иной мифологической (религиозной, эзотерической, мистической) традиции.

КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН АЛХИМИИ И ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Алхимия как особая протонаучная практика, базирующаяся на определенной мистико-магической картине мира и философии, известна в разных странах и национальных культурах с древних времен. Этот феномен зафиксирован различными духовными практиками в древних цивилизациях Востока, известен он в Античности, арабо-мусульманской культуре золотого века, европейском Средневековье и Ренессансе. Своеобразно продолжает существовать алхимия и в Новое время, уходя от магического практицизма в сторону эзотерики и натурфилософии. Для цивилизаций и культур Средиземноморья алхимия является неотъемлемой частью герметизма – философско-мистического учения поздней Античности, вобравшего в себя различные религиозные и философские учения, соединив их с оккультными практиками.

Основополагающим текстом для алхимии является «Изумрудная скрижаль», в которой формулируется центральная идея герметизма: «То, что

находится внизу, соответствует тому, что пребывает вверху; и то, что пребывает вверху, соответствует тому, что находится внизу». Между полярностями существуют незримые связи, выявление которых делает возможным нивелирование противоположности. Так, например, взаимодействие света (идея) и тьмы (материя) по божественной воле образует конечную полноту и исчерпанность бытия. Из мистической связи верха и низа развивается идея корреляций всех элементов бытия, а также возможность на эту связь повлиять, добившись многочисленных чудодейственных явлений по преобразованию материи и воспарению духа. В этом и заключается концептуальное ядро алхимии, которую можно определить как паранаучное магическое искусство, посвященное трансмутации, то есть превращению одного в другое [Зотов, 2020]. Западная алхимическая традиция выстроила целую натурфилософскую систему со своими основополагающими принципами, символическим языком и идеей сакральных соответствий. Так, например, семь планет соотносятся с семью металлами, имеющими унифицированное знаковое воплощение, в чем реализуется идея подобия микромира (земля) макромиру (космос).

Главной задачей всей алхимической практики было Великое делание (Magnum opus), в результате которого должен был возникнуть философский камень – совершенный продукт, позволяющий возвысить природу любого существа или элемента: например, сделать неблагородный металл благородным, старое – молодым, смертное – бессмертным. Предполагается, что в «Изумрдуной скрижали» зашифрован некий алхимический процесс, в результате которого можно воспроизвести философский камень.

Из установки герметизма на тайное знание как высшую ценность следует, что в основе алхимии, по крайней мере, ее европейского варианта, лежит не только паранаучная практика, но и философская система и мистическая идея, согласно которой высшее знание может быть выражено и распространено только с помощью символико-аллегорического языка, который потом будет расшифрован и правильно понят посвященными. Эта установка имела, с одной стороны, практический смысл, заключающийся в сохранении ряда секретов среди немногих избранных, нередко использующих их в мошеннических целях. С другой стороны – алхимия имела выраженную духовную плоскость, связанную с проникновением в сакральные тайны бытия. Сформированная алхимией система мистических символов и визуальных образов оказала заметное влияние на западноевропейское искусство, в частности, на немецкую литературу рубежа XVIII–XIX веков и Новалиса [Зотов, 2020].

АЛХИМИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ПОЭЗИИ НОВАЛИСА

В художественном мире Новалиса выделяется несколько стихотворений, посвященных своеобразно воспринятой алхимико-герметической традиции. Так, например, стихотворение «Познай себя» изобилует образами этой герметической науки и искусства:

Glücklich, wer weise geworden und nicht die Welt mehr durchgrübelt,
Wer von sich selber den Stein ewiger Weisheit begehrt.
Nur der vernünftige Mensch ist der echte Adept – er verwandelt
Alles in Leben und Gold – braucht Elixiere nicht mehr.
In ihm dampfet der heilige Kolben – der König ist in ihm –
Delphos auch, und er faßt endlich das: Kenne dich selbst

Novalis. Kenne dich selbst

Счастлив тот, кто мудрым стал и более не размышляет о мире,
Кто в себе самом Камень вечной мудрости обрести желает.
Лишь разумный человек – настоящий Адепт – он преображает
Всё в жизнь и золото – не нуждается более в Эликсире.
В нем священная колба дымится – Король скрывается в нем –
И Дельфы, он наконец догадался: Познай себя

Новалис. Познай себя

Лейтмотив произведения – активное влечение и стремление познать некую постоянно уходящую от человека тайну, жажда откровения. Новалис пишет, что только это тайное знание и влечет человека, прячась «под разными именами» («unter verschiedenen Namen». *Novalis. Kenne dich selbst*) в мифах. Предполагается, что в мифологии может быть обнаружена некая алхимическая тайнопись, открывающая путь к магической трансформации мира вокруг.

Аллегорические образы алхимии, которыми пронизано «Познай себя», концентрируются вокруг Великого делания, в результате которого должен быть сотворен философский камень, или Магистерий, дающий возможность превращать любые металлы в золото и производить эликсир жизни. неслучайно упоминание некоего «короля», так как он в алхимической традиции средневекового и ренессансного герметизма как раз выступал аллегорией

золота. Симптоматично, что алхимические трактаты того времени должны были предоставить вполне конкретные, пошаговые действия для тех или иных трансмутаций, однако из-за предельной аллегорической зашифрованности магических рецептов, эти фолианты зачастую становились малопонятными сборниками необычных изображений и таинственных стихотворений. Предполагалось, что для непосвященного алхимические сочинения будут бессмысленными, тогда как истинный адепт сумеет извлечь из всей этой пестрой образности подлинное значение. Как раз об этом и пишет Новалис, когда упоминает «ключи» и «шифры»:

Längst schon fand sich ein Mann, der den Kindern in freundlichen Mythen
Weg und Schlüssel verriet zu des Verborgenen Schloß.
Wenige deuten sich die leichte Chiffre der Lösung.
Novalis. Kenne dich selbst

Давно нашелся Некто, кто детям в дружественных мифах
Путь указал и ключи передал к сокрытому замку.
Немногие истолковали легкий шифр разгадки.
Новалис. Познай себя

Новалис смещает сущностные акценты с магического практицизма алхимии на философию, утверждая идею духовно понятой трансформации бытия. Как пишут розенкрейцеровские интерпретаторы Новалиса, «смысл алхимических трансмутаций для Новалиса заключается в преображении человечества»[1]. Для этого посвященный должен обратить внимание прежде всего на себя. Именно поэтому стихотворение начинается и заканчивается изречением из храма Аполлона в Дельфах: «Познай себя».

Многое роднит это стихотворение Новалиса с «Изумрудной скрижалью», включая образ античного храма внутри субъекта, упоминание мифов, скрывающих некое тайное знание. Наконец, в «Изумрудной скрижали» возникает идея мистического тождества верха и низа, схожий мотив возникает и в стихотворении Новалиса:

...bald auf den Höhn, bald in dem Tiefsten der Welt *(Novalis. Kenne dich selbst*). – ...на высоте, в глубинах мира (*Новалис. Познай себя*).

Тем не менее Новалис не просто создает поэтическое произведение под вдохновением от оккультных и эзотерических учений Европы, но переосмысливает их в качественно ином, романтическом ключе. Во-первых, это следует из романтического субъектоцентризма, желания уйти, как писал А. Ф. Лосев, «в запредельные дали, в высоты и глубины, романтизм – индивидуалистичен в самом своем существе, он – весь стремление и самопотеря в бесконечных исканиях» [Лосев, 2000, с. 642]. Посвященный в стихотворении Новалиса сможет обрести магические способности, найти философский камень и открыть в себе «короля», что означает внутреннюю духовную трансформацию, лишь после познания самого себя.

Другим репрезентативным примером рецепции алхимической традиции в поэзии Новалиса является вторая песнь горняка в романе «Генрих фон Офтердинген»:

Ich kenne wo ein festes Schloß,
Ein stiller König wohnt darinnen
Mit einem wunderlichen Troß;
och steigt er nie auf seine Zinnen.
Verborgen ist sein Lustgemach,
Und unsichtbare Wächter lauschen;
Nur wohlbekannte Quellen rauschen
Zu ihm herab vom bunten Dach
Novalis. Heinrich von Ofterdingen

Известен замок тихий мне.
Таится там король поныне,
Не появляясь на стене;
Незрима стража в той твердыне.
Там свой таинственный устав;
Ненарушим покой глубокий,
Лишь слышно, как журчат потоки,
На пестрой крыше побывав
Новалис. Генрих фон Офтердинген

Всё стихотворение представляет алхимическую аллегорию добычи золота из горной породы. Как и в предыдущем стихотворении, под королем подразумевается само золото, а окружающая его крепость и стража – это твердь. Однако стихотворение усложняется идей неодолимой тяги людей к золоту и зависимости от него, исходя из чего «король» в стихотворении наделяется амбивалентным характером: он одновременно выражает духовное стремление и несвободу. Х. Бёме интерпретирует этот образ в русле натурфилософских и историософских воззрений Новалиса: «Король (золото – алхимическое тождество) символизирует слияние с материнской природой... Это раннее состояние человечества Новалис понимает как симбиотические чары природы. Это “Золотой век”, но и время бессознательного плена людей» [Böhme, 1988]. Пробуждение людей наступает благодаря волшебной силе

[1]Novalis und die Alchemie // Dichter, Denker und Eingeweihte.2020. URL: https://www.rosenkreuz.de/blog/index.php/artikel/der-dichter-novalis-und-die -alchemie

немногих, которые «лишь рукой прозрения могут принести освобождение» («Kann nur die Hand der Einsicht lösen» (*Novalis. Heinrich von Ofterdingen*)). Так распахиваются ворота замка, и наружу выходит король, озаряющий всех своих светом. За очевидным мотивом алхимического действия по извлечению из земли золотой жилы скрывается мотив внутреннего преображения, дающего человеку власть над природой. Однако это открывает путь не к эмансипации человека от природы, но к гармонии иного качества, что выражается в финале стихотворения:

Am Ende wird von Banden los
Das Meer die leere Burg durchdringen
Und trägt auf weichen grünen Schwingen
Zurück uns in der Heimat Schoß.
Novalis. Heinrich von Ofterdingen

Своею вольною волной
Вновь заиграет в замке море,
И на зеленых крыльях вскоре
Мы вознесемся в край родной.
Новалис. Генрих фон Офтердинген

Эсхатологический образ потопа возвращает мир к схожему с изначальным состоянию, однако уже сам универсум мыслится морально преображенным. В песне это особенно наглядно следует из сравнения созвучных друг другу «Schloß» (замок) в начале стихотворения и «Schoß» (лоно) в конце. Мертвенная твердыня несвободы, скрывающая духовные богатства, превращается в нечто живое и родственное. Так намечается метафизическое спасение людей при наступлении нового Золотого века. Таким образом, песнь горняка предвосхищает многие мотивы сказки Клингсора и второй части романа.

АЛЛЕГОРИЯ ВЕЛИКОГО ДЕЛАНИЯ В СКАЗКЕ КЛИНГСОРА

Алхимико-герметическая знаковая система в творчестве Новалиса достигает своего апогея в сказке Клингсора – сосредоточии всего романа «Генрих фон Офтердинген». Будучи семантически насыщенной мифологической и символической образностью, сказка в определенном смысле может быть представлена как развернутая алхимическая аллегория духовной метаморфозы в духе «Химической свадьбы Христиана Розенкрейца» («Chymische Hochzeit Christiani Rosencreutz», 1616). В начале сказки, после того, как Новалис описывает замерзший верхний мир Арктура, древний витязь, или Железо (Eisen) по воле короля бросает свой меч в срединный мир, где находятся обитатели Дома. Меч раскалывается на несколько частей, обладающих магнетическими свойствами, в частности, они указывают на север, где находится царство Арктура. Один из осколков меча в виде спицы находит Отец, передающий ее вначале Переписчику, а потом Джиннистан (воплощенной фантазии). Попав в ее руки, спица превращается в кусающую себя за хвост змею, становясь, таким образом, уроборосом – древним символом бесконечности. В. Л. Рабинович указывает, что в алхимической традиции семантика уробороса была связана с божественным знанием – гносисом, идеей единства материи и духа, а также сакральным перерождением [Рабинович, 2012]. В таком ключе этот символ служил непосредственной визуальной метафорой Великого делания, в котором для достижения совершенного вещества мужское начало соединяется с женским. Примечательно, что перед тем, как бросить меч, к щиту Железа прикасается Фрейя, что оказывает на него почти магическое воздействие: «Раздался звон доспехов; тело витязя исполнилось одушевляющей мощи. Очи его вспыхнули, и сердце явственно отозвалось в своих латах» (*Новалис. Генрих фон Офтердинген)*. Маскулинность витязя подчеркивается как его воинско-героическим образом, так и соотнесенностью железа в герметической традиции с Марсом (связь Марса с мужским началом мотивирована прежде всего его пиктографическим знаком – Щитом и копьем Марса ♂). Наконец спица обнаруживается Отцом, но преобразуется Джиннистан, исходя из чего в этом символическом предмете мужское соединилось с женским. Импульс иномирной любви Фрейи запечатлелся в знаке вечности, указывающем на царство ее отца, и передается Эросу, превращая его из ребенка в юношу. Так возникает параллель между зародившимся после сна о Голубом цветке томлением Генриха, в котором эротические мотивы интерпретируются как духовное побуждение.

Дальнейшая реализация преображающей универсум алхимической любви в сказке может быть представлена через три сменяющих друг друга стадии, локализованные определенным пространством или состоянием, которые демонстрируют связь с тремя цветами: черным, белым и красным. В такой последовательности усматривается близость трём этапам возникновения Магистерия: нигредо, альбедо и рубедо. Когда Эрос покидает Дом, Переписчик захватывает власть, а Фабель бежит от него в Подвал (нижний мир), где встречает сфинкса и парок. Это место предстает в сказке своеобразным антимиром, исполненным тени во всём, что подтверждается рядоположением образов с семантикой мрака и черноты: «все

очертания были темны» – «Alle Figuren waren hier dunkel» (*Novalis. Heinrich von Ofterdingen*), «воздух был подобен чудовищной тени» – «die Luft war wie ein ungeheurer Schatten» (*Novalis. Heinrich von Ofterdingen*), «в небе покоилось черное лучащееся тело» – «am Himmel stand ein schwarzer strahlender Körper» (*Novalis. Heinrich von Ofterdingen*). В этом месте свет и мрак меняются местами, благодаря чему возникает парадоксальный образ «сияющей темноты», обнажающей черноту окружающего мира. Нигредо в алхимической традиции соотносилось с первозданным хаосом и бурлящей материей, в которой уже содержится всё необходимое, требующее пробуждения и раскрытия. Визуальный код этой стадии Великого делания часто связывался с орнитологическими образами [Зотов, 2020], поэтому появление сфинкса в этой части сказки может быть истолковано еще и в алхимическом контексте. Кроме того, с этой стадией соотносится образ черного солнца – разложения, предшествующего появлению красного солнца, известный по алхимическому немецкому трактату «Сияние Солнца» («Splendor Solis», 1531–1532) неизвестного автора. В сказке Клингсора появляется схожий образ, когда Фабель поднимает свой взгляд к небу подземного мира.

С развитием сюжета Фабель поднимается наверх, минуя срединный мир и попадая непосредственно в замерзшее царство Арктура, в котором снег и ряд других образов указывают на связь с белым цветом. Магическая способность переходить от самого нижнего к самому верхнему напоминает центральную идею «Изумрудной скрижали» о тождестве верха и низа. И хотя в сказке подобная идея не находит своего прямого отражения, возникают значимые параллели между двумя мирами, которые должны сблизиться и преобразиться, чтобы время сменилось вечностью. Описание короля Арктура в этой части представлено яркими аллегорическими образами, имеющими соответствия с алхимическими визуальными метафорами: «Северный венец сиял у него на челе. В левой руке у него была лилия, в правой весы. Орел и лев охраняли его стопы» (*Новалис. Генрих фон Офтердинген*). Символизм лилии связан с царственностью и чистотой, в алхимии она часто выступает образом промежуточной стадии процесса трансмутации, требующей соединения с чем-то еще, например, со львом. Такое сочетание образов запечатлено, например, в «Фаусте» («Faust. Eine Tragödie», 1832) И. Гёте (Johann Wolfgang von Goethe, 1749–1832):

Da ward ein roter Leu, ein kühner Freier,
Im lauen Bad der Lilie vermählt.

J. Goethe. Faust

И красный лев, жених смелый,
Был в теплой ванне с лилией повенчан.

И. Гёте. Фауст

Весы же указывают на точность и уравновешенность, которые необходимы для процессов преобразования. Наконец, лев и орел являются царскими атрибутами, сочетание которых указывает на абсолютную власть на земле и небе. Лев – один из наиболее частотных образов алхимии, встречаются его зеленые, красные, желтые и серебряные интерпретации, связанные с солнцем, золотом, сульфуром, другими металлами и планетами, а также идеей переходности. Поскольку само царство Арктура непосредственно связано со звездным миром, что подтверждают различные члены его свиты, символизирующие разные планеты и созвездия, подобное сочетание образов указывает на светлую, почти идеальную природу этого места и самого короля. Предполагалось, что альбедо – является этапом приготовления малого эликсира, достающего свет из мрака и способного превращать металлы в серебро. Это стадия выделения и упорядочивания, но и этого ещё недостаточно для конечного совершенства.

Заключает алхимический *magnum opus – рубедо*, красный этап объединения полярностей. В сказке Клингсора, когда уже все приготовления завершены, наступает кульминация – мать сгорает вместе с солнцем, чтобы дать возможность установиться вечности и пробудиться Фрейе. На красный опосредованно указывает обильное упоминание пламени, из-за которого начинают таять льды в царстве Арктура. Также с этим цветом соотносится аллегорическая фигура Турмалина, который вместе с Золотом и Цветоводом (Цинк), по предположению В. Б. Микушевича, образует при помощи пепла Матери гальваническую цепь, пробуждающую Мировой дух [Микушевич, 2003]. Благодаря их стараниям Джиннистан преображается новой Матерью. Здесь естественно-научные представления, связанные со знанием Новалиса о гальванизме и электричестве, переходят в духовную плоскость, так как в художественном тексте утверждают идею проницаемости вселенной скрытыми витальными силами. С преображением Матери Эрос и другие символические фигуры выпивают приготовленный Софией напиток бессмертия, ставший итогом деятельности всех персонажей и охватывающий все условные периоды выше.

Почти в самом финале сказки Эрос приходит к спящей возлюбленной и пробуждает ее ото сна с помощью магнетического меча Древнего Витязя и страстного поцелуя. От Фрейи разлетаются искры, означающие замыкание магнетико-алхимического круга, образованного между ней и Эросом, а затем наступает свадьба и коронация молодой четы. Так,

совсем в духе алхимической иносказательности, для которой характерно венчание как образ идеального соединения мужского и женского, светлого и темного, духовного и материального в гармоническом единстве завершается сказка Новалиса. Любовь, обрамленная алхимическими мотивами и аллегориями, в сочетании с искусством и мистической мудростью становится той ведущей силой, что способна преобразить универсум.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Алхимический аллегорико-символический визуальный код в художественном мире Новалиса позволил ярко и самобытно выразить романтическое мироощущение, для которого характерно стремление к синтезу разных, подчас полярных, сфер: магии и науки, философии и искусства, жизни и фантазии. Для Новалиса самое характерное и значимое в алхимии заключается в самобытном символическом языке, который указывает на некие мистические соответствия между всеми явлениями бытия, между внешним и внутренним, макрокосмом и микрокосмом. Основополагающая для алхимической традиции идея трансмутации понимается Новалисом в духовном ключе – как возможность трансформировать самого себя и окружающий мир, поэтизируя реальность и морализируя природу. В подобной интерпретации алхимия сближается с концепцией магического идеализма самого Новалиса и становится значимой частью его эстетики и творчества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карельский А. В. Немецкий Орфей. М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2007.
2. Михайлов А. В. Эстетические идеи немецкого романтизма // Эстетика немецких романтиков. М.: Искусство, 1987. С. 7–43.
3. Зотов С. О. История алхимии. Путешествие философского камня из бронзового века в атомный. М.: АСТ, 2020.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8 т. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. Т.4. Аристотель и поздняя классика.
5. Böhme H. Natur und Subjekt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988.
6. Рабинович В. Л. Алхимия. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012.
7. Микушевич В. Б. Примечания // Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Ладомир; Наука, 2003. С. 218–279.

REFERENCES

1. Karel`skij, A. V. (2007). Nemeczkij Orfej = German Orpheus. Moscow: Izdatel`stvo Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. (In Russ.)
2. Mihajlov, A. V. (1987). E`steticheskie idei nemeczkogo romantizma = Aestetic Ideas of German Romanticism. In E`stetika nemeczkix romantikov (pp. 7–43). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
3. Zotov, S. O. (2020). Istoriya alximii. Puteshestvie filosofskogo kamnya iz bronzovogo veka v atomny`j = History of the Alchemy. The Journey of the Philosopher's Stone from the Bronze Age to the Atomic Age. Moscow: AST. (In Russ.)
4. Losev, A. F. (2000). Istoriya antichnoj e`stetiki. V 8-mi t. Aristotel` i pozdnyaya klassika = History of Ancient Aesthetics (vol. 4: Aristotle and the Late Classics): in 8 vols. Xar`kov: Folio; Moscow: AST. (In Russ.)
5. Böhme, H. (1988). Natur und Subjekt. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
6. Rabinovich, V. L. (2012). Alximiya = Alchemy. St.Petersburg: Izdatel`stvo Ivana Limbaxa. (In Russ.)
7. Mikushevich, V. B. (2003). Primechaniya = Notes. In Novalis. Genrix fon Ofterdingen (pp. 218–279). Moscow: Ladomir; Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернявский Иван Борисович

преподаватель кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chernyavskiy Ivan Borisovich

Lecturer at the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	23.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	14.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'22+81;39+81'25

Семиотические проблемы интерпретации культурного кода: трансляция и инференция ценностно-мотивационных смыслов

Л. С. Гуревич

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gurevich_ls@mail ru

Аннотация. Обсуждается проблема трансляции и инференции ценностно-мотивационных смыслов, кодируемых в культурных кодах различных этнокультур. Целью данного научного исследования является уточнение понятия «культурный код» и изучение процессов трансляции и инференции культурной информации, кодируемой в культурных кодах наций. Используются концептуальный, аксиологический, классификационный и аналитический методы исследования. Материал исследования – дискурсивные практики различных этнокультур. Результатом исследования стало уточнение понятия «культурный код», выявление причин неверного прочтения культурного кода, а также способов нивелирования негативных последствий неудачной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: этнокультура, культурный код, трансляция и инференция культурного смысла, кодирование информации, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Гуревич Л. С. Семиотические проблемы интерпретации культурного кода: трансляция и инференция ценностно-мотивационных смыслов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 148–153.

Original article

Semiotic Issues with Cultural Code Interpretation: Interpreting and Conflating Concepts Driven by Values

Lyubov S. Gurevich

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gurevich_ls@mail ru

Abstract. The difficulty of interpreting and deducing value-motivational meanings from cultural codes of diverse ethnocultures is covered in the essay. This scientific study aims to elucidate the notion of "cultural code" and investigate the methods of interpreting and deducing cultural data stored in national cultural codes. The primary research methods used in this study are conceptual, axiological, categorization, and analytical research methods. The discursive practices of different ethnocultures served as the research material. The study's conclusions included the definition of the term "cultural code," the reasons why it is misunderstood, and strategies for mitigating the detrimental effects of ineffective cross-cultural communication.

Keywords: ethnoculture, cultural code, translation and inference of cultural meaning, encoding of information, intercultural communication

For citation: Gurevich, L. S. (2024). Semiotic issues with cultural code interpretation: interpreting and conflating concepts driven by values. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 148–153. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Широкомасштабные изменения в мировом устройстве, включая конфигурацию и соотношение сил, имеют значительное влияние на развитие мировой культуры. Исследователи культуры отмечают, что основные изменения происходят на уровне качественных трансформаций ценностно-мотивационных парадигм. Эти изменения играют важную роль в определении дальнейшего культурного развития различных стран, а также межкультурной коммуникации.

В научном дискурсе всё чаще звучит понятие «культурный код», которое используется для анализа трансформационных культурных процессов. Несмотря на широкое обсуждение этого понятия, культурный код наций остается размытым и нечетким.

Каждая гуманитарная отрасль знаний трактует культурный код по-своему, что создаст разнообразие подходов к его пониманию и интерпретации. Это отражает сложность и многогранность культурного наследия различных народов и наций в условиях современного мирового контекста, поэтому понимание культурного кода становится ключевым аспектом для изучения и сохранения культурного многообразия и идентичности народов в эпоху быстрых изменений и глобализации.

В контексте современного мирового развития взаимодействие и влияние различных культурных кодов становятся особенно актуальными для формирования устойчивого и гармоничного общества. Анализ культурных кодов наций позволяет лучше понять и оценить динамику культурного развития, а также способы адаптации к изменяющимся условиям и вызовам современного мира.

В то же время культурные коды нередко становятся одной из ключевых проблем в понимании между представителями разных этнокультур. Причиной такого недопонимания являются объективные и субъективные факторы трансляции и инференции культурных кодов.

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА

Размытость определения «культурный код» в культурологических исследованиях затрудняет понимание самими исследователями тех процессов, которые происходят в кросс-культурном общении.

Одни исследователи, преимущественно культурологи и социологи, склонны рассматривать культурный код как набор символов, верований, ценностей и практик, передаваемых из поколения в поколение и определяющих уникальность каждой нации. Они акцентируют внимание на роли языка, традиций, религии, искусства как ключевых элементов, формирующих культурный код и влияющих на восприятие мира, модели поведения и взаимодействия представителей различных этносов [Бабосов, 2016; Бабосов, 2023; Изотова, 2020; Котляров 2022].

Другие, в большинстве своем представители политологии и международных отношений, трактуют культурный код в более прагматичном ключе – как инструмент продвижения национальных интересов на мировой арене. В данном контексте культурный код становится частью «мягкой силы», которая используется для укрепления международного имиджа, привлечения инвестиций, расширения гуманитарного влияния [Горлова, Бычкова, 2015; Денисов, Зуенко, 2022].

Третьи, преимущественно психологи и лингвисты, фокусируются на когнитивном аспекте культурного кода, рассматривая его как систему ментальных моделей, сквозь призму которых представители той или иной культуры воспринимают и интерпретируют информацию. В рамках данного подхода акцент делается на особенностях языкового мышления, национальных стереотипах, механизмах формирования коллективной идентичности [Батыршин, 2024; Гуревич, Батыршин, 2024].

Таким образом, проблема размытости определения «культурного кода» обусловлена многогранностью и комплексностью самого феномена. Для ее решения необходим междисциплинарный подход, объединяющий усилия ученых разных областей знаний [Hall, 1992; Barker, Jane, 2016].

Когда мы говорим о понятии «коды культуры» в гуманитарных науках, мы сталкиваемся с разнообразием интерпретаций, предложенных учеными в различных отраслях гуманитарного знания. Эта тема привлекла внимание многих ученых, большинство из которых пришло к выводу, что нет универсального определения этого понятия в научной литературе. И это вполне логично, учитывая, что каждая область гуманитарной науки фокусируется на своих аспектах исследуемого явления, что определяет интересы каждой дисциплины.

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО КОДА В СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЗНАК», «СИМВОЛ», «ИНТЕРПРЕТАНТ»

Семантика культурного кода базируется на кластере особых структур, в которых элементы мифологии, религии, искусства и пр. инкорпорированы в языковые модели фразеологизмов, идиом,

паремий и других языковых конструктов, содержащих имплицитное культурологическое знание. Эти структуры участвуют в формировании национальной и индивидуальной картин мира, влияющих как на ментальные представления в целом, так и на особенности межкультурной коммуникации индивида, в частности. Эти особые структуры представляют собой этнокультурные символы, которые требуют расшифровки инкорпорированного культурного знания.

Как справедливо отметил Э. Кассирер: «…Принцип символизма с его универсальностью, значимостью и общеприменимостью <…> позволяет войти в специфически человеческий мир, в мир человеческой культуры» [Кассирер, 1998, с. 480]. Символы, по определению известного ученого, являются частью человеческого мира значения, которые обладают высокой степенью функциональности и характеризуются «не единообразием, а как раз своей изменчивостью» [там же, с. 481]. «Символическое мышление и поведение — самые характерные черты человеческой жизни, на которых зиждется весь прогресс человеческой культуры» [там же, с. 472].

Порождение и использование слов разговорного языка, текстов любого вида, образных символов религии и искусства, праздничных, торжественных и иных ритуалов и обрядов и пр. составляют особую культурную подпрограмму в системе социальной коммуникации, «в основе которой лежит способность человека к производству, восприятию и дешифровке символов, и обмену информацией в символизированном виде» [Флиер, 2016, с. 94].

Способность человека к дешифровке символов – это не единственное требование успешной коммуникации в семиотическом смысле: объективно, как справедливо отмечает Р. Якобсон, знак сам по себе нуждается в возможности быть интерпретированным, даже если адресант отсутствует или обозначен в обобщенном виде [Якобсон, 1996].

Знак и *код* – два понятия, которые играют важную роль в языке и коммуникации. *Знак* существует независимо от человека в рамках языковой системы. Он представляет собой часть семиотической системы, имеющую свои собственные *смысл* и *значение*.

Что касается *кода*, то, являясь главным инструментом в формировании смысла и его интерпретации, код выступает как *двусторонняя сущность*, *процессуальный и динамичный элемент человеческой коммуникации*.

Знак и *код* взаимосвязаны и взаимозависимы в процессе обмена информацией. *Знаки* используются для передачи сообщений, которые затем кодируются и декодируются людьми в рамках определенной языковой системы. Иными словами, *знаки являются строительными блоками языка*, представляя собой его элементы, в то время как кодирование и *декодирование информации играют ключевую роль в процессе коммуникации между людьми* [Батыршин, Гуревич, 2024].

Коммуникативный процесс, который включает в себя двух ключевых участников – *говорящего* и *слушающего*, – является сложным и многоуровневым. Говорящий, будучи кодировщиком культурной информации, направляется от смысла к тексту, создавая содержание и кодируя в него культурные значения и смыслы. Слушающий же, являясь интерпретатором культурной информации, неосознанно прибегает к «статистическому подходу», выбирая наиболее подходящие паттерны для интерпретации культурного кода другой нации и следуя обратному пути – от воспринимаемого текста к пониманию его смысла [Алпатов, 1999, с. 10].

В семиотической теории («теории знаков») Ч. Пирс представил более сложную систему взаимодействия, которая включает в себя три элемента: *знак*, *объект* и *интерпретант*. Он разделяет эти компоненты, утверждая, что знак существует независимо от интерпретанта и не равен объекту. По сути, знак сам по себе является частью языковой системы [Пирс, 2000].

В данной интерпретации культурный код включает в себя совокупность знаков и систему правил, которые используются для представления информации в виде символов, а также их передачи, обработки и хранения. Однако многие определения культурного кода уделяют внимание только кодированию информации, упуская из виду декодирование. Как показывает исследовательская практика, *процесс интерпретации и декодирования культурного кода играет такую же важную роль*, как и его кодирование.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ КУЛЬТУРНОГО КОДА КАК ФАКТОР ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОБЛЕМ: СУБЪЕКТИВНЫЕ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ

Интерпретация культурного кода может существенно отличаться от передаваемой информации, что делает каждый акт коммуникации уникальным и непредсказуемым, поэтому нельзя рассматривать культурный код как исключительно средство передачи информации, не учитывая процесс интерпретации, который формирует окончательное понимание и восприятие сообщения. В этом заключается, по определению Э. Кассирера, чрезвычайная изменчивость культурного символа,

когда мы говорим о межкультурной коммуникации [Кассирер, 1998].

Всё, что касается интерпретативной деятельности коммуникантов, относится к сфере субъективных факторов, которые могут так или иначе повлиять на успешность межкультурной коммуникации, на верное «прочтение» чужого культурного кода. Культурный код не является просто механическим инструментом передачи знаний и ценностей, это, скорее всего, сложная система, где каждый участник взаимодействия придаст свой собственный смысл и толкование высказываниям.

Иногда транслируемый и инферируемый смыслы значительно расходятся. В таком случае мы можем утверждать, что культурный код остался непрочитанным, нераскрытым, а акт коммуникации оказался неудачным. Этот разрыв между транслируемым и инферируемым смыслами, этот «непрочитанный» культурный код, может привести к множеству проблем в межличностном и межкультурном взаимодействии. «Непрочитанный» или неверно инферированный культурный код может стать причиной недопонимания, обид, конфликтов и даже разрушения отношений.

Неудачная шутка, основанная на культурных контекстах родной страны говорящего, может оказаться непонятной для собеседника или даже воспринята как грубость или оскорбление, что может привести к напряженности в общении и к коммуникативной неудаче.

В другой ситуации восхищение, которое в национальной культуре говорящего считается комплиментом, в культуре собеседника может быть расценено как неуместное или даже непристойное. Прагматические ожидания говорящего, основанные на знании исключительно собственных культурных кодов, могут потерпеть фиаско: вместо положительных эмоций говорящий может вызвать у слушающего чувство неловкости и неприятия.

«Непрочитанный» культурный код может проявляться и в более серьезных ситуациях. Например, в деловых переговорах, где неправильная интерпретация условий контракта, вызванная различиями в культурных кодах, может привести к серьезным финансовым потерям. Важно понимать, что культурный код – это не просто набор правил и норм, а сложный и многоуровневый механизм, который формируется исторически, социально и психологически. Он включает в себя язык, обычаи, традиции, ценности, представления о мире, этикет, жесты и даже невербальное общение. Каждый человек, погруженный в свою культуру, невольно привносит в процесс коммуникации свои индивидуальные интерпретации, что делает процесс понимания сообщения нелинейным и многогранным.

Среди частных причин коммуникативных неудач, связанных с неверным прочтением «чужого» культурного кода, можно назвать следующие коммуникативные ошибки:

а) отрицание самой идеи существования культурных кодов, которые обладают инкорпорированным культурным контентом;
б) отсутствие должной эмпатии, позволяющей понять собеседника, его точку зрения и восприятие ситуации с учетом его культурных особенностей;
в) использование в межкультурной коммуникации сложных метафор, идиом и жаргонизмов, которые могут быть непонятны собеседнику;
г) невнимание собеседников к невербальным сигналам: язык тела, мимика, жесты могут также нести в себе важный культурный контекст;
д) отсутствие уточняющих вопросов в ситуации недопонимания культурного контекста и т. д.

Помимо субъективных причин неверного прочтения культурного кода, существуют объективные причины, которые априори готовят не совсем благодатную почву для межкультурного общения. Одной из таких причин является тот факт, что каждый из культурных кодов соотносится с концептосферой определенной этнической культуры, в которой, даже при наличии общих культурных категорий, формируются разные представления о природе вещей и разные ценности.

Так, например, в интерпретации гастрономического кода различных этносов обязательно возникнут сложности в понимании и в оценке, казалось бы, универсальной категории «еда». То, что в понимании восточного человека относится к еде, для человека западной культуры едой может не являться. Жуки, термиты, личинки жуков и долгоносиков в западной культуре не относятся к концептосфере гастрономического кода и гипотетически представляют собой объективную основу потенциально неверной, с точки зрения представителей восточной культуры инференции.

Другой объективной основой ложных инференций являются лингвокультурные концепты, в которых нередко заключены культурно специфические метафорические образы национальных (этнических) лингвокультур, способные стать причиной неверной интерпретации культурных кодов [Тер-Минасова, 2000].

Культурные коды могут быть *общенациональными*. К таким кодам относятся основанные на национальных традициях общекультурные коды. Например, празднование Рождества в разных странах

связано с большим количеством рождественских символов, которые не всегда известны представителям других, далеких этнокультур. В некоторых европейских государствах существуют рождественские символы, которые не встречаются к русской культуре. Так, например, *падуб* (*остролист*), олицетворяющий бессмертие и терновый венец Иисуса; *венок* – символ вечной любви и перерождения; *карамельная трость*, в которой белый цвет символизирует чистоту, а красный – пролитую Иисусом кровь; *имбирный человечек* – символ рождественской кухни (в другой интерпретации он напоминает о том, что мы все – создания Адама и что мы не вечны) и т. д.

Культурные коды не являются устойчивыми ментальными конструктами в национальных картинах мира. Это более эфемерные образования, которые не всегда разделяются всеми без исключения представителями этноса. Коды могут быть известны определенной группе населения по возрастному принципу, по принципу профессиональных занятий и предпочтений. Культурные коды могут принадлежать одной эпохе или одному поколению. По прошествии определенного времени культурные коды размываются и уже не передают скрытого закодированного смысла. Такие культурные коды можно назвать *однопоколенными*. Чаще всего *однопоколенные культурные коды* основаны на прецедентных культурных контекстах, утрачивают свою значимость в другом, подрастающем поколении, которое уже не владеет данным культурным кодом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование семиотических аспектов культурных кодов указывает на то, что данные ментальные конструкты выполняют в межкультурной коммуникации функцию передачи ценностно-мотивационных смыслов отдельных этнических культур.

Культурные коды представляют собой априори скрытую, закодированную культурную информацию, для правильного понимания которой требуются определенные правила трансляции и инференции культурной информации.

Проблемы неверного прочтения культурного кода можно отнести к двум категориям: субъективным и объективным. Объективные причины базируются на кросс-культурных различиях этнических культур, и без глубокого «погружения» в чужую культуру преодоление барьера культурного кода становится объективно невозможным. Субъективные причины индивидуальны для каждого конкретного акта межкультурной коммуникации, и решение коммуникативных проблем находится в зоне контроля самих коммуникантов.

Изучение культурных кодов наводит на мысль о современной тенденции к их частичной универсализации в связи с глобальными изменениями в области культуры. И этот феномен достоин дальнейшего тщательного исследования в рамках современных ценностно-мотивационных парадигм.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабосов Е. М. Культурный код нации: сущность и особенности // Наука и инновации.2016. № 3(157). С.48-50.
2. Бабосов Е. М. Культурный код нации: бережное воспроизводство прошлого и устремленность в будущее // Экономика. Социология. Право. 2023. № 1 (29). С. 35–39.
3. Изотова Н. Н. К вопросу о прочтении «культурного кода» в лингвокультурологии // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 4. С. 5–11.
4. Котляров И. В. Культурный код: к новой системе ценностей (социально-философские тренды) // Мир науки. Социология, филология,культурология. 2022. Т. 13. № 3. С. 1–9.
5. Горлова И. И., Бычкова О. И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 268–272.
6. Денисов И., Зуенко И. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. М.: (ИМИ) МГИМО МИД России, 2022.
7. Батыршин Р. И. К вопросу о понятии культурного кода нации: лингвистический и культурологический подходы // Вестник культуры и искусств. 2024. № 1 (77). С. 46–54.
8. Гуревич Л. С., Батыршин Р. И. Культурный код нации: принцип национальной ценностной ориентации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 67. С. 13–23.
9. Barker Ch., Jane E. A. (2016). Cultural Studies: Theory and Practice. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC, Melbourne.
10. Hall S. Cultural Studies and its Theoretical Legacies' // Cultural Studies / Ed. by L. Grossberg, C. Nelson, P. Triechler. London and New York: Routledge, 1992. P. 96–109.
11. Кассирер Э. Логика наук о культуре / пер. с нем. и комм. С. О. Кузнецова, Б. Вимера. В кн.: Кассирер Е. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. С. 7–140.
12. Флиер А. Я. Символ в культуре: генезис – функции – значимость // Обсерватория культуры. 2016. Т. 1 № 1. С. 94–99.

13. Р. Взгляд на развитие семиотики. М.: Гнозис, 1996.
14. Батыршин Р. И., Гуревич Л. С. Феноменологические аспекты понятий «национальная культурная идентичность» и «культурный код нации» // Культурная жизнь Юга России. 2024. № 1 (92). С. 7–18.
15. Алпатов В. М. История лингвистических учений: учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999.
16. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.
17. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Слово / Slovo, 2000.

REFERENCES

1. Babosov, E. M. (2016). Kul'tumyj kod nacii: sushchnost' i osobennosti = Cultural code of the nation: essence and features. Nauka i innovacii = Science and innovation, 3(157), 48–50. (In Russ.)
2. Babosov, E. M. (2023). The cultural code of the nation: careful reproduction of the past and aspiration to the future. Economics. Sociology. Law, 1(29), 35–39. (In Russ.)
3. Izotova, N. N. (2020). On the reading of the "cultural code" in linguoculturology. Culture and Civilization, 10(4), 5–11. (In Russ.)
4. Kotlyarov, I. V. (2022). Cultural code: towards a new system of values (socio-philosophical trends). The world of science. Sociology, philology, cultural studies, 13(3), 1–9. (In Russ.)
5. Gorlova, I. I., Bychkova O. I. (2015). Culture as a "soft power": tools and points of application. Theory and practice of social development, 18, 268–272. (In Russ.)
6. Denisov, I., Zuenko I. (2022). Ot myagkoj sily k diskursivnoj sile: novye ideologemy vneshnej politiki KNR = From soft power to discursive power: new ideologies of China's Foreign Policy. Moscow: MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia. (In Russ.)
7. Batyrshin, R. I. (2024). To the Definiton of Nation's Cultural Code Concept: Linguistic and Culturological Approach. Culture and Arts Herald, 1(77), 46–54. (In Russ.)
8. Gurevich, L. S., Batyrshin, R. I. (2024). The cultural code of the nation: the principle of national value orientation. Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts, 67, 13–23. (In Russ.)
9. Barker, Ch., Jane E. A. (2016). Cultural Studies: Theory and Practice. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC.
10. Hall, S. (1992). Cultural Studies and its Theoretical Legacies'. In Grossberg, L., Nelson, C., Triechler, P. (Eds.), Cultural Studies (pp. 96–109). London and New York: Routledge.
11. Cassirer, E. (1998). Logika nauk o kul'ture = Logic of the sciences of culture. Translated from German and comments by S. O. Kuznetsov, B. Vimer. In Cassirer, E., Izbrannoe. Opyt o cheloveke (pp. 7–140). Moscow: Gardarika. (In Russ.)
12. Flier, A. Y. (2016). A Symbol in Culture: the Genesis – Functions – Significance. Observatory of Culture, 1(1), 94–99.
13. Yakobson, R. (1996). Vzglyad na razvitie semiotiki = A look at the development of semiotics. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
14. Batyrshin, R. I., Gurevich, L. S. (2024). Phenomenological aspects of the concepts of "national cultural identity" and "cultural code of the nation". Cultural life of the South of Russia, 1(92), 7–18. (In Russ.)
15. Alpatov, V. M. (1999). Istoriya lingvisticheskihuchenij = History of linguistic teachings. A study guide. 2nd ed., revised. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.)
16. Pierce, C. S. (2000). Izbrannye filosofskie proizvedeniya = Selected philosophical works. Moscow: Logos. (In Russ.)
17. Ter-Minasova, S. G. (2000). Yazyk i mezhkul'twnaya kommunikaciya = Language and intercultural communication: a study guide. Moscow: Slovo. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуревич Любовь Степановна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gurevich Lyubov Stepanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Humanities and Applied Sciences,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 130.2:316.75

К концептуализации «культуры отмены»: аксиологическая vs функциональная интерпретации культуры в отечественном и зарубежном социокультурном пространстве

О. И. Микитинец[1], О. В. Костенко[2]

[1,2]*Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Россия*
[1]*olya_mikitinets@mail.ru,*
[2]*olesya.kostenko.72@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема полярной интерпретации «культуры отмены» в контексте современных геополитических противостояний. Авторы указывают на смысловые и этимологические предпосылки основных подходов к современному пониманию данного феномена, в первую очередь, на функциональный и аксиологический подходы к культуре в отечественном и западном обществах. Смысловые нарративы «культуры отмены» трансформируются в рамках цивилизационного подхода, обусловливая ее понимание как технологии искажения идентичности и уничтожения базовых культурных кодов.

Ключевые слова: культура отмены, цивилизация, идентичность, гибридная война, ценности

Для цитирования: Микитинец О. И., Костенко О. В. К концептуализации «культуры отмены»: аксиологическая vs функциональная интерпретации культуры в отечественном и зарубежном социокультурном пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 154–161.

Original article

Toward the Conceptualization of “Cancel Culture”: Axiological vs Functional Interpretation of Culture in the Domestic and Foreign Sociocultural Space

Olga I. Mikitinets[1], Olesya V. Kostenko[2]

[1,2]*Crimean University of Culture, Art and Tourism, Russia, Simferopol*
[1]*olya_mikitinets@mail.ru,*
[2]*olesya.kostenko.72@mail.ru*

Abstract. The article examines the problem of polar interpretation of “cancel culture” in the context of modern geopolitical confrontations. The authors point out the semantic and etymological premises of the main approaches to the modern understanding of this phenomenon, primarily the functional and axiological approaches to culture in domestic and Western societies. The semantic narratives of “cancel culture” are transformed within the framework of the civilizational approach, stipulating its understanding as a technology for distorting identity and destroying basic cultural codes.

Keywords: cancel culture, civilization, identity, hybrid warfare, values

For citation: Mikitinets, O. I., Kostenko, O. V. (2024). Towards the conceptualization of “cancel culture”: axiological vs functional interpretation of culture in the domestic and foreign socio-cultural space. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 154–161. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

«Культура отмены» – один из новых и противоречивых феноменов современной культуры, представляющий собой современную разновидность остракизма как действенную технологию манипулирования общественным мнением. Ее становление связано с особенностями современных глобализационных процессов, создавших на сегодняшний день единое и пластичное социокультурное пространство. Сегодня в нарративе западной цивилизации под «культурой отмены» чаще всего понимают инструмент установления социальной справедливости, однако в широком смысле она представляет собой мировоззренческую установку, которая предполагает «как игнорирование, так и искоренение не только культуры ныне живущих людей, но и событий, связанных с их прошлым, а также сопряженных с ними интенций в возможное будущее» [Костенко, 2023, с. 249].

В англоязычных научных кругах и медиапространстве одним из вопросов, обсуждаемым в отношении «культуры отмены», является вопрос «правильного» токования *cancel culture* как «культуры отмены», которое часто подменяется так называемым неправильным переводом – отмена культуры [Фефелов, 2022], причем такое «инокультурное восприятие» характерно не только для русскоязычного пространства, но и для французской семантики. Как отмечает А. Ф. Фефелов, понятие «cancel culture» интерпретируется во франкоязычной традиции как «крах или деградация культуры, т. е. по “ошибочному” русскому канону – отмена культуры, ее традиционных ценностей» [Фефелов, 2022, с. 131]. И в этом контексте речь идет о свержении, деконструкции, уничтожении. Именно в таком контексте данное понятие употребляется в отношении русской культуры.

Одной из причин переноса технологии «культуры отмены» в цивилизационную плоскость выступают глобализационные процессы, а также цифровизация, расширение mass-media и «информационный взрыв», перенесшие львиную долю социальных взаимодействий в интернет-пространство.

В настоящее время существует как минимум три вектора операционализации данного понятия. Во-первых, «культура отмены» понимается как внеинституциональная технология управления и контроля цифрового пространства (Л. Ю. Шураева, Г. Сардарян). Л. Ю. Шураева отмечает: «Сущность “культуры отмены” состоит в элиминации неприемлемого поведения через общественное осуждение и отвержение <…> это один из трансформированных регулятивных инструментов материальной среды» [Шураева, 2022, с. 250].

Во-вторых, она является эффективным механизмом манипуляции общественным мнением [Симхович, 2022], в основе которого находятся глубинные ценностные установки, которые, в частности, называют «новой этикой» [Малыгина, 2023]. Они входят в прямое противоречие с устоявшимися культурными кодами и искажают, а иногда и разрушают привычное межкультурное взаимодействие [Mujtaba, Cavico, 2020].

В третьих, «культура отмены» сегодня всё чаще понимается как политическая технология гибридной войны с неугодными культурными ценностями [Костина, 2022; Комлева, 2015]. С 2022 года с усилением геополитического противостояния она интерпретируется в отечественном коммуникативном поле как удаление культуры, в связи с чем осмысление данного феномена приобретает аксиологический, цивилизационный характер.

Тем не менее единой основой использования данной технологии является публичность сфер ее применения: информационной, культурной, социальной, политической. В этой связи нам представляется необходимым применение междисциплинарного подхода при анализе данного понятия и оценке его семантического пространства.

Исследование данного феномена усложняется и тем, что появившееся в западной англоязычной традиции явление «культуры отмены» (*cancel culture)* противоречиво как в своей сути, так и по проявлениям (часто неполиткорректным) в социокультурном пространстве. Следствием этого является публичное отрицание самого существования такой технологии, как «культура отмены». Так, репортер издания «Insider» по цифровой культуре Рэйчел Э. Гринспен отмечает, что «культура отмены» – это «понятие, которого на самом деле не существует»[1] [Haltiwanger, 2021].

Несмотря на различные аспекты рассмотрения «культуры отмены» и освещения её кейсов в средствах массовой информации, она до сих пор не определена как концепт, особенно в контексте цивилизационных противостояний, что и обусловило выбор объекта исследования данной статьи.

В этой связи необходимо выявить предпосылки и особенности трансформации «культуры отмены» как социальной технологии в отмену культуры как инструмент гибридных цивилизационных войн.

[1]Здесь и далее перевод наш. – *О. М., О. К.*

ПОЛЯРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ

Противоречие, лежащее в основе самого понятия «культуры отмены», заключается, прежде всего, в использовании различных подходов к интерпретации в нем самого понятия культуры. Как отмечает А. Ф. Фефелов, в составе словосочетания «культура отмены» превалирует «явно политический, а не ожидаемый морально-этический подтекст» [Фефелов, 2022, с. 127]. Так, о «культуре отмены» на Западе говорят в отношении нелиберальных, нетолерантных, правых и праворадикальных проявлений [Haltiwanger, 2021]. Многообразие и противоречивость смыслового наполнения «культуры отмены» мы видим, прежде всего, в разном *понимании сущности культуры*. В данной связи необходимо обратиться к особенностям интерпретации феномена культуры в отечественном и западном научном пространстве, и, прежде всего, к *этимологии данного понятия* и особенностям его употребления в русскоязычном и англоязычном дискурсах.

Культура сегодня представляет собой динамическую неоднородную систему, давно вышедшую за рамки эстетико-досугового восприятия. В современном научном дискурсе понятие культуры достаточно полисемантично и его понимание зависит как от методологической традиции, так и от контекста изучения. По оценкам лингвистов существует определенная асимметрия понятий культура и culture [Фефелов, 2022, с. 138]. В русском языке слово культура имеет ярко выраженный аксиологический контекст. Так, согласно идеографическому словарю русского языка, «культура – это общечеловеческие ценности»[1], духовность и совершенство, она не несет в себе прямого противопоставления другим народам, государствам и ценностям. В толковом словаре культура определяется как «совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей»[2]. Если обратиться к современной научной трактовке культуры в отечественной философии и теории культуры, то культура понимается как целостность и «система ... надбиологических программ ... деятельности, поведения и общения людей»[3]. Определяемая как эстетическое, символическое, аксиологическое и социально-этическое явление, культура описывается В. С. Степиным в терминах «человек», «общество», «сознание», «добро», «зло», «красота», «вера», «надежда», «долг», «совесть», «справедливость», «свобода»[4]. Она интерпретируется как общее свойство человеческого рода, имеющее свои уровни (например, высокая культура), свои типы (русская, немецкая, японская культуры), различающиеся ценностями и нравственными принципами, но *не выстраиваемые в иерархию* (высшая / низшая культура). Если попытаться установить смысловые границы отечественного понимания феномена культуры, то они предельно широкие. Культура, как отмечает А. Я. Флиер, максимально полифункциональная и является не «второй природой», а первой, «естественной природой человека» на социальном уровне. Она представляет собой поведенческую программу, которая обеспечивает «коллективный характер» образа жизни людей, является инструментом социальной интеграции (нормы и ценности), различения (идентичность, добро / зло), интерпретации (идеология, смысл истории) [Флиер, 2019]. По сути, антонимом к русскоязычному слову культура выступает слово бескультурье, которое как характеристику возможно применить и к человеку, и к обществу.

Слово *culture* имеет несколько иной характер, что связано с преемственностью английского и латыни, и отсылает нас во времена Античности с противопоставлением культуры / цивилизации и варварства: *civilis* – *barbaricus* [barbarus][5]. В основе антонима *culture* лежит не противопоставление культуре вообще (бескультурье), а противопоставление чужой культуре: «1) *у греков* – негреческий, римский, латинский; 2) *у римлян* – негреческий, неримский, неитальянский, иноземный, чужой; 3) варварский, дикий»[6]. О. В. Большакова отмечает: «Известно, что Ренессансу было присуще унаследованное от римлян разделение стран на цивилизованный Юг и варварский Север (включая Францию и Германию), и еще довольно долго Россию относили к странам Северной Европы вместе с Польшей, Швецией и Данией» [Большакова, 2016, с. 355]. Эти бинарные оппозиции противопоставления «мы» – «чужие» в культурном и цивилизационном плане позже нашли свое отражение в условной дихотомии «Запад» – «Восток». Такая идея противопоставления культурного – некультурного до сих пор является актуальной для европейского мировосприятия, несмотря на попытки обосновать плюрализм культур и внедрить политику мультикультурализма: «Культура хорошо послужила цели дистанцирования – политически, эпистемологически, морально, технологически, ментально – во

[1]Идеографический словарь русского языка / сост. О. С. Баранов. 1995.

[2]Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 2003. С. 313.

[3]Степин В. С. Культура // Новейший философский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 527.

[4]Степин В. С. Культура // Новейший философский словарь. М., 2001. С. 528.

[5]White L. A Culture // Encyclopedia Britannica. 2009.

[6]Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 5-е изд. М.: Русский язык, 1998. С. 99.

времени и пространстве от всех остальных народов мира» [Rapport, Overing, 2002, с. 100]. Обратившись к статье Л. Уайта в энциклопедии Britannica, можно обнаружить, что за общим определением культуры как поведения, которое свойственно Homo sapiens, «вместе с материальными объектами, используемыми как неотъемлемая часть этого поведения»[1], акцентируется внимание на таких ее свойствах и особенностях понимания как: особенности ментальности человека, способности к символизации и символическому поведению, обособления общества, культурных различий и релятивизма, экономических, политических, образовательных, религиозных и иных социальных систем и т. п. Культура здесь выступает средством для достижения цели: безопасности и непрерывности жизни, а развитие культуры связывается Л. Уайтом с эволюцией мышления. Культура как внешняя по отношению к человеку среда выполняет ключевую функцию – «сделать жизнь безопасной и продолжительной для общества людей, живущих внутри культурной системы. Таким образом, культуру можно рассматривать как новейшее, наиболее развитое средство обеспечения безопасности и непрерывности жизни»[2]. К тому же в западной культурно-антропологической традиции чаще всего речь идет о культуре как образе жизни, и программе поведения разных народов и обществ. В этом контексте вольно или невольно происходит сопоставление и сравнение на грани соперничества разных культур: «…один тип социокультурной системы содержит лучшие средства обеспечения продовольствием или борьбы с болезнями, чем другой»[3]. Из такого сравнения и сопоставления неизбежно вырастает этноцентризм, свойственный гражданам более развитых в цивилизационном (научно-техническом и экономическом) плане государств / народов / стран: «Граждане большой нации, особенно в прошлом, с меньшей вероятностью наблюдали за людьми другой нации или культуры, чем члены небольших племен, которые хорошо знакомы с обычаями своих соседей, отличающихся культурным разнообразием. Так, американский турист может сообщить, что лондонцы ездят “не по той стороне улицы”, а англичанин может посчитать некоторые обычаи на континенте “странными” или “хамскими” просто потому, что они другие»[4]. В целом англоязычной традиции в большей степени свойственно функциональное понимание культуры как способа жизни общества и технологии его управления, в то время как русскоязычная традиция в большей степени аксиологична и даже с точки зрения социологической традиции представляет собой систему ценностей, интегрированных в общество (П. Сорокин, Г. Риккерт, К. Виндельбанд). Как отмечает А. Ф. Фефелов: «наша оппозиция антропоцентрична, она прочнее связана с индивидом и его уровнем владения высокой культурой в рамках своей национальной общественной культурной системы, с понятием “стать человеком”, достойным членом общества» [Фефелов, 2022, с. 140].

В этом ключе социально-политический подход, сегодня достаточно распространенный и в российской научной традиции при объяснении функций культуры как социального механизма, сохраняет, тем не менее, *аксиологическую интерпретацию*. Например, такое определение культуры мы находим у А. В. Костиной, отмечающей, что понимание как нормативного регулятора «расширяет пространство ее значений от сферы прекрасного (это понятие с ней соотносится, как правило, в первую очередь) до сферы социальной регуляции, формирующей… совокупность норм и значений» [Костина, 2022, с. 2]. В таком контексте культура напрямую влияет на человеческое поведение, его мотивы и мотивацию, легитимность и одобряемость социумом его поведения и поступков. Именно в нормативной плоскости происходит принятие либо неприятие другой культуры в зависимости от близости разделяемых норм и ценностей. Неприятие содержания чужой культуры (культуры другого народа) «фактически означает отрицание правильного взгляда на мир у представителей данного народа, неверное толкование ими базовых понятий, несогласие по поводу которых дает право воспринимать их в качестве чужих и чуждых, а следовательно, врагов» [Костина, 2022, с. 2]. Но даже в этом контексте социально-политическое понимание культуры не предполагает у нас отмену, уничтожение чужой культуры – только формирование собственной идентичности и защиту своей культуры.

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК ИНСТРУМЕНТ ГИБРИДНЫХ ВОЙН ПОСТГЛОБАЛЬНОГО МИРА: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

В данной связи необходимо затронуть еще один важный аспект генезиса технологии «культуры отмены» – стремление к уничтожению иной культуры. Западноевропейская модель понимания культуры, как было отмечено выше, достаточно близка к античной интерпретации цивилизации: Запад – Восток, цивилизованный – варварский. И такое жесткое противопоставление «свой» – «чужой» позволяет говорить о взаимодействии западной культуры с другими как с заведомо чужеродными, подлежащими уничтожению традициями, несущими угрозу

[1] White L. A Culture // Encyclopedia Britannica. 2009.
[2] White L. A Culture // Encyclopedia Britannica. 2009.
[3] White L. A Culture // Encyclopedia Britannica. 2009.
[4] White L. A Culture // Encyclopedia Britannica. 2009.

своей культуре, т. е. как с контркультурами. Например, Ф. Фукуяма, определяя культуру «как арациональную этическую привычку, передаваемую по традиции» [Фукуяма, 1995, с. 8], отмечает, что она представляет собой четвертый, самый глубокий социальный уровень, включающий семью, религию, мораль, этническое самосознание, ценности и историческую память. Именно над культурой надстраивается гражданское общество, социальные институты и идеология, и именно она подвергается воздействию при необходимости трансформации социального и политического уровней. Борьба с традиционными, национальными и религиозными ценностями («культуральными препятствиями»), являющаяся необходимым условием распространения либеральных ценностей, сегодня выступает одним из механизмов ведения войн с культурой как частью гибридной войны против государств. Как отмечает Ф. Фукуяма, культурные различия даже среди равных демократических государств сложноискоренимы, и их устойчивость «может означать, что международная жизнь будет все больше рассматриваться как конкуренция не между соперничающими идеологиями… – но между различающимися культурами» [Фукуяма, 2015, с. 184]. Разрушению и уничтожению подвергаются традиционные культуры, препятствующие процессу демократизации и унификации мирового пространства [Фукуяма, 2015, с. 185]. В качестве примера можно привести цветные революции, прокатившиеся по странам постсоветского пространства, Азии и Африки с 2000 года. Все эти события сопровождались, прежде всего, войной с традиционными культурными ценностями, а также искажением или уничтожением национальной идентичности. Именно идентичность напрямую связана с бинарным противостоянием «свой – чужой», строящемся на обособлении своей (не обязательно национальной) культуры. Сегодня противостояние варварство – цивилизация трансформировалось в новую форму: традиционные ценности – либерализм.

Как отмечает Ф. Фукуяма, воздействие на культурные нормы практически невозможно в пределах «институционалистских решений» [Фукуяма, 1995], что в условиях геополитических противостояний порождает новые, внеинституциональные формы войны с культурой, которой и является «культура отмены». Связанная с искажением и размытием базовых стратегий идентичности, она выступает как одна из ключевых технологий медиапространства.

И. В. Малыгина подчеркивает, что к началу XXI века происходит смена пространства формирования идентичности: «эта тенденция ознаменовалась вытеснением традиционных базовых идентичностей … на периферию индивидуального и общественного сознания; сублимацией идентификационных стратегий индивида в альтернативное пространство цифровой и медийной реальности» [Малыгина, 2023, с. 2]. В медиапространстве идентичность стала связываться с такими характеристиками, как «новая искренность» (например хештегами #MeToo), являющимися по сути симулякрами чувства сопричастности, а потому приводящими к деструктивным последствиям [Малыгина, 2023, с. 7]. В контексте геополитических процессов именно культура и традиционные ценности подменяются их симулякрами, обесцениваются либо предаются забвению, вызывая чувство ложной сопричастности. По сути, «культура отмены» здесь является современной версией контркультуры по отношению как к традиционной европейской (условно – христианской с абсурдными требованиями наподобие запрета преподавания У. Шекспира в курсе классической литературы в английских вузах и т. п.), так и к отечественной традиционной культуре (в том числе и советского периода). Это хорошо заметно в установке на показательное исключение культурного наследия определенного народа (тотальный запрет русской культуры на Западе), общего исторического «советского» наследия (демонстративное уничтожение памятников Великой Отечественной войны в Прибалтике и Восточной Европе) и т. п. По сути, «культура отмены» как технология гибридной войны способствует искоренению «способности к свободной идентификации… После уничтожения такой способности человеку может быть навязана или наведена любая идентификации, которая по каким-то причинам необходима извне» [Комлева, 2015, с. 16].

В этом ключе актуальным является как раз буквальный перевод *cancel culture* как *удаление культуры*, который показывает трансформацию ее смысловой составляющей. Его иллюстрацию мы видим в высказывании Президента РФ В. В. Путина, который отметил: «Пресловутая “культура отмены” превратилась в “отмену культуры”. Из концертных афиш вымарывают Чайковского, Шостаковича, Рахманинова. Также запрещаются и русские писатели и их книги. В последний раз такую массовую кампанию по уничтожению неугодной литературы почти 90 лет назад проводили нацисты в Германии. Мы хорошо знаем и помним из кадров кинохроники, как сжигаются книги прямо на площадях» [Бабалова, 2022]. В этой связи сегодня на передний план выходит именно ценностное содержание культуры, позволяя увидеть в ней главный фактор национальной безопасности, механизм отстаивания «метафизических ценностей, своего образа мира и образа будущего» [Костина, 2022, с. 3], т. е. основу собственной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в процессе концептуализации феномена «культуры отмены» даже не в отечественном, а русскоязычном сегменте мы сталкиваемся с некоторыми нюансами, которые касаются как перевода этого понятия на русский язык (условно «правильного» и условно «неправильного»), так и с определенными дискурсами, смысловыми нарративами.

Так, «культура отмены» сегодня представляет собой как отмену определенного публичного человека (и это связано с его поведением повседневным, его соответствием и несоответствием современной культурной повестке), так и технологию целенаправленного уничтожения целых культур. Последнее связано с социально-политическими, историческими, культурными особенностями, когда речь идет о *«замалчивании», «удалении» культуры как сублимации уничтожения носителей этой культуры*. Есть еще более отдаленные термины, но, тем не менее, они в своем происхождении, своей истории тесно связаны с «культурой отмены», как, например, движение BLM и то, что на Западе принято называть «новой этикой». Поэтому при достаточно широком распространении данного термина, особенно в последние годы в российских СМИ по отношению ко всему русскому, к русской культуре, все-таки концептуализация этого понятия в науке еще не завершилась. У данного феномена пока нет единого смыслового поля, позволяющего использовать его, если не однозначно, то, по крайней мере, с целостным понятным нарративом. Понимание различий в интерпретации культуры подводит нас к цивилизационным основаниям трактовки «культуры отмены», что указывает на ее контркультурную природу и позволяет в дальнейшем выявить составляющие данной технологии. Именно отсутствие эстетико-аксиологической составляющей лежит в основе трансформации «культуры отмены» как технологии социальной (манипулирования общественным мнением) в технологию политическую (ведения гибридной войны путем слома устоявшихся культурных кодов). И в этом ключе она представляет собой рецидив контркультуры, предполагающий борьбу со всеми иными культурами вплоть до их уничтожения как чужеродных элементов.

Таким образом, прослеживая эволюцию «культуры отмены» от новой этики к войне с другой культурой и с инакомыслием, мы приходим к концептуализации «культуры отмены» в рамках цивилизационного подхода. Именно в этом ключе она распространяется сегодня в социально-политическом и культурном международном пространстве и неразрывно связана с искажением формирования идентичности и с угрозой национальной безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Костенко О. В. Историко-философские предпосылки становления понятия «культура отмены» // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5. С. 248–252.
2. Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 126–144.
3. Шураева Л. Ю., Коринец А. Г. Социальный эффект «культуры отмены» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z // Вестник университета. 2022. № 12. С. 248–256.
4. Симхович В. А. Культура отмены как инструмент манипулирования общественным мнением // Современный социум: социология жизни (междисциплинарный профиль). Минск, 2022. С. 212–219.
5. Малыгина И. В. Identity capital и стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры // Площадь Лихачева. 2023. С. 1–8.
6. Mujtaba B. G., Cavico F. J. Ethical Analysis of Office Romance and Sexual Favoritism Policies in the #MeToo Workplace and «Cancel Culture» Era. SocioEconomic Challenges. 2020. Vol. 4 (4). P. 132–150.
7. Костина А. В. Ценности и смыслы культуры как фактор национальной безопасности // Площадь Лихачева. 2022. С. 1–8.
8. Комлева Н. А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противостояния // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С. 15–23.
9. Haltiwanger J. Putin rails against cancel culture and suggests teaching gender fluidity to kids is a 'crime against humanity' // Business Insider. Oct 22, 2021. URL: https://www.businessinsider.com/putin-slams-cancel-culture-and-supporters-of-transgender-rights-2021-10.
10. Флиер А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры // Культура культуры. 2019. № 1. URL: http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/.

11. Большакова О. В. Концепт «Запад» и историографические образы России // Труды по россиеведению. 2016. С. 353–385.
12. Rapport N., Overing J. Social and Cultural Anthropology: The Key Concepts. London, New York: Routledge, 2002.
13. Фукуяма Ф. Главенство культуры // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6 (1). P. 7–14.
14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2015.
15. Бабалова М. Владимир Путин: Пресловутая «культура отмены» превратилась в «отмену культуры» // Российская газета. 28.03.2022. URL: https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmeny-prevratilas-v-otmenu-kultury.html.

REFERENCES

1. Kostenko, O. V. (2023). Istoriko-filosofskiye predposylki stanovleniya ponyatiya «kul'tura otmeny» = Historical and philosophical prerequisites for the formation of the concept of "cancel culture". Society: philosophy, history, culture, 5, 248–252. (In Russ.)
2. Fefelov, A. F. (2022). Diskurs vokrug cancel culture kak ob"yekt lingvokul'turnogo i perevodcheskogo analiza: logika protiv «logiki» = Discourse around cancel culture as an object of linguocultural and translation analysis: logic versus "logic". Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and intercultural communication, 20(1), 126–144. (In Russ.)
3. Shuraeva, L. Yu., Korinets, A. G. (2022). Sotsial'nyy effekt «kul'tury otmeny» v tsifrovom prostranstve na primere pokoleniy Y i Z = Social effect of "cancel culture" in the digital space using the example of generations Y and Z. University Bulletin, 12, 248–256. (In Russ.)
4. Simkhovich, V. A. (2022). Kul'tura otmeny kak instrument manipulirovaniya obshchestvennym mneniyem = Cancel culture as a tool for manipulating public opinion. Modern society: sociology of life (interdisciplinary profile) (pp. 212–219). Minsk. (In Russ.)
5. Malygina, I. V. (2023). Identity capital i strategii samoopredeleniya cheloveka v tsifrovom prostranstve sovremennoy kul'tury = Identity capital and strategies for human self-determination in the digital space of modern culture. Likhachev Square (pp. 1–8). (In Russ.)
6. Mujtaba, B. G., Cavico, F. J. (2020). Ethical Analysis of Office Romance and Sexual Favoritism Policies in the #MeToo Workplace and «Cancel Culture» Era. SocioEconomic Challenges, 4(4), 132–150.
7. Kostina, A. V. (2022). Tsennosti i smysly kul'tury kak faktor natsional'noy bezopasnosti = Values and meanings of culture as a factor of national security. Likhachev Square (pp. 1–8). https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2022/dokladi/Kostina.pdf. (In Russ.)
8. Komleva, N. A. (2015). Konstsiyental'naya voyna: global'nyye trendy global'nogo protivostoyaniya = Conscientious war: global trends of global confrontation. Space and Time, 3(21), 15–23. (In Russ.)
9. Haltiwanger, J. (2021, Oct 22). Putin rails against cancel culture and suggests teaching gender fluidity to kids is a 'crime against humanity'. Business Insider. https://www.businessinsider.com/putin-slams-cancel-culture-and-supporters-of-transgender-rights-2021-10.
10. Flier, A. Ya. (2019). Filosofskiye prolegomeny k Normativnoy teorii kul'tury = Philosophical prolegomena to the Normative Theory of Culture. Culture of Culture, 1. http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/ (In Russ.)
11. Bolshakova, O. V. (2016). Kontsept «Zapad» i istoriograficheskiye obrazy Rossii = The concept of "West" and historiographic images of Russia. Works on Russian studies (pp. 353–385). (In Russ.)
12. Rapport, N., Overing, J. (2002). Social and Cultural Anthropology: The Key Concepts. London, New York: Routledge.
13. Fukuyama, F. (1995). Glavenstvo kul'tury = The primacy of culture. Journal of Democracy, 6(1), 7–14. (In Russ.)
14. Fukuyama, F. (2015). Konets istorii i posledniy chelovek = The End of History and the Last Man. Translated from the English by M. B. Levina. Moscow: AST. (In Russ.)
15. Babalova, M. (2022, March 28). Preslovutaya "kul'tura otmeny" prevratilas' v "otmenu kul'tury" = Vladimir Putin: The notorious "cancel culture" has turned into "cancel culture". In Rossiyskaya Gazeta. https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmeny-prevratilas-v-otmenu-kultury.html. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Микитинец Ольга Ивановна
кандидат философских наук, доцент
доцент кафедры философии, культурологии и межъязыковых коммуникаций
Крымского университета культуры, искусств и туризма

Костенко Олеся Владимировна
аспирант кафедры философии, культурологии и межъязыковых коммуникаций
Крымского университета культуры, искусств и туризма

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikitinets Olga Ivanovna
PhD, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Interlingual Communications
Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Kostenko Olesya Vladimirovna
Postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Interlingual Communications
Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Статья поступила в редакцию	15.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	30.09.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 130.2:316.75

«Успех» как категория национальной культуры

А. А. Раренко

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
andrejj1997@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается категория «успех», представляющая, на наш взгляд, одно из базовых понятий любой национальной культуры. Для осознания своего положения в обществе человек пользуется некоторыми инструментами оценки, среди которых «успешность» и «неуспешность» выражают диаметрально противоположные координаты. На примерах русской и американской культур рассматривается категория «успех». Несмотря на общее понимание данной категории, наблюдаются особенности восприятия понятия «успех» в разных национальных культурах. Делается вывод о том, что понятие формируется под влиянием особенностей национального культурного развития страны.

Ключевые слова: успех, успешность, менталитет, национальная культура, самоопределение, оценка, «внутренний успех», «внешний успех», Россия, США

Для цитирования: Раренко А. А. «Успех» как категория национальной культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 162–168.

Original article

“Success” as a Category of National Culture

Andrey A. Rarenko

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
andrejj1997@rambler.ru

Abstract. The article examines the category of “success”, which, in our opinion, is one of the basic concepts of any national culture. To understand their position in the society, individuals use certain evaluation tools, among which “success” and “failure” express diametrically opposed coordinates. The research explores the category of “success” using examples from Russian and American cultures. It is shown that despite the general understanding of this category, there are distinctive features in how “success” is perceived in different national cultures. The article concludes that the concept is shaped by the specific characteristics of a country’s national cultural development.

Keywords: success, success, mentality, national culture, self-determination, assessment, “internal success”, “external success”, Russia, USA

For citation: Rarenko, A. A. (2024). “Success” as a category of national culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 162–168. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Для любого человека важно признание окружающих его людей. Тема данной статьи – успех как феномен национальной культуры, под которой понимаются опосредованные национально-специфическими условиями способы мышления, переживания и действия человека, представленные в виде системы и проявляющиеся в его ежедневном поведении. Понимание человеком категории «успех» обусловлено той национальной культурой, в рамках которой произошло его моральное и нравственное становление. Актуальность избранной темы определяется недостаточной изученностью феномена «успех» с национально-культурных позиций, что подтверждается отсутствием соответствующих публикаций.

Как показывает анализ научной литературы, категория «успех» анализируется в основном с философской, социологической и экономической точек зрения [Бакуменко, 2015], хотя вполне очевидным представляется точка зрения, что данная категория является одной из базовых в системе ценностей современного человека и как таковая не может быть игнорирована. Отметим, что лишь отдельные публикации затрагивают лингвокультурологический аспект проблемы; в них авторы обращаются к анализу значений слов, включающих значение «успех» в качестве основного или периферийного, в том числе в разных языках.

«УСПЕХ» КАК ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ

При глобализации контакты между представителями разных культур становятся всё более тесными. Высокий уровень миграции различного характера приводит к тому, что представители разных этносов вынуждены часто взаимодействовать друг с другом. Появление мультинациональных корпораций, приглашающих на работу специалистов с разным культурным багажом, – тому наглядный пример.

Современная система высшего образования позволяет гражданину практически любой страны получить любое образование, какое и где он хочет, а многие университеты поддерживают идею обучения студентов из разных стран, не выделяя их в отдельные группы, при этом языком обучения часто выступает английский язык. Так, обучаясь в полиязыковой и мультикультурной среде, студенты получают не только профессиональные знания, но и опыт общения с представителями иных культур, в том числе и преодолевая конфликты, истоки которых лежат в разнице менталитетов, что выражается как в поведении на бытовом уровне, так в отношении к учебному процессу. В качестве примера, ставшего уже хрестоматийным, можно привести отношение самих студентов – представителей разных стран – к списыванию сокурсниками на экзаменах: в некоторых культурных сообществах отношение к списыванию можно охарактеризовать в целом как толерантное, тогда как в других – возмутительно-негативное.

Нельзя не согласиться с тем, что «деятельность современного человека подведена под принцип рыночного соперничества, лейтмотивом же любого действия является достижение конечного успеха» [Масхулия, 2020, с. 28]. В современной научной литературе нашли отражения два подхода к понятию «успех», которые условно можно назвать «внешний успех» и «внутренний успех». Первый подход описывает то, как окружающие оценивают достижения индивида, на что обращают внимание, оценивая его, второй – как сам человек оценивает себя. Оба подхода в своей основе ориентируются на то, какие ценности выступают в качестве базовых у отдельно взятого человека и в обществе, в которое он интегрирован.

Как мы уже писали в наших других статьях, система ценностных ориентиров человека иерархична [Раренко, 2022; Раренко, 2023]. Более того, как показывает сравнительно-сопоставительный анализ даже идентичных в разных культурах понятий, которые можно условно описать словами «успех», «успешный», их понимание во многом определяется национально-культурной спецификой, обусловленной особенностями развития общества на разных его этапах.

УСПЕШНОСТЬ В РОССИИ

Согласно корпусным данным русского языка, понятие «успех», заимствованное в русский язык из старославянского языка, впервые упоминается в Изборнике 1076 года, который представляет собой сборник, включивший в себя принадлежащие различным жанрам поучительные (дидактические) тексты[1]. В современных толковых словарях русского языка, лексическая единица «успех» имеет три связанных между собой значения[2] и синонимична таким словам, как достижение, завоевание, победа, триумф, фурор, торжество, свершение, лавры, удача[3] [Раренко, 2020]. Приведенные выше

[1]Национальный корпус русского языка. URL: http://www. ruscorpora. ru/new/

[2]Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. М.: АСТ: Мир и образование, 2017.

[3]Большой словарь синонимов и антонимов русского языка / сост. Н. И. Шильнова. М.: Дом Славянской книги, 2017.

примеры свидетельствуют о том, что в русской лингвокультуре выделяются такие составляющие успеха, как удача, ее общественное признание, признание необходимости определенного физического и / или интеллектуального труда, целенаправленной деятельности, т. е. фиксируется представление о сложности движения к успеху и трудностях на пути к ним, а также представление об удаче как необходимой его составляющей.

В то же время понятие «успех», как нам представляется, в русской культуре сформировалось поздно, даже сегодня словосочетание «успешный человек» по отношению к представителю российского общества (за исключением бизнес-элиты) используется довольно редко как в повседневном общении, так и в деловом. Отметим, что в названиях научных работ чаще словосочетание встречается тогда, когда предметом исследования выступает американская лингвокультура, что косвенным образом свидетельствует, что «успех» находится на периферии базовых ценностей современных россиян. Показательно, что авторы нескольких работ отмечают интерес именно подростков и молодых людей к данной проблематике [Абашидзе, 2022; Ситько, 2020]. Это, на наш взгляд, можно рассматривать как показатель формирования новой парадигмы ценностей в современной русской лингвокультуре.

Для современных российских подростков «успех» и, соответственно, «успешный человек» рассматриваются как весьма привлекательная жизненная цель. Показательно, что, согласно исследованию Д. М. Абашидзе, российские подростки прежде всего акцентируют свое внимание на внешних (видимых и оцениваемых другими представителями общества) показателях успеха и успешности, а именно – на материальном благополучии, а лишь потом обращают внимание на внутренние критерии, такие как удовлетворенность своей жизнью; творческая реализация личности и т. п. [Абашидзе, 2022]. И. П. Ситько утверждает, что в представлениях современных российских подростков о жизненном успехе важную роль всё же играет понятие счастья, а личностный успех они видят в целеполагании и достижении поставленных собой целей (прежде всего, счастья) через преодоление препятствий, труд, получение образования. Таким образом, успешный человек – тот, кто достиг поставленных целей, самореализовался в обществе, у него счастливая семья, есть друзья, карьера и материальный достаток [Ситько, 2020, с. 57]. Эти небольшие расхождения в представлениях подрастающего поколения о сущности успеха, на наш взгляд, показательны и свидетельствуют о том, что в обществе концепт «успех» находится в стадии формирования.

В исследовании С. В. Атюниной показано, что понимание категории «успех» зависит от гендерной принадлежности человека, которого оценивают и который оценивает. Современные россияне предъявляют разные требования к мужчине и женщине, говоря об их успешности. Так, успешный мужчина россиянами описывается как дружелюбный человек, конкурентоспособный, ощущающий себя счастливым, спокойного темперамента, в то же самое время стремительный, излучающий уверенность в себе и своих действиях, ведущий активный образ жизни, респектабельный, демонстрирующий власть своим поведением и манерами, перспективный, т.е. обладающий неким потенциалом к развитию, личностному и карьерному росту, достижениям в сфере деятельности, в которой он занят, при этом особое место в его системе ценностей занимает семья [Атюнина, 2007]. Успешная женщина искренняя, благополучная, привлекательная, покоряющая, серьезная семейная, женственная, достойная. Отметим, что профессиональные качества успешной женщины не акцентируются, т. е., для того чтобы считаться успешной, женщине нет необходимости «состояться» профессионально [там же]. Любопытным представляется «женский» взгляд на успешного мужчину. Это мужчина, с одной стороны, достигающий свои жизненные цели, с другой – способный переживать от этого положительные эмоции, т. е. жизнерадостный и счастливый. Мужчины видят успешного человека как человека серьезного, стремящегося к общению и получению удовольствия, справляющегося с обыденными трудностями, возникающими в его работе [Атюнина, 2007]. Отметим, что вопреки зафиксированным словарным значениям лексической единицы «успех», в сознании русскоязычных говорящих возникают несколько иные ассоциации. Образ успешного человека, т. е. человека, добившегося успеха, обязательно, среди прочих составляющих, содержит акцент на эмоциональном интеллекте.

В произведениях русской классической литературы, в частности в романе И. А. Гончарова «Обломов», представлен образ весьма успешного человека, даже по современным меркам, – Андрея Штольца. Он – счастливо женат на Ольге Ильинской, в их отношениях царит гармония, у них есть дети. Сам отец семейства – успешный предприниматель, который регулярно повышает свои знания, в том числе получая передовой иностранный опыт. В меру своих сил Андрей Штольц эмоционально и в основном материально участвует в судьбе своего друга детства Обломова, которого, в отличие от него, никак нельзя назвать успешным человеком. Более того, после смерти друга Штольц берет его малолетнего сына Андрея на воспитание в свою семью. Как

это ни парадоксально, симпатии современников И. А. Гончарова всегда были на стороне Обломова, Штольц представлялся в русской системе ценностных координат человеком несколько отстраненным, другим, чужим. Его положительные качества признавались, но, видимо, его излишняя «успешность» как результат рационального мышления и поведения не находили должного отклика ни у читателей XIX–XX веков, ни у критиков. Вероятно, это можно хотя бы отчасти объяснить тем, что в образе Андрея Штольца отсутствует любая эмоциональность. Его деятельность не только в работе, но и в семейных отношениях, и в оказании помощи Илье Ильичу мотивирована не внутренними переживаниями, а практической необходимостью. Так, Ольга Ильинская для него не просто жена, а верная, мудрая, поддерживающая во всех жизненных ситуациях, соратница, разделяющая его отношение (во многом практическое и прагматическое) к жизни, семейному быту, воспитанию детей. Помощь Обломову выражается не в сочувствии и эмпатичных разговорах, как можно было бы ожидать, а в конкретной деятельности, имеющей реальный результат: Штольц, несмотря на занятость, нашел время поехать в Обломовку, уволил прежнего жуликоватого управляющего, нанял другого, добился того, чтобы имение Обломовка стало приносить доход, обеспечив таким образом даже не самого Обломова, а его подрастающего сына. В то же самое время Штольц сочувствует Обломову, но по-своему – молчаливо, и даже жалеет его, но, возможно, не так, как ожидали от него читатели и критики. Не стоит, однако, забывать о том, что Штольц, хотя и вырос в русской деревне, всё же по отцу немец. Отношение к Штольцу у современных читателей, особенно школьников, в настоящее время начинает меняться. Возможно, это вызвано изменением отношения в российском обществе к бизнесу и его представителям, его роли в жизни общества, формирующемся на протяжении последних 20–30 лет под влиянием системе западных ценностей, развитием концепции социальной ответственности бизнеса в мире. То отношение к успеху, которое сегодня мы наблюдаем у российских школьников и молодежи, отчасти повторяет модель успеха Штольца.

УСПЕХ ПО-АМЕРИКАНСКИ

Обобщая данные англоязычных толковых словарей, можно выделить такие значения лексемы *successful* – «достигший желаемого / положительного результата», «добившийся успеха в начинаниях»; «достигший высокого положения (в бизнесе, политике и др.)»; «приобретший богатство, способный “делать деньги”»; «снискавший славу, известность, награды»; «вызывающий своими высокими достижениями восхищение людей»; «благоприятный, благосклонный». Как и аналогичная русская лексема, прилагательное *successful* в современном английском языке в качестве синонимов имеет следующие: *favorable* (*благоприятный*), *profitable* (*выгодный*, *прибыльный*), *having good luck* (*удачливый*) *effectual* (*эффективный*, *дающий результат*), *extraordinary* (*выдающийся*, *опередивший всех*), *having succeeded in life unaided* (*добившийся успеха своими силами*, *без помощи*), т. е. *self-made* (*сделавший себя сам*) [Зенкова, 2019].

В культуре США понятие успеха стало не столько американской мечтой, сколько национальной идеей. Некоторые исследователи называют американское общество «успехоцентрированным», или «успехоориентированным», чему способствовали исторические, экономические и социокультурные предпосылки становления американской нации [Зенкова, 2019, с. 168]. В самом общем виде идеал успешного человека по-американски можно описать так – это человек, осуществивший «американскую мечту», т. е. обладающий властью над обстоятельствами, позитивным отношением к переменам, умеющий ценить время и им управлять, воспользовавшийся тем, что ему предлагает американское общество, – равенством возможностей и равноправием, приоритетом личных интересов над общими, неприкосновенностью частной жизни. Это человек, воплотивший в полной мере в жизнь концепцию «помоги себе сам», конкурентоспособный, посвятивший себя свободному предпринимательству, открытый и честный, практичный и прагматичный, патриотически настроенный, религиозный [Зенкова, 2019].

Таким образом, в характеристике успешного человека в американской лингвокультуре акцентируются прежде всего деятельностный признак и высокая награда как результат этой деятельности [Гончарова, 2016].

Феномен успеха по-американски сформировался в начале XX века благодаря развитию такого философского направления, определившего развитие американского общества на годы вперед, как прагматизм. Один из его представителей – Джон Дьюи – отождествляет успех со счастьем, составляющими которого являются такие блага, как здоровье, богатство, честь, доброе имя, дружба, высокая общественная оценка, образованность, умеренность, справедливость, доброжелательность. Таким образом, успешным может считать себя американец, овладевший вышеперечисленным. В понимании А. Маслоу, успешная личность – человек, который удовлетворил свои потребности: физиологические, социально-статусные, эстетические и

познавательные. У. Джеймс, выделяя степень первичной и вторичной удовлетворенности человека, главенство физиологии в процессах реагирования человека на те или иные события, связывает успех с удовлетворенностью человеком некими своими действиями. Отметим, что успех рассматривается как состояние человека в результате некой деятельности с его стороны.

В художественной американской литературе рубежа XIX–XX веков образ успешного человека представлен, например, в романе У. Д. Хоуэллса «Возвышение Сайласа Лэфема». Его *карьера* бизнесмена началась весьма неожиданно и стала примером того, как реализовывается на практике американская мечта. В основе его *возвышения* лежит его величество случай и удача – случайно на принадлежащем ему участке земли были обнаружены природные запасы некоего минерала, которые благодаря трудолюбию, желанию добиться успеха в жизни, природной хватке и сметливости, а также поддержке верной, может быть, даже в чем-то более практичной жены, привели семейство Сайласа Лэфема, выходца из деревенских низов, к богатству и, что еще более важно – признанию его заслуг и личных качеств, – в высшее американское общество. Более того, когда у Сайласа Лэфема возникает дилемма, как поступить (под угрозой оказывается либо семейный бизнес, либо его репутация), на семейном совете совместно(!) принимается решение пожертвовать бизнесом в пользу сохранения морального спокойствия, внутренней гармонии, доброго имени, репутации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно говорить о «национальных вариантах» успеха, тем не менее есть общие мировые тенденции, которые сегодня отчетливо прослеживаются и которые можно рассматривать как проявление глобализации, взаимопроникновение одной культуры в другую под влиянием всё более и более становящихся гомогенизированными представлений о новых реалиях. В первую очередь это касается упрочения материальных (внешних) ценностей в качестве лейтмотива человеческого бытия, их приоритета над ценностями внутренними, которые являются более разнообразными и отражают духовные особенности развития этносов на протяжении долгой истории. В то же самое время нельзя отрицать важность и ценность материальной составляющей в жизни современных людей. В разных культурах материальная составляющая отражается по-разному, но ее наличие в качестве одной из основных составляющих успеха, как *внешнего*, так и *внутреннего*, нельзя не признать. Подытоживая сказанное, отметим, что сегодня успешный человек самостоятельно через труд достигает поставленных им самим же целей, он самореализуется в обществе, это семейный человек с хорошими социальными связями, имеет не только коллег, но и друзей, доволен своей карьерой, с хорошим материальным достатком, что позволяет ему ощущать себя вполне счастливым человеком.

Когда Ж. Бодрийяр в книге «Общество потребления» рассуждает о феномене потребления, описывая его как неосознанный процесс, напоминающий, по сути, цепную психологическую реакцию [Baudrillard, 1970], и используя многочисленные примеры современной ему реальности, последовательно доказывает, что в XX веке потребление, приобретая статус особого интереса человека, больше не определяется только сущностью самих приобретаемых предметов и их необходимостью. Опосредованно он говорит о том, что уровень потребления в последней трети XX века оказывается мерилом успешного человека. Сегодня этот тезис философа находит подтверждение еще в большей степени: характеристикой успешного человека становится его способность к демонстративному потреблению на фоне бесконечного и так же никем и ничем не мотивированного наращивания производства, т. е. производства ради самого производства. Как важную характеристику современного понимания категории «успех» следует отметить то, что «ничто и никто не может носить статус успешного, будучи не признанным таковым», на что указывал еще П. Рикёр в одной из своих работ о двойственном характере понятия «признание», поскольку современный человек как никогда раньше оказывается интегрирован в социум [Рикёр, 2010]. Соответственно, вопрос о его признании в социуме, т. е. признании его успешным, достойным уважения и самоуважения, находится в числе базовых потребностей современного человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бакуменко Г. В. Процесс символизации успеха как принцип пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем // Политика и общество. 2015. № 7 (127). С. 964–977.
2. Масхулия М. Успех как лейтмотив современности. Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 26–34.

3. Раренко А. А. К вопросу об определении понятия «корпоративные ценности» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12. № 6. С. 198–217. DOI: https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-6-198-217.
4. Раренко А. А. Ценностные ориентиры россиян в условиях общественных трансформаций // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 12. № 4. С. 221–236. DOI: https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-4-221-236.
5. Раренко А. А. О лексическом значении понятия «успех» (на материале толковых и отраслевых словарей русского языка) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2020. № 2. С. 9–12.
6. Абашидзе Д. М. Образ успешного человека в представлении юношей и девушек // Научные дискуссии. 2022. Т. 2. № 4. С. 29–31.
7. Ситько И. П. Формирование образа успешного человека в представлениях подростков // СтРИЖ. 2020. № 6-1 (35). С. 55–58.
8. Атюнина В. С. Образ успешного человека в семантическом пространстве личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2007.
9. Зенкова Т. В. «Успешный человек» как ценностная доминанта американской лингвоаксиологической картины мира // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 168–179.
10. Гончарова Е. Н. Концепт успех / success в русской и американской лингвокультурах: историко-этимологический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 2 (177). С. 49–53.
11. Baudrillard J. La société de consommation: ses mythes et ses structures. P.: Éditions Denoël, 1970.
12. Рикёр П. Путь признания: три очерка / [пер. с фр.: И. И. Блауберг, И. С. Вдовина] ; Российская академия наук, Институт философии, Институт научной информации по общественным наукам. М.: РОССПЭН, 2010.

REFERENCES

1. Bakumenko, G. V. (2015). Process simvolizacii uspeha kak princip prostranstvenno-sredovoj orientacii jelementov sociokul'turnyh sistem = The process of symbolizing success as a principle of spatial and environmental orientation of elements of socio-cultural systems. Politika i obshhestvo, 7(127), 964–977. (In Russ.)
2. Mashulija, M. (2020). Uspeh kak lejtmotiv sovremennosti = Success as a leitmotif of modernity. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 5(97), 26–34. (In Russ.)
3. Rarenko, A. A. (2022). K voprosu ob opredelenii ponjatija «korporativnye cennosti» = On the issue of defining the concept of "corporate values". Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment, 12(6), 198–217. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-6-198-217. (In Russ.)
4. Rarenko, A. A. (2023). Cennostnye orientiry rossijan v uslovijah obshhestvennyh transformacij = Value orientations of Russians in the context of social transformations. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment, 12(4), 221–236. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-4-221-236. (In Russ.)
5. Rarenko, A. A. (2020). O leksicheskom znachenii ponjatija "uspeh" (na materiale tolkovyh i otraslevyh slovarej russkogo jazyka) = On the lexical meaning of the concept of "success" (based on the material of explanatory and branch dictionaries of the Russian language). In Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 11: Sociologija, 2, 9–12. (In Russ.)
6. Abashidze, D. M. (2022). Obraz uspeshnogo cheloveka v predstavlenii junoshej i devushek = The image of a successful man in the representation of young boys and girls. Nauchnye diskussii, 2(4), 29–31. (In Russ.)
7. Sit'ko, I. P. (2020). Formirovanie obraza uspeshnogo cheloveka v predstavlenijah podrostkov = The formation of the image of a successful person in the representations of teenagers. StRIZh, 6-1(35), 55–58. (In Russ.)
8. Atjunina, V. S. (2007). Obraz uspeshnogo cheloveka v semanticheskom prostranstve lichnosti = The image of a successful person in the semantic space of personality: abstract of PhD in Psychology. Khabarovsk. (In Russ.)
9. Zenkova, T. V. (2019). "Uspeshnyj chelovek" kak cennostnaja dominanta amerikanskoj lingvoaksiologicheskoj kartiny mira = "Successful man" as a value dominant of the American linguo-axiological worldview. Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki, 16(2), 168–179. (In Russ.)
10. Goncharova, E. N. (2016). Koncept uspeh / successv russkoj i amerikanskoj lingvokul'turah: istoriko-jetimologicheskij aspekt = The concept of success / session in Russian and American linguistic cultures: historical and

etymological aspect. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie, 2(177), 49–53. (In Russ.)
11. Baudrillard, J. (1970). La société de consommation: ses mythes et ses structures. Paris: Éditions Denojol.
12. Rikjor, P. (2010). Put' priznanija : tri ocherka = The Path of Recognition : three essays. [Transl. from French by I. I. Blauberg, I. S. Vdovina] ; Russian Academy of Science, Institut filosofii, Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Раренко Андрей Алексеевич
младший научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rarenko Andrey Alekseevich
Junior Research Fellow
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	20.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2024	accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 12 (893)

Ответственный за выпуск
А. М. Дементьева
кандидат филологических наук

Редактор М. М. Сингал
Верстка: А. В. Алымов
Разработка макета: А. Алымов

Подписано в печать 12.12.2024
Усл. печ. л. 21,1.
Формат 60x90/8
Заказ № 107/24

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

Network electronic scientific publication

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 12 (893)

Executive editor
Aleksandra M. Dementieva
PhD in Philology

Editor: Marina M. Singal
Layout: Andrey V. Alymov
Layout design: Andrey V. Alymov

Signed for print: 12.12.2024
Conventional printed sheets: 21,1
Layout format 60x90/8
Order 107/24

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© FSBEI HE MSLU, 2024

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.10.1. Теория и история культуры, искусства
5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».